

ДЖИН КВОК

Запомните это имя.
У Джин Квок есть все
шансы стать действительно
большим писателем.

Девушка в переводе

Annotation

Кимберли с мамой эмигрировали из Гонконга в Америку и очутились вовсе не в экономическом раю, как ожидали, а в самом сердце Бруклина, в нью-йоркских трущобах. И теперь вся надежда только на Кимберли, поскольку мама совсем не знает английского. И вскоре у Кимберли начинается двойная жизнь. Днем она примерная американская школьница, а вечером — китайская рабыня, вкалывающая на маленькой фабрике с потогонной системой, и ее заработка едва хватает на еду и аренду убогой квартирki. Скрывая от всех и свою нищету, и то, что она тащит на себе семью, и свою любовь к юноше с фабрики, Кимберли день за днем учит язык, переводя свою жизнь с китайского на английский, возводя мост между двумя мирами, между прошлым и будущим. У Кимберли нет денег на новую одежду, на косметику и на прочие девичьи радости, но у нее есть способности и невероятная целеустремленность. Она не понимает многого в Америке, она растеряна, напугана, но она верит в себя и не собирается отступить.

- [Джин Квок](#)
 - [Пролог](#)
 - [Глава первая](#)
 - [Глава вторая](#)
 - [Глава третья](#)
 - [Глава четвертая](#)
 - [Глава пятая](#)
 - [Глава шестая](#)
 - [Глава седьмая](#)
 - [Глава восьмая](#)
 - [Глава девятая](#)
 - [Глава десятая](#)
 - [Глава одиннадцатая](#)
 - [Глава двенадцатая](#)
 - [Глава тринадцатая](#)
 - [ДВЕНАДЦАТЬ ЛЕТ СПУСТЯ](#)
- [notes](#)
 - [1](#)

Джин Квок

Девушка в переводе

Пролог

У меня есть особый талант — не актерский, не музыкальный, не к танцам или еще к чему-то столь же изящному. Я всегда умела учиться. Могла выучить все что угодно — быстро и без особых усилий. Как будто школа была специальным механизмом, а я — идеально подходящей шестеренкой. Впрочем, не могу сказать, что учение всегда давалось мне легко. Когда мы с Ма переехали в США, я знала всего несколько слов по-английски, и пришлось немало побороться, чтобы заговорить.

Китайская пословица гласит: нашей жизнью управляют ветры судьбы, вынуждая следовать в определенном направлении. Люди с сильной волей могут противостоять буре и выбирать собственную дорогу, в то время как слабые вынуждены идти туда, куда их гонит ветер. Так вот моей судьбой управлял не ветер, ею управляли собственные решения. Всю жизнь мне хотелось иметь то, чего у меня не было. И в тот момент, когда мечта, казалось, превращалась в реальность, возникало новое решение, радикально менявшее жизненную траекторию.

Отсюда, с улицы, сквозь витрину магазина для новобранцев, мне видна маленькая девочка, тихонько сидящая у ног манекена, — глаза зажмурены, тяжелые складки ткани почти скрывают ее, и я думаю: «Нет, не такой жизни я хотела бы для своего ребенка». Сегодня я знаю, что будет дальше. Уже сейчас она проводит в магазине все время после школы, помогает по мелочам — перебирает бусины; потом научится шить, вручную и на машинке, и тогда ей доверят вышивку и окончательную отделку, и в итоге все дни напролет она станет просиживать, скрючившись над бесконечными ярдами ткани. Не будет у нее ни вечеринок у подружек, ни уроков плавания, ни лета на пляже, вообще ничего, кроме неумолимого стука швейной иглы.

Но тут мы обе поднимаем глаза, потому что входит ее отец, и все, казалось бы забытое, вновь просыпается во мне, и сердце раненым зверьком мечется в груди.

Интересно, я тоже была такой хорошенькой? У нас практически не сохранилось моих детских фотографий, мы не могли позволить себе фотоаппарат. Первый американский снимок — школьное фото того года, когда я приехала в Америку. Мне было одиннадцать. Потом в жизни наступил момент, когда хотелось забыть о прошлом, и я разорвала фотографию на мелкие кусочки. Но почему-то не выбросила их, а сунула в

конверт.

Недавно мне попался этот конверт. Я стерла с него пыль, раскрыла, потрогала неровные края обрывков. Это — мочка уха, а вот это — часть подбородка. Тогда, помню, мама меня подстригла, пряди слишком короткие и разной длины, челка закрывает правую половину лба, как у мальчишки. Лицо и часть голубой нейлоновой рубашки пересекает надпись: ОБРАЗЕЦ. Мы не могли заплатить за настоящую фотографию и поэтому сохранили эту. Нам ее прислали по почте.

Но когда я собираю разрозненные кусочки, в сложенном пазле появляются мои глаза, твердо глядящие в объектив, и в этом взгляде трудно не заметить надежду и честолюбие. Если б я только знала...

Глава первая

Тротуар был покрыт тающей коркой льда. Я пристально разглядывала свои резиновые сапожки — вот носок скользит по льду, вот лед превращается в мелкие осколки под моим каблуком. Известный мне лишь по маленьким искусственным кубикам в напитках, здешний лед был живым — именно он был хозяином городских улиц и зданий.

— Нам очень повезло, что освободилось местечко в одном из домов Мистера Н., — объявила Тетя Пола, едва мы подъехали к своему новому жилищу. — Вам, конечно, придется привести его в порядок, но, знаете, при нынешней дороговизне на жилье в Нью-Йорке это очень даже дешево.

Я с трудом могла усидеть в машине, вертела головой во все стороны, пытаюсь разглядеть небоскребы. Но что-то ни одного не встречалось. Мне страстно хотелось увидеть тот Нью-Йорк, о котором я слышала в школе, — Мин-Хат-Тон, сверкающие магазины, а больше всего — статую Свободы, гордо возвышающуюся над Нью-Йоркским заливом. По мере нашего движения дороги превращались в невероятно широкие авеню, уходящие в бесконечность. Здания становились все грязнее, все чаще встречались разбитые окна и какие-то английские надписи, нарисованные краской прямо на стенах. Еще несколько поворотов. Мы проезжаем мимо людей, стоящих, несмотря на ранний час, в длинной очереди, а потом Дядя Боб останавливается у трехэтажного дома с заколоченной витриной на первом этаже. Я подумала, что мы притормозили только на минутку, по какому-нибудь делу, но тут все принялись выбираться из машины на обледеневший тротуар.

Перед закрытой дверью с непонятной надписью «Отдел Социальной Службы» стояла длинная очередь. Почти все были чернокожими. Я никогда прежде не видела черных. У женщины, стоявшей ближе других ко мне, кожа была просто смоляной, а в пышных волосах сверкали золотые бусинки. На ней было поношенное тоненькое пальто, но она тяжело дышала, как будто ей было душно. Кое-кто был одет прилично, но в основном все были неопрятные и неряшливые, с мутными глазами и немытыми волосами.

— Не пялься на них, — прошипела мне Тетя Пола. — Не надо привлекать к себе внимание.

Я отвернулась. Взрослые уже выгрузили наши немногочисленные пожитки, которые громоздились теперь у заколоченной витрины, — три

чемодана, мамина скрипка в футляре, несколько свертков, обернутых в крафтовую бумагу, и швабра. Перед входной дверью была большая лужа.

— Что это, Ма?

Она наклонилась пониже, разглядывая.

— Не наступайте, — раздался сзади голос Дяди Боба. — Это моча.

Мы поспешно отскочили назад.

— Все будет нормально. — Тетя Пола ободряюще похлопала Ма по плечу, но звучало это не очень убедительно. Ей было явно неловко перед нами. — Из вашей квартиры совсем недавно съехали жильцы, и я ее пока не видела, но помните, если возникнут проблемы, мы их сразу же уладим. Вместе. Потому что мы одна семья.

Ма вздохнула и погладила тетину руку:

— Хорошо.

— А у меня для вас сюрприз. Вот! — Тетя Пола вернулась к машине и вытащила коробку, в которой лежали несколько простыней, радиоприемник с будильником и маленький черно-белый телевизор.

— Спасибо, — сказала Ма.

— Не за что, что ты, — замахала руками Тетя Пола. — А теперь нам пора. Мы уже опаздываем на фабрику.

Они отъехали, а Ма все возилась с ключами, тяжелая дверь, казалось, сопротивлялась натиску. Наконец Ма удалось справиться с замком, дверь распахнулась, и голая электрическая лампочка тускло замерцала в проеме, подобно одинокому зубу в темной пасти. Потянуло сыростью и запахом пыли.

— Ма, — прошептала я, — здесь точно не опасно?

— Тетя Пола не поселила бы нас в опасном месте. — Однако в ее голосе прозвучала нотка сомнения. Когда Ма нервничала, в ее обычно чистом кантонском диалекте проскальзывали интонации, выдававшие ее провинциальное происхождение. — Подай-ка щетку.

Пока я втаскивала наши вещи в узкий коридор, Ма ловко размахивала щеткой, выметая грязь с лестницы.

— Стой там, придерживай дверь, чтоб не захлопнулась, — распорядилась она. Ма не хотела, чтобы я бросилась ей помогать.

Я смотрела, как она карабкается по деревянной лестнице, и сердце мое колотилось где-то у самого горла. Покосившаяся лестница казалась ненадежной. Я боялась, что какая-нибудь ступенька вдруг вылетит и Ма покатится вниз. Она скрылась за пролетом, и я слышала лишь скрип ступеней. Я оглядела кучку наших вещей, прикидывая, что можно использовать в качестве оружия. В крайнем случае я смогу громко

завизжать и броситься ей на помощь. В голове промелькнули образы моих гонконгских одноклассников, Жирного Вога и Длинного Лэма. Была бы я такая здоровенная, как они! Над головой раздались шаги, щелкнул замок, застонали половицы. Это Ма или кто другой? Я напряглась в ожидании крика или звука удара. Тишина.

— Поднимайся, — донесся ее голос. — Можешь прикрыть дверь.

Ноги у меня подкосились, будто из них выпустили воздух. И я взбежала по лестнице в нашу новую квартиру.

— Не прикасайся ни к чему, — предупредила Ма.

В кухне свистел ветер, словно оба окна были нараспашку. Странно, зачем Ма пооткрывала окна. Но окна были закрыты. Просто подоконник почти отсутствовал, а из деревянных рам торчали грязные осколки. Толстый слой пыли покрывал маленький кухонный столик и выщербленную раковину. Я старалась не наступать на хрустящие тельца дохлых тараканов, устилавшие пол по всей кухне. Тараканы были огромными и в полумраке выглядели особенно мерзко.

Из кухни шла дверь в ванную, и она располагалась точно напротив плиты, хотя даже младенцу понятно, что это плохо с точки зрения фэн-шуй. Кусок темно-желтого линолеума между раковиной и холодильником отсутствовал, обнажились кривые половицы. Стены где-то потрескались, а где-то странно вздулись, будто проглотили что-то; краска местами облупилась и висела хлопьями, выставя напоказ штукатурку — словно плоть под содранной кожей.

К кухне примыкала еще одна комната, и двери между ними не было вовсе. Входя в комнату, я краем глаза заметила, как по стене медленно движутся бурые пятна — живые тараканы. В стенах, должно быть, обитали еще и мыши, а может, и крысы. Я выхватила из рук Ма швабру, перевернула и постучала рукояткой по полу.

— А-Ким, — встревожилась Ма, — там же соседи.

Я промолчала, хотя подозревала, что в этом здании мы — единственные жильцы.

Окна комнаты выходили на улицу, и подоконники здесь были целыми. Видимо, Тете Поле пришлось их починить, чтобы не срамиться перед нами. В комнате было пусто, но стоял застарелый запах пота. В углу валялся изношенный матрас — в сине-зеленую полоску и весь в пятнах. Из мебели имелись крошечный колченогий кофейный столик, за которым я буду позже делать уроки, и комод, краска с которого осыпалась, точно перхоть. И все.

Я подумала, что Тетя Пола сказала неправду, в этой квартире давным-давно никто не жил. Мне все стало понятно. Она специально так

сделала — заставила нас переехать в будний день, а не в выходные, вручила подарки в самый последний момент. Хотела бросить нас здесь одних, а фабрика просто была предлогом, чтобы поскорее смыться, пока мы будем рассыпаться в благодарностях за ее доброту. Тетя Пола вовсе не собиралась нам помогать. Мы остались одни.

Я крепко обхватила себя обеими руками.

— Ма, я хочу домой.

Ма наклонилась, прижалась лбом к моему лбу. Она заставила себя улыбнуться, но в глазах стояло напряжение.

— Все будет хорошо. Ты и я, мама и детеныш, мы двое — семья.

Но что Ма думала на самом деле, я не знала, — моя Ма, которая протирала салфеткой чашки и палочки в каждом ресторане, куда мы ходили, потому что не была уверена в их чистоте. Думаю, после того, как она увидела квартиру, для Ма тоже кое-что прояснилось в отношении Пола — что-то истинное, скрытое под маской вежливых бесед.

Первую неделю в США мы с Ма прожили в доме Тети Пола и ее семейства на Стейтен-Айленд.

В тот вечер, когда мы прилетели из Гонконга, было холодно, но в доме стояла такая жара, что горло пересыхало. Ма не виделась с Тетей Полой, своей старшей сестрой, тринадцать лет — с тех пор, как та вышла замуж за Дядю Боба, жившего в Америке с детства. Рассказывали, что Дядя Боб управляет большой фабрикой, и я всегда удивлялась, зачем такому богатому человеку искать жену в Гонконге. Теперь, увидев, как он ходит с палочкой, я поняла, что у него, вероятно, проблемы с ногами.

— Ма, когда мы будем есть? — Китайский моего кузена Нельсона был ужасен, интонации неправильные. Ему, наверное, из-за нас велели говорить по-китайски.

— Скоро. Сначала поцелуй свою сестренку. Поздравь с прибытием в Америку, — велела Тетя Пола.

Она взяла за ручку трехлетнего Годфри и подтолкнула Нельсона вперед. Нельсону было одиннадцать, как и мне, и предполагалось, что он станет моим лучшим другом. Я внимательно рассматривала жирного мальчишку на тоненьких ножках. Нельсон театрально закатил глаза.

— Добро пожаловать в Америку, — громко произнес он, на радость взрослым. Наклонился ко мне, делая вид, что целует в щеку, а сам тихонько прошептал: — Ну, ты, грязная деревенская кочерга!

Тупой, неотесанный мужлан. Странно, но на этот раз интонации были идеальными.

Я покосилась на Ма, но она ничего не слышала. На миг оторопев от такого хамства, я почувствовала, как кровь бросилась мне в лицо, но тут же улыбнулась и чмокнула его в ответ, шепнув в ухо:

— По крайней мере, я не похожа на картофелину на спичках.

Взрослые сияли.

Нам показали дом. Ма говорила, что в Америке мы будем жить у Тети Полы и помогать с детьми, Нельсоном и Годфри. Дом показался мне просто роскошным: повсюду оранжевое ковровое покрытие, а не просто бетонный пол, к которому я привыкла дома. Следуя по пятам за Тетей Полой, я обратила внимание, какая она большая, почти одного роста со своим мужем. Ма, похудевшая после недавней болезни, рядом с ней казалась совсем крошечной и хрупкой, — впрочем, об этом было слишком тяжело думать. Раньше мне никогда не разрешали ходить босиком, и я замирала от восторга, ощущая приятную колкость ковров.

Тетя Пола показывала мебель, гардероб, полный белья, но больше всего меня поразила горячая вода, свободно текущая из кранов. Никогда в жизни я такого не видела. В Гонконге с водой проблемы. У нас всегда была только холодная, и для питья ее приходилось кипятить.

Потом Тетя Пола распахнула дверцы буфета, демонстрируя блестящие баночки и чайнички.

— У нас есть замечательный белый чай, — гордо сообщила она. — Листочки распускаются и становятся длиной в палец. Очень тонкий аромат. Пейте, пожалуйста, сколько захотите. А вот здесь сковородки. Сталь высшего качества, на них изумительно жарить и тушить...

Когда наутро мы с Ма проснулись, Тетя Пола и Дядя Боб уже ушли — отвести детей в школу и проверить, как идут дела на фабрике, но Тетя Пола оставила записку, что к полудню будет дома и поможет нам устроиться.

— Давай попробуем этот замечательный белый чай? — предложила я.

Ма жестом указала на стол. Там стоял старый щербатый глиняный чайник да коробочка недорогого зеленого чая.

— Сердце мое, неужели ты думаешь, нам случайно оставили именно это?

Я потупилась, смущенная собственной бестолковостью.

Ма продолжала:

— Китайцев нелегко понять. Много не говорится напрямую. Но мы не должны обижаться на такие пустяки. У каждого свои слабости. — Она опустила руку мне на плечо. Я посмотрела на нее, Ма выглядела спокойной и уверенной. — Никогда не забывай, мы в большом долгу перед Тетей

Полой и Дядей Бобом. Потому что они помогли нам уехать из Гонконга в Америку, Страну Золотых Гор.

Я кивнула. Все ребята в школе откровенно завидовали, когда узнали, что я уезжаю в Штаты. Сбежать из Гонконга в последние годы перед его присоединением к коммунистическому Китаю в 1997 году было практически невозможно. У вас был шанс, только если вы молодая симпатичная женщина, способная очаровать одного из американских китайцев, приехавших в Гонконг в поисках жены. Так и поступила в свое время Тетя Пола. А сейчас она оказалась настолько добра, что позволила нам разделить ее счастливую судьбу.

Вернувшись домой тем первым утром, Тетя Пола пригласила нас с Ма за кухонный стол.

— Итак, Кимберли, — начала Тетя Пола, постукивая кончиками пальцев по виниловой клеенке, — я слышала, ты блестяще учишься.

Ма с улыбкой кивнула; в своем классе в Гонконге я всегда была лучшей.

— Ты будешь замечательной помощницей маме, — продолжала тетя Пола. От тетушки пахло духами, над верхней губой у нее темнела родинка. — И я уверена, станешь хорошим примером Нельсону.

— Нельсон тоже очень умный мальчик, — вставила Ма.

— Да, конечно, он хорошо учится, а его преподаватели говорят, что он обязательно когда-нибудь станет выдающимся адвокатом, уж очень любит спорить. Но теперь у него будет повод стараться изо всех сил, чтобы не отстать от своей блестящей кузины. Верно?

— О, ты возлагаешь на нее непосильный груз, старшая сестра! Девочке придется нелегко, А-Ким почти не говорит по-английски.

— Да, это проблема. Нельсону тоже нужно бы подучить китайский — беда с этими детками, родившимися в Америке! Но тебе, младшая сестра, следует называть девочку ее американским именем — Кимберли. Очень важно иметь американское имя. Иначе могут подумать, что вы только что выбрались из джонки! — Тетя Пола рассмеялась.

— Ты всегда думаешь о нас, — вежливо ответила Ма. — Мы хотели бы как можно скорее начать помогать тебе. Может, мне начать заниматься китайским с Нельсоном?

— Видишь ли, — с сомнением произнесла Тетя Пола, — об этом я и хотела поговорить. В этом, вообще-то, больше нет нужды.

Ма удивленно приподняла бровь:

— Я думала, ты хочешь, чтобы Нельсон лучше знал китайский. Тогда,

наверное, мне следует нанять маленького Годфри и встречать Нельсона из школы? Ты говорила, здешние няни дороги и ненадежны. Или ты намерена сама сидеть дома и присматривать за детьми?

Ма все что-то бормотала в растерянности, а я мечтала, чтобы она уже замолчала и дала высказаться тетушке.

— Нет, нет. — Тетя Пола почесала шею. Я уже замечала раньше этот жест. — Я бы, конечно, хотела сидеть дома. Но сейчас навалилось столько разных забот. Фабрика, все эти дома Мистера Н. Сплошная головная боль.

Тетя Пола уже не раз давала понять, что она очень важная фигура — управляет швейной фабрикой и недвижимостью дальнего родственника Дяди Боба, бизнесмена с Тайваня, которого она называла Мистер Н.

Ма кивнула.

— Ты должна побережь себя, — проговорила она полувопросительно. Мне тоже было интересно, куда клонит Тетя Пола.

— Все хотят заработать, все должно приносить прибыль. Каждое здание, каждая партия товара... — Она смотрела на Ма с каким-то странным выражением. — Я думала, что приглашу вас помочь с детьми. Но потом у тебя появились некоторые проблемы.

Около года назад маме поставили диагноз «туберкулез», уже после того, как были оформлены все бумаги на выезд. Несколько месяцев ей пришлось принимать лекарства. Помню, как она лежала в лихорадке, но антибиотики помогли победить кашель и пятна крови на носовых платках. Дата отъезда откладывалась дважды, пока наконец она не получила разрешение от врачей и департамента иммиграции.

— Я здорова, — сказала Ма.

— Разумеется. И я рада, сестренка, что с тобой все в порядке. Но мы должны быть уверены, что не случится рецидива. Забота о двух таких активных мальчиках, как Нельсон и Годфри, будет отнимать у тебя слишком много сил. Мальчики — это совсем не то что девочки.

— Я справлюсь, уверена, — настаивала Ма, с нежностью глядя на меня. — А-Ким тоже была шустрая, как обезьянка.

— Да, конечно. Но мы не хотим, чтобы мальчики подхватили какую-нибудь инфекцию. Они такие хрупкие.

Я изо всех сил старалась понять китайцев, как учила Ма. По неловкому молчанию, последовавшему за тетиними словами, я догадалась, что дело не в болезнях. По какой-то непонятной причине Тетя Пола не хотела, чтобы Ма нянчила ее детей.

— В любом случае, мы благодарны, что ты перевезла нас сюда, — после небольшой паузы выдавила Ма, пытаясь снять напряжение. — Но мы

не можем быть для тебя обузой. Я должна работать.

Тетя Пола расслабилась и принялась играть новую роль.

— Вы же моя семья! — Она засмеялась. — Неужели вы думаете, я этого не предусмотрела? — Она поднялась, подошла ко мне и обняла за плечи. — Я возьму на себя ответственность и дам вам работу на фабрике. Я даже уволила одну старую работницу, чтобы освободить рабочее место. Видишь как? Старшая сестра всегда о тебе позаботится. Работа не бей лежачего, сама увидишь. — Тетя Пола говорила так, будто делала Ма большое одолжение, просто бесплатный обед предлагала.

Ма нервно сглотнула, усваивая информацию.

— Я, конечно, изо всех сил постараюсь, старшая сестра, но я никогда не умела толком шить. Мне нужно попрактиковаться.

Тетя Пола все так же ослепительно улыбалась.

— Я помню! — Она скользнула взглядом по моей рубашке, сшитой дома, с кривой красной строчкой. — Меня всегда забавляли кукольные платица, что ты пыталась мастерить. Можешь хоть десять тысяч лет практиковаться, все равно ничего не выйдет. Поэтому я даю тебе пустяковую работу — окончательный этап, развешивать готовую продукцию. Для этого не нужны никаких умений, только старание.

Ма побледнела, выпрямилась и сказала:

— Спасибо тебе, старшая сестра.

С того момента Ма погрузилась в собственные мысли и больше ни разу не играла на скрипке. Пару раз Тетя Пола водила маму в город, показать фабрику и научить пользоваться метро. Оставаясь вдвоем, мы с Ма в основном смотрели цветной телевизор — это было здорово, хотя и не понять ни слова. Правда, однажды, когда мы смотрели какую-то серию «Я люблю Люси», она крепко обняла меня, как будто искала утешения, и я сильнее обычного пожалела, что с нами рядом нет Па.

Па умер от инсульта, когда мне было три года, и нам пришлось оставить его в Гонконге. Я совсем не помнила его, но все равно тосковала. Он был директором начальной школы, где Ма преподавала музыку. Вообще-то она должна была выйти замуж за американского китайца, как Тетя Пола, и вдобавок Па был на шестнадцать лет старше Ма, но они полюбили друг друга и поженились.

Па, с тоской подумала я, Па. Я так рвалась в Америку и так боялась этого, что у меня даже не было слов объяснить свои ощущения. Просто хотелось, чтобы дух его перенесся из Гонконга, пересек океан и оказался здесь, с нами.

Несколько дней мы с Ма приводили в порядок квартиру в Бруклине. Окна в кухне закрыли мусорными пакетами, чтобы хоть как-то защититься от страшного ветра, хотя при этом в кухне стало темно. Пакеты под порывами ветра надувались и норовили оторвать липкую ленту, которой были приклеены к раме. В соответствии с принципами фэн-шуй через дверь ванной комнаты в кухню проникает поток нечистой энергии. Поэтому мы передвинули плиту на сколько могли, чтобы убрать ее как можно дальше от входа в ванную.

На второй день уборки нам потребовались хозяйственные материалы и спрей от тараканов, и Ма решила, что поход в ближайший магазин станет небольшим праздником, наградой за проделанную работу. Судя по тому, с какой нежностью она взъерошила мне волосы, я подумала, что она хочет сделать для меня что-то особенно приятное. Мы купим мороженое, объявила Ма, редкое лакомство.

В магазине было тесно и людно, мы долго стояли в очереди, пока не оказались перед замызганным стеклянным прилавком.

— Что там написано? — спросила Ма, кивая на одну из картонных коробок. Под нарисованной клубникой было написано: «Сделано из настоящих фруктов», но следующее слово я не знала.

Мужчина за прилавком сердито сказал по-английски:

— Я вас спрашиваю. Будете что-нибудь покупать или как? — Тон был настолько агрессивным, что Ма поняла его без всякого перевода.

— Извините, сэр, — виновато пролепетала Ма, — очень извините.

На этом ее знание английского заканчивалось, и она обернулась ко мне.

— Это, — я решительно указала пальцем на клубничные коробочки, два.

— Наконец-то, — буркнул он.

Сумма, которую он пробил на чеке, в три раза превышала указанную на коробке. Ма бросила взгляд на чек и тут же отвела глаза. Я не знала, должна ли вмешаться и как вообще по-английски выражают несогласие с указанной ценой, поэтому тоже промолчала. Ма заплатила, не глядя ни на продавца, ни на меня, и мы поспешно вышли. На вкус мороженое оказалось ужасным: жидкое и кислое, а фрукты обнаружили только на самом дне — одним комком желе.

По пути домой я не заметила ни одного китайца, только чернокожие и несколько белых. Народу было довольно много — несколько мам с детьми, рабочие, но в основном группки шатающихся без дела молодых парней. Я расслышала, как один из них назвал проходившую мимо девушку «соской».

На мой взгляд, она нисколько не напоминала соску. Ма потупилась и притянула меня к себе. Повсюду валялся мусор, битое стекло, ветер гонял вдоль улицы старые газеты. Неразборчивые надписи, покрывавшие все вокруг, включая припаркованные у тротуара автомобили, даже на вид казались безумно злобными. За перекрестком виднелось несколько заводских зданий.

Неподалеку от нашего дома, перед бывшим мебельным магазином, на пластиковом стуле развалился пожилой чернокожий. Глаза прикрыты, лицо обращено к солнцу. Седые волосы окружали голову легким облачком. Я изумленно уставилась на него, подумав, что ни один из известных мне китайцев ни за что не стал бы загорать на солнце, особенно если и без того был настолько черным, как этот мужчина.

Внезапно мужчина вскочил, подпрыгнул и, оказавшись прямо перед нами, характерным движением выбросил вперед руки.

— Ки-йи-я-а! — завопил он.

Мы с Ма одновременно взвизгнули.

Он расхохотался и заговорил по-английски:

— Получилось у меня *по-китайски*, а? Простите, *что напугал* вас, дамы. Просто люблю кунг-фу. Меня зовут Эл.

Ма, не понявшая ни слова, ухватила меня за куртку и сказала:

— Это сумасшедший. Не заговаривай с ним, и мы потихоньку убежим.

— Эй, это вы *по-китайски*, верно? Вы можете меня научить? — спросил мужчина.

Я достаточно пришла в себя, чтобы согласно кивнуть.

— Слушайте, ко мне в магазин заходит один толстый парень. Как мне обозвать его *по-китайски* — как сказать «настоящий кит»?

— *Киунг ю*, — сказала я *по-кантонски*. Теперь Ма и на меня смотрела как на сумасшедшую.

— *Кунг ю*, — повторил он, совершенно неправильно.

— *Киунг ю*, — еще раз произнесла я.

— *Кинг ю*. — Он очень старался. Это звучало невнятно, но уже лучше.

— Так лучше, — *по-английски* похвалила я.

Ма хихикнула. Наверное, она никогда не слышала, как не китайцы пытаются говорить на нашем языке.

— Успеха вам в ваших делах, — пожелала она *по-китайски*.

— *Хо санг йи*, — повторил он. — Что это значит?

Я перевела для него:

— Это пожелать для ваш магазина много деньги.

Лицо его расплылось в широчайшей белоснежной улыбке:

— Именно то, что мне нужно. Спасибо.

— Пожалуйста вам, — ответила Ма по-английски.

Все витрины, за исключением магазина Эла, были пусты. На другой стороне улицы большой пустырь, заваленный мусором и битым кирпичом. На его дальнем краю стоял покосившийся жилой дом, выглядевший так, словно его забыли снести. Чернокожие ребята лазали в развалинах, выискивая обломки старых игрушек и прочего хлама. Я знала что Ма никогда не разрешит мне поиграть с ними.

Несколько магазинов на нашей стороне улицы еще работали: магазин с расческами и благовониями в витрине, маленький универмаг и скобяная лавка.

Тараканов не брала даже химия. Мы обрызгали все углы и щели, разложили ядовитые шарики в стопках одежды и вокруг нашего матраса. Но коричневые головки по-прежнему шевелили усиками-антеннами из каждой трещины. Едва мы уходили или просто затихали, как тараканы тут же вылезали на свет. Мы ведь были для них единственным источником пищи во всем здании.

К этому невозможно было привыкнуть. Я, конечно, видела тараканов в Гонконге, но никогда — в нашей квартире. Мы жили очень скромно. Как у большинства жителей Гонконга, у нас не было такой роскошной вещи, как холодильник, но все остатки Ма всегда выбрасывала в мусорное ведро под столом, а готовила всякий раз из свежего мяса и овощей, купленных на ближайшем рынке. Я тосковала по нашей маленькой гостиной, где стояли красный диван и пианино, на котором Ма занималась с учениками после уроков в школе. Пианино подарил ей Па, к свадьбе, и нам пришлось продать его перед отъездом.

Теперь я училась все делать шумно, громко топтать, чтобы распугать тараканов. Ма спешила на помощь с клочком туалетной бумаги в руках — раздавить насекомых, но я по-прежнему дико верещала, замечая, как мерзкая тварь ползет прямо по моему свитеру. О том, что происходило, пока мы спали, я предпочитала не думать.

Именно в этот час на сцену выходили мыши и крысы. В первую же ночь я почувствовала, как чьи-то лапки пробежали по мне, и после этого очень быстро научилась спать, глубоко зарывшись в одеяла. Грызунов я боялась не так сильно, как тараканов, поскольку мыши по крайней мере теплокровные. Маленькие живые зверьки, подумаешь. Но Ма боялась мышей панически. В Гонконге она отказывалась заводить кошку именно потому, что опасалась, что та начнет таскать в дом свою добычу. И

неважно, что кошки сокращают поголовье грызунов. В нашем доме им не место. После той ночи я сказала Ма, что буду спать с краю, потому что мне надо вставать в туалет. Мне не хотелось, чтобы она лежала прямо рядом с резвящимися мышами и крысами. Вот так мы тогда старались заботиться друг о друге, хотя бы в малом.

Мы расставили мышеловки, и довольно быстро в них попало несколько грызунов. Увидев бездыханные тушки, Ма испуганно отпрянула, и я вновь пожалела, что Па нет с нами и ей приходится самой заниматься всем этим. Я знала, что должна выброситьдохлых мышей и вновь зарядить мышеловки, но не могла заставить себя прикоснуться к мертвым зверькам, и Ма не возражала, когда я взяла их палочками для еды, что было ужасно негигиенично. Я выбросила мышеловки, мышей и палочки, и после этого мы уже не ставили ловушек. Вот такие мы были с Ма: две безразличные буддистки в дьявольском логове.

В изголовье матраса мы положили «Тонг Синг», китайский календарь. В этих книжках много фу, магических слов, написанных древними учителями. Фу могут загнать злобного белого демона обратно в преисподнюю или отразить нападение духов дикой лисы, и мы надеялись, что в Бруклине фу помогут отпугнуть грабителей. Спала я плохо, да вдобавок меня постоянно будил грохот подскакивавших на выбоинах машин. Ма шептала: «Все в порядке», а потом легонько щипала за ухо, чтобы дух сна вернулся в мое тело, и трижды проводила левой ладонью по лбу, отгоняя духов злых.

Наконец настал день, когда от прикосновения к стене на моих ладонях больше не оставалось грязи. Отмыв квартиру, мы установили в кухне пять алтарей: духу земли, предкам, небесам, духу кухни и Гуанинь. Гуанинь — это богиня сострадания, заботящаяся обо всех нас. Мы зажгли благовония и поставили перед алтарями чай и рисовое вино. Вознесли молитвы местному духу здания и квартиры с просьбой даровать нам разрешение жить здесь, в мире; предкам и небесам — с просьбой сохранить от бед и дурных людей; духу кухни — чтобы мы не голодали, а Гуанинь — чтобы помогла осуществить наши сокровенные желания.

На следующий день я могла идти в школу, а Ма — начать работу на фабрике. Накануне вечером Ма присела на матрас рядом со мной.

— А-Ким, с того момента, как я побывала на фабрике, я все время думала и поняла, что у меня нет выбора, — начала Ма.

— А что такое?

— После школы тебе придется приходить ко мне на работу. Я не хочу, чтобы ты сидела здесь одна целыми днями и вечерами, дожидаясь меня. И

еще я беспокоюсь, что не смогу в одиночку справиться с нормой. Женщине, которая занимала это место до меня, помогали двое сыновей. Я вынуждена просить тебя немного помочь мне на фабрике после школы.

— Конечно, Ма. Я ведь всегда помогаю тебе. — Я улыбнулась и погладила ее по руке. В Гонконге я всегда вытирала посуду и складывала белье.

К моему удивлению, Ма покраснела, как будто готова была расплакаться.

— Я знаю, — сказала она. — Но тут совсем другое. Я видела эту фабрику.

Она так крепко обняла меня, что я едва не задохнулась, но Ма уже взяла себя в руки и чуть отодвинулась. Тихо, словно разговаривая сама с собой, она произнесла:

— Наша жизнь в Гонконге — это тупик. Будущее для нас — для тебя — я видела только здесь, где ты могла бы стать кем захочешь. Мы совсем иначе представляли себе это дома, но все будет хорошо.

— Мама и детеныш.

Ма улыбнулась и принялась укутывать меня в тонкое хлопковое покрывало, которое мы привезли из Гонконга. Потом укрыла сверху нашими куртками и своим свитером, чтобы было потеплее.

— Ма? Мы останемся жить в этой квартире?

— Завтра я поговорю с Тетей Полой. — Ма поднялась, принесла футляр со скрипкой. Она остановилась посреди темной комнаты, на фоне потрескавшейся стены, поднесла скрипку к плечу и заиграла китайскую колыбельную.

Я вздохнула. Музыка, казалось, давным-давно пропала из нашей жизни, а мы ведь всего полторы недели в Америке. В Гонконге я слышала, как Ма играет на уроках в школе или во время частных занятий дома, но вечерами, когда я ложилась спать, она обычно слишком уставала, чтобы музицировать. Но теперь мы были здесь, и ее музыка звучала только для меня.

Глава вторая

Настала третья неделя ноября, и я пошла в школу. Мы с Ма с трудом отыскали ее. Школа находилась далеко за пределами района, который мы успели исследовать. Здесь было гораздо чище, никаких пустырей и заколоченных витрин. Тетя Пола с гордостью объяснила, что наш официальный адрес отличается от того, по которому мы в действительности жили. И мне следует всегда называть именно официальный вариант.

— Почему? — удивилась я.

— Это другое здание Мистера Н. Вам не по карману там жить, но адрес позволит тебе пойти в хорошую школу. Разве ты этого не хочешь?

— А что плохого в обычной школе?

— Ничего! — Тетя Пола раздраженно помотала головой, явно раздосадованная отсутствием благодарности за ее старания. — Ступай посмотри, не нужно ли помочь маме.

И вот теперь, в поисках хорошей школы, мы с Ма пересекли несколько широких улиц, прошли мимо правительственных зданий со статуями на фасадах. Здесь было все так же много черных но уже встречались и белые, и смуглокожие — может латиноамериканцы, а может, и какие-то другие народности, которые я пока не научилась определять. Я дрожала от холода в своей тоненькой куртке. Ма купила самую теплую из тех, что можно было отыскать в Гонконге, но акриловую, а не шерстяную.

Мы миновали жилой квартал, парк и наконец добрались до школы. Это было бетонное здание с большим двором. На флагштоке развевался американский флаг. Видимо, мы опоздали — во дворе было пусто — и потому поспешили по широкой лестнице к тяжелой деревянной входной двери.

Чернокожая женщина в полицейской форме сидела за столом и читала книгу. На груди у нее был значок «Охрана».

Мы показали письмо из школы.

— Иди *покридору*, два *прата* вверх, *пердверь* лева — твой класс, — махнула она рукой. И вернулась к чтению.

Я поняла лишь, что нужно идти в том направлении, куда она показала, и медленно двинулась по коридору. Ма колебалась, не зная, можно ли ей проводить меня. Она покосилась на охранницу, но что толку — Ма ни слова не могла произнести по-английски. На лестнице я оглянулась на

Ма — хрупкая маленькая фигурка у стола охраны. Я даже не успела пожелать ей удачи в первый рабочий день на фабрике. Даже не попрощалась. Захотелось броситься к ней, попросить забрать отсюда, но вместо этого я повернулась и решительно зашагала вверх по ступеням.

Отыскав класс, осторожно постучала.

Низкий глухой голос донесся из-за двери:

— Вы опоздали! Войдите.

Я толкнула дверь. Учителем оказался мужчина. Позже я узнала, что зовут его мистер Богарт. Он был очень высоким — лоб вровень с верхним краем доски, — нос как перезрелая малина, а голова лысая и гладкая как яйцо. Зеленые глаза казались неестественно светлыми, живот выпирал из-под рубашки. Он что-то писал на доске по-английски, слева направо.

— Наша новая ученица *собственной перченой*? — Улыбка у него была странной, губы словно исчезли. Потом он глянул на часы и губы вернулись на место.

— Ты опоздала. В чем *перчина*?

Я понимала, что должна что-то ответить, поэтому наугад выпалила:

— Ким Чанг.

Несколько секунд он недоуменно меня разглядывал.

— Я знаю, как тебя зовут, — произнес он, тщательно выговаривая каждое слово. — В чем *перчина* опоздания?

Несколько ребят в классе захихикали. Я озиралась: сплошь одни черные, двое-трое белых. И ни одного китайца. Помощи ждать неоткуда.

— Ты не говоришь по-английски? А мне сказали, что говоришь. — Тяжелый недовольный вздох. — Почему ты опоздала?

Это я поняла. И ответила:

— Простить моя, сэр. Мы не найти школа.

Он нахмурился, кивнул и махнул рукой в сторону свободной парты:

— Иди садись. Вон туда.

Я села на указанное место, рядом с круглолицей белой девочкой с кудряшками, торчавшими во все стороны. Пальцы у меня дрожали так сильно, что я не сумела справиться с пеналом. Он выскользнул из рук, и содержимое рассыпалось по полу. Теперь уже хохотал почти весь класс, а я ползала под партой, собирая рассыпанные вещи. Я так смутилась, что чувствовала, как покраснело не только лицо, но и шея и грудь. Белая девочка тоже наклонилась, подняла ручку и точилку.

Мистер Богарт продолжал писать на доске. Я села ровно, сцепила руки за спиной и приготовилась внимательно слушать, хотя понимала далеко не все.

Он покосился на меня:

— Почему ты *так сипеть*?

— Простить моя, сэр, — вновь пролепетала я, хотя понятия не имела, что на этот раз сделала не так. Обернулась на остальных ребят. Большинство из них небрежно развалились на стульях. Некоторые почти лежали, некоторые опирались на локти, несколько человек даже жевали жвачку. В Гонконге ученики складывали руки за спиной, пока говорит учитель, в знак уважения. Я медленно расслабила руки и опустила ладони на парту перед собой.

Покачав головой, мистер Богарт вернулся к своему занятию.

На ланч весь класс отправился в школьную столовую. Я никогда не видела, чтобы дети вели себя так, как эти американцы. Они только что не висели на потолке и беспрерывно визжали. Работницы столовой метались от стола к столу, выкрикивая распоряжения, к которым никто не прислушивался. Следом за остальными я двигалась с подносом вдоль длинной стойки. Женщины из-за стойки задавали мне какие-то вопросы, в ответ я только кивала, а они шлепали разные коробочки из фольги мне на тарелку: мясной фарш в виде соуса, картошка, превращенная в жидкое месиво, соус, похожий на соевый, но гораздо более светлый и менее соленый, кекс и молоко. Я не пила коровьего молока, у меня от него болел живот. Остальная еда оказалась интересной, но риса на обед не полагалось, поэтому я будто и не поела толком.

После ланча мистер Богарт раздал нам листочки с нарисованной картой.

— Короткое здание, — объявил он. — Впишите *все сто лиц*.

Кое-кто занял, но большинство принялись что-то писать. Я взглянула на свой листок, а потом в отчаянии бросила взгляд на листок своей белой соседки, пытаюсь понять, что же все-таки нужно делать. Но вдруг листочек выскользнул из моих пальцев. Рядом стоял мистер Богарт.

— Не *подгадывать!* — рассердился он. Нос и щеки покраснелись, как будто он внезапно захворал. — *Ты, пицца!*

— Простить моя, сэр... — забормотала я. Вряд ли меня могли назвать пиццей, американской едой. Но что же тогда он сказал? Произношение моих учителей в Гонконге не имело ничего общего с тем что я слышала теперь в Бруклине.

— М-м-меня, — произнес он, сложив губы в ниточку. — Простите м-м-меня.

— Простите меня, — повторила я.

Я его явно раздражала, но не понимала почему.

Мистер Богарт написал на моем листке огромное «О» и протянул мне. Этот ноль будто полыхнул флуоресцентным светом на весь класс. Что скажет Ма? Я никогда в жизни не получала нулей, а теперь еще все вдобавок решат, что я жульничаю. Оставался единственный шанс произвести положительное впечатление на мистера Богарта — проявить усердие в уборке класса после уроков. Если уж я не могу продемонстрировать интеллектуальные способности, сумею хотя бы доказать, что старательно работаю.

Но едва прозвенел звонок, все ребята тут же выбежали из класса. Никто не остался вымыть полы, расставить стулья и стереть с доски.

Мистер Богарт, заметив мое удивление, спросил:

— Чем могу помочь?

Я промолчала и поспешила выйти из класса.

Ма ждала меня на улице. Я была так рада видеть ее, что чуть не расплакалась, вцепившись в ее руку.

— Что такое? — Она развернула к себе мое лицо. — Тебя кто-то дразнил?

— Нет. — Я вытерла щеки. — Все нормально.

Ма не отводила взгляд:

— Тебя кто-то ударил?

— Нет, Ма. — Я не хотела, чтобы она переживала, потому что все равно ничего не сможет сделать. — Просто здесь все совсем по-другому.

— Понимаю. — Она все еще тревожилась. — Что вы сегодня делали?

— Я не помню.

Ма вздохнула, уступая, и принялась объяснять, как мне самостоятельно добираться до фабрики. Она выдала целый список, чего не следует делать: подходить к странным незнакомым мужчинам, бездомным, карманникам, прикасаться к грязным поручням, стоять слишком близко к краю платформы...

У входа в метро грохот поезда заглушил ее слова. Стены тоннеля, пронесившиеся мимо за мутным вагонным стеклом, сливались в бесконечное размытое пятно. В таком шуме разговаривать было почти невозможно. Напротив нас сидели два мальчика примерно моего возраста. Когда тот, что повыше, встал, из кармана у него выпал громадный нож — в кожаных ножнах, а рукоять по руке взрослому мужчине. Я сделала вид, что смотрю в другую сторону, и пожалела, что не могу стать невидимкой. Второй парень махнул приятелю, тот поднял нож, и оба вышли из вагона. Я покосилась на Ма, глаза у нее были прикрыты. Я прижалась теснее и

принялась запоминать остановки и пересадки, чтобы не заблудиться, когда поеду одна.

Мы вышли на станции, Ма повернулась ко мне и сказала:

— Я совсем не хочу, чтобы ты в одиночку ездила на метро.

Вот так все было в первый раз. Поездки на фабрику после школы превратились в процесс настолько автоматический, что порой, годы спустя, даже направляясь в другое место, я вдруг замечала, что села в поезд, идущий в сторону фабрики, словно все пути вели только туда.

Чайнатаун оказался очень похож на Гонконг, только улицы не такие тесные. В рыбном магазине виселись горы морского окуня и корзины крабов; полки бакалеи ломились от консервированной папайи, личи и карамболы; уличные торговцы предлагали жареный тофу и вареный рис. Я радостно подпрыгивала рядом с Ма, пока мы проходили мимо ресторана, где в витрине висели копченые цыплята, и мимо ювелирной лавки, сверкающей желтым золотом. Я свободно понимала все, что говорили люди вокруг. «Нет, я хочу самые лучшие тыквы», — заявляла какая-то женщина. «Это слишком дорого», — возражал мужчина в дутой куртке.

Грузовой лифт поднял нас ко входу на фабрику. Ма толкнула металлическую дверь, и вырвавшееся оттуда облако горячего пара едва не сбilo меня с ног. В воздухе густо пахло металлом. Я почти оглохла от грохота сотен швейных машин «Зингер». Над каждой склонилась темная голова. Никто не взглянул на нас: женщины подсовывали машинам все новые стопки ткани, не останавливаясь, даже чтобы отрезать висящие нитки. Почти у каждой швеи волосы были завязаны в пучок, но все же некоторые пряди выбивались и прилипали к мокрым от пота щекам и шеям. Лица у всех закрыты масками. И на каждой маске — грязная пыльная пленка цвета заветрившегося мяса.

Фабрика занимала целый этаж громадного промышленного здания на Канал-стрит. Огромное, похожее на пещеру помещение, торчащие металлические балки, ржавые болты, покрытые слоем вечной грязи. Груды ткани на полу рядом со стульями, тележки, заваленные горами полуфабриката, длинные металлические поручни с висящей на них готовой и разглаженной одеждой. Свет, просачивавшийся сквозь клубы фабричной пыли, серебрился нимбом вокруг женских голов.

— А вот и Тетя Пола, — сообщила Ма. — Она выходила собирать арендную плату.

Тетушка шествовала по залу со стопкой красных тряпок в руках,

раздавая новую работу швеям. Те, кому доставалась стопка побольше, казалось, были ей признательны и часто-часто кивали в знак благодарности.

Тут она заметила нас.

— А вот и вы, — приветствовала она, подходя ближе. — Фабрика впечатляет, не правда ли?

— Старшая сестра, могу я поговорить с тобой?

Тетушка определенно ждала другой реакции. Лицо ее слегка вытянулось.

— Давайте пройдем в офис, — недовольно предложила она.

Открыто глазеть никто не осмелился, но множество взглядов украдкой провожало нас, пока мы шли к офису Дяди Боба. Женщины сидели за удивительными машинами, которые подшивали брюки и пришивали пуговицы, — я таких никогда не видела. И работали все в невероятном темпе.

Сквозь стеклянную дверь кабинета видно было сидящего за столом Дядю Боба. Тросточку он поставил у стены рядом с собой. Мы вошли, Тетя Пола прикрыла дверь.

— Первый день, а? — улыбнулся Дядя Боб.

Мы не успели рта раскрыть, как заговорила Тетя Пола.

— Простите, но у нас мало времени, — заявила она. — Я не могу допустить, чтобы другие рабочие подумали, будто я делаю поблажки своей семье.

— Конечно, — согласилась Ма. — Я знаю, что вы оба очень заняты и не видели квартиру, в которой мы поселились, но там не слишком чисто. — Ма имела в виду, что жилище ниже всяких норм. — И мне кажется, для А-Ким это место небезопасно.

— Ой, младшая сестра, не беспокойся. — В голосе Тети Полы было столько тепла и уверенности, что я невольно поверила ей. — Это временно. Пока не нашлось места, которое было бы вам по карману, ведь у вас так много расходов. Но у Мистера Н. есть еще дома, и как только появится место, за которое вы сможете платить, мы сразу же вас туда переселим.

Ма успокоилась прямо на глазах, и даже я заулыбалась.

— А теперь пойдете, — продолжала Тетя Пола. — Нам лучше вернуться к работе, пока остальные не решили, что у нас тут семейная вечеринка.

— Удачи, — бросил нам вслед Дядя Боб.

Тетя Пола повела нас на рабочее место. По пути мы прошли мимо громадного стола, которого я прежде не заметила. Вокруг него суетились

пожилые женщины и совсем маленькие ребяташки, обрезая торчащие нитки с готовых изделий.

— Они приходят за этот стол детьми и из-за него же выходят, уже став бабушками, — подмигнула тетя Пола. — Круговорот фабричной жизни.

Тут мы вступили в густое облако пара. Я ничего не видела, но поняла, что именно здесь находится источник жара. Четыре огромных паровых прессы были соединены с центральным кипятильником, который издавал пронзительный свист каждые несколько минут, выпуская пар. Рядом с каждым прессом стоял человек, он помещал одежду на подставку прессы, затем закрывал крышку — и новые клубы пара вырывались наружу. Отглаженную одежду укладывали на специальные козлы для «окончательной обработки», которая была обязанностью Ма. Стопки одежды непрерывно росли.

Наконец мы добрались до своего рабочего места. Оно оказалось просторнее, чем вся наша квартира. Длинный стол и гора отглаженных вещей, которые мы должны были развесить, рассортировать, перевязать лентой, прикрепить бирку и упаковать в пластиковый пакет. Тетя Пола оставила нас, предупредив напоследок, что отправка товара через несколько дней и она рассчитывает, что мы с Ма управимся вовремя.

Ма поспешно принялась развешивать готовые вещи и попросила меня разобрать по размерам брюки с длинной вешалки. Она протянула мне марлевую маску — квадратный кусок белой ткани, который следовало завязать за ушами. Мы находились рядом с гладильным цехом, и жара стояла адская. Но в маске совсем нечем было дышать, и через несколько минут я ее сняла. Ма свою тоже не стала надевать.

В мусорном контейнере я углядела скомканную китайскую газету и украдкой вытащила ее. Знакомые символы хоть немного подбадривали. Начав сортировку брюк, я разложила газету рядом, на пустой табуретке.

Не прошло и часа, как все поры на коже были забиты фабричной пылью. Паутина из красных нитей опутала мои руки, и, смахивая с лица пот, я оставляла грязные разводы. Ма постоянно протирала стол, за которым работала, но спустя несколько минут там уже лежал новый слой пыли, настолько толстый, что я вполне могла бы на нем порисовать, будь на это время. От каждого движения пыль хлопьями взмывала в воздух.

Посторонний запах, перебивая вонь полиэстера, коснулся моих ноздрей. Я обернулась. Рядом стоял мальчишка. Примерно моего роста, в старой белой футболке, но крепкие руки и плечи подсказывали, что парень, видимо, из драчунов. Глаза, глядящие из-под ровной линии густых бровей,

были удивительного золотисто-карего цвета. Он, причмокивая, обгладывал жареное свиное ребрышко. Поблескивала хрустящая корочка, и я практически ощущала вкус ароматного сладковатого мяса.

— Ты до сих пор умеешь читать по-китайски, — качнул он головой в сторону газеты.

Я кивнула. Не уточнив, что только по-китайски и умею читать.

— А я все забыл. Мы живем в Америке уже пять лет, — похвастался он. — Ты, наверное, умная. Читаешь и все такое. — Это прозвучало не как комплимент, а, скорее, как вопрос.

Я решила быть честной.

— Читала когда-то.

Он поразмыслил мгновение.

— Хочешь кусочек?

Я заколебалась. У китайцев не принято есть чужую еду. В Гонконге мне никто ничего не предлагал.

Парнишка помахал целым ребрышком прямо перед моим носом:

— Ну, бери же.

— Спасибо. — И я решительно сунула мясо в рот. Вкус оказался таким же чудесным, как и аромат.

— Только не говори никому, — промычал он с полным ртом. — Я стащил это у Мамаши Гавс.

— У кого? — Я в недоумении уставилась на него. Свою долю ворованного я уже проглотила.

— У Сержанта.

Наверное, у меня все еще был удивленный вид.

— Мамаша Гавс, — вздохнул он. И поскреб шею точно имитируя привычку Тети Полы.

— Это моя тетя! — выдохнула я.

— Ой-е! — широко распахнул он глаза.

Но тут я рассмеялась, и он вместе со мной.

— Знаешь, вообще-то я не воришка. Просто мне нравится дразнить ее. Заходи ко мне в перерыве, туда, где нитки обрезают. Меня зовут Мэтт.

В свой следующий перерыв я заглянула к обрезчикам ниток. Худенькие старушки и дети проворно вертели в руках готовые изделия, специальными ножницами обрезаая торчащие нити. Некоторым из ребятишек было лет по пять, не больше. Мэтт работал рядом с малышом в очках. Женщина — должно быть, их мать — сидела рядом. Ее большие розоватые очки едва прикрывали огромные мешки под глазами.

— Ты мальчик или девочка? — спросила она, коротко глянув в мою сторону.

Мэтт сдавленно хихикнул.

Я знала, что похожа на мальчишку — грудь совершенно плоская, волосы коротко подстрижены из-за вечной жары в Гонконге. Захотелось исчезнуть.

Второй мальчик миссис Ву, совсем крошечный лопухий очкарик, не поднимал глаз. И все крутил в руках одну и ту же юбку, выискивая пропущенные нитки. На столе перед ним стоял игрушечный мотоцикл с картинкой американского индейца на бензобаке. Игрушка выглядела так, словно ее долго грызли и жевали.

— Привет, — обратилась я к малышу.

Мальчик не ответил, и тогда Мэтт, наклонившись, осторожно помахал ладонью перед его лицом. Потом сделал несколько знаков, напоминая азбуку глухонемых. Малыш на миг вскинул голову и тут же потупился вновь. За это мгновение я успела разглядеть, что глаза его за стеклами очков странно расфокусированы.

— Парк не очень хорошо слышит, — пояснила миссис Ву.

— Ма, у меня перерыв, — объявил Мэтт, спрыгивая с табуретки. Обернувшись к Парку, он сделал еще несколько жестов. Наверное, спрашивал, не хочет ли Парк пойти с нами.

Парк никак не отреагировал, и Мэтт сказал:

— Он стесняется.

— Только не слишком долго, — попросила миссис Ву. — У нас очень много работы.

Некоторые из ребят, заметив, что мы освободились, потянулись в нашу сторону, и все вместе мы двинулись к аппарату с напитками у входа. Содовая стоила двадцать центов за бутылку, и позже я узнала, что мало кто покупал ее здесь — чересчур дорого, — но сама идея, что на удушающе жаркой фабрике можно достать прохладную газировку, была настолько заманчива, что пятачок у аппарата превратился в самое популярное место отдыха.

Я подозревала, что многие из ребят оказались на фабрике по тем же причинам, что и я. Официально они не числились работниками, но им больше некуда было идти, а родителям требовалась помощь. Ма объяснила, что платят здесь сдельно, а значит, работа, выполненная детьми, составляла существенную прибавку к доходам семьи. В школе я узнала, что сдельная оплата в Америке незаконна, но эти правила касались только белых, а не нас.

Прислонившись к тихо урчавшему аппарату, я наблюдала за Мэттом. Он, похоже, был лидером среди фабричных ребятшек всех возрастов — от четырехлетних до подростков. Для экономии Ма почти всю мою одежду шила сама, хотя и не слишком ловка была в этом деле, так что на мне была белая рубаха, сшитая вручную, в то время как на других детях — клевые футболки с английскими надписями вроде «Не забудь проголосовать». Они чередовали китайские слова с английскими, демонстрируя, какие они настоящие американцы, и, похоже, всем было известно, что я «только что из джонки». Новость о том, что Мамаша Гавс моя тетушка, вызвала бурное перешептывание, но Мэтт определенно взял меня под крыло, так что никто не посмел дразниться. И даже несмотря на тяжелую работу, я рада была оказаться вновь среди маленьких китайцев.

Минут через десять все потянулись обратно к рабочим местам. Я вернулась к Ма и продолжила работу, но была уже страшно уставшей. Ведь прошло уже целых три часа. Я все ждала, что Ма сейчас скажет — пора идти домой. Но вместо этого она достала пластиковый контейнер с вареным рисом, морковкой и кусочком ветчины: обедать придется прямо за этим столом. Я не могла жаловаться — она-то здесь гораздо дольше, чем я. Мы поели стоя, очень быстро, чтобы успеть выполнить положенную норму. Первый рабочий день закончился для нас в девять. Позже я узнала, что это еще довольно рано.

Утром я долго не выходила из ванной.

— Ким, — позвала Ма, — мы опоздаем в школу.

Я неохотно приоткрыла дверь, теребя в руках старенькое полотенце.

— Мне нездоровится.

Ма обеспокоенно потрогала мой лоб:

— Что случилось?

— Живот болит, — пробормотала я. — Наверное, мне сегодня лучше остаться дома.

Ма внимательно посмотрела на меня, улыбнулась.

— Глупышка, зачем говорить так много слов? — Она имела в виду — зачем я обманываю. — Ты должна ходить в школу.

Идея образования была для Ма священна.

— Я не могу, — призналась я. И глаза опять наполнились слезами, хотя я старательно скрывала их, пряча лицо в полотенце.

— Тебя обижают? — ласково спросила Ма.

— Не дети, — всхлипнула я, пристально рассматривая обшарпанный порог ванной комнаты. — Учитель.

Взгляд ее стал скептическим. В Гонконге учитель — фигура очень уважаемая.

— О чем это ты?

И я рассказала все: как мистер Богарт вчера поправлял мой акцент, как он сердился на то, что я ничего не понимаю, и назвал меня пиццей, как он решил, что я списываю, и поставил мне «ноль». Я уже не пыталась сдерживать слез и лишь сдерживала рыдания, когда слезы хлынули свободным потоком.

Я выплакалась, Ма молчала. Она слегка шевельнула губами, прежде чем заговорить. Затем выдавила, запинаясь:

— Может, мне следует поговорить с ним, рассказать, какая ты хорошая ученица.

Я было востепенулась, но тут же представила, как Ма пытается объяснить с мистером Богартом при помощи тех нескольких английских слов, что она знала. Он еще больше будет презирать меня.

— Не надо, Ма, я справлюсь сама.

— Уверена, если ты будешь заниматься так же усердно, как всегда, он даст тебе еще одну попытку. — Она притянула меня к груди, прижалась щекой к моей макушке.

Я была удивлена и благодарна Ма, которая не стала безоговорочно принимать сторону учителя. Обхватив ее руками, я прикрыла глаза, и на миг мне показалось, что все будет хорошо.

После разговора с Ма я поступила так, как поступил бы любой чувствительный ребенок на моем месте. Начала прогуливать школу. Ма вынуждена была отпускать меня на занятия одну, поскольку ей нужно было спешить на фабрику, в противном случае она ни за что не успела бы выполнить норму. Она не могла позволить себе роскошь провожать дочь в школу.

— Ты уверена, что не заблудишься? — с беспокойством спрашивала Ма. — У тебя точно есть жетон на метро?

Ма боялась отпускать меня, но теперь, когда я знала дорогу, путь до школы казался совсем несложным. Далеко, но почти по прямой. Мы вместе доезжали на метро до нужной остановки. Ма медлила у выхода, но я уверенно кивала ей на прощанье и отправлялась в направлении школы. Едва Ма скрывалась из виду, я ныряла за угол и возвращалась домой.

Несмотря на холод, я жутко потела от волнения. Что, если столкнусь с мистером Богартом или меня заметит кто-нибудь из одноклассников? Я ведь никогда прежде не делала ничего подобного. Как всякая хорошая китайская девочка, я всегда следовала правилам и радовалась учительской

похвале. Но единственной альтернативой было вновь войти в класс мистера Богарта. Я впадала в отчаяние.

С болезненным чувством я тянула на себя тяжелую входную дверь, медленно вступая в темную пасть подъезда. Не снимая куртки, пробиралась в мрачную гостиную. Слабый солнечный свет с трудом пробивался сквозь грязные окна. Прежде я никогда по-настоящему не бывала дома одна и теперь чувствовала себя в относительной безопасности, лишь сидя в самом центре матраса. По крайней мере, издалека заметно, если подползают тараканы. В пустоте дверного проема могло материализоваться что угодно. Мусорные пакеты, закрывавшие кухонное окно, шелестели, а я размышляла, что грабителю не составило бы труда отодрать пленку и пробраться внутрь. А я могла бы выпрыгнуть в окно. И даже выжить, если бы удалось зацепиться пальцами за подоконник. Я развлекалась, придумывая выходы из всех непредвиденных ситуаций: загорится плита, в ванной появится привидение, нападет крыса, неожиданно вернется Ма, забывшая что-то важное.

В квартире было очень сыро. Тот ноябрь выдался одним из самых холодных в истории Нью-Йорка. Чтобы не замерзнуть окончательно и не пугаться, я включала маленький телевизор. Его бормотание переносило меня в мир еды и лимонных аэрозолей. Я смотрела множество фильмов о больнице: врачи целовали медсестер, сестры целовали пациентов; фильмы о ковбоях и индейцах; многочисленные шоу, где люди сидели вокруг сцены, держа фонарики. Особенно загадочно звучала одна реклама. «Подними руки и будь уверен!» — грохотал голос диктора, а на экране мужчины и женщины победно вскидывали руки вверх. К чему бы это? Это имеет какое-то отношение к статуе Свободы?

«Увеличь словарный запас втрое за тридцать дней, — авторитетно наставлял серьезный мужской голос. — Удави своих друзей. Покажи боссу, кто на самом деле босс». Я решительно выпрямилась, представив, как вхожу в класс и произношу слова, которых даже мистер Богарт не знает. И друзей давить не надо — у меня их здесь все равно нет. За этим последовала реклама вермишели в форме букв — сама идея привела меня в восторг, как и все, что связано с буквами. Тут я поняла, что проголодалась, так как наступило время обеда.

Я храбро прошла в темную кухню и заглянула в маленький облупленный холодильник. Ма не привыкла им пользоваться, и он был практически пуст. Я нашла только несколько жалких кусочков холодного цыпленка — косточки и жирная кожа, — пожелтевшие овощи с холодным рисом и плоскую коробочку устричного соуса. И не посмела ни к чему

прикоснуться. Меня учили, что еду обязательно нужно разогреть. Дети в рекламе, которую я только что посмотрела, радостно ели сэндвичи с сыром, яблоки и пили молоко, но у меня не было хлеба, не говоря уже о том, что на него можно положить. Я боялась даже стакан воды выпить: однажды дома у меня был такой жуткий понос после некипяченой воды из-под крана, что я чуть не умерла. Ма всегда готовила мне горячую еду, когда мы вместе возвращались из школы, — паровую макрель с черными бобами, свиные шкварки, тыквенный суп, жареный рис с зеленым луком.

Я побрела назад к телевизору, в животе урчало. Сверкающие игрушечные кухни, мячи, такие огромные, что на них можно сидеть, детвора, поедающая хот-доги в ветвях деревьев. Рекламный ролик, в котором семья сидит за щедро накрытым длинным столом. Мне жутко захотелось оказаться в той комнате, где стоял стол. Там было так чисто, что можно было лечь прямо на пол. В нашей квартире я старалась ни к чему особенно не прикасаться. Даже после самой интенсивной уборки все словно было покрыто налетом из мертвых насекомых и мышиного помета. Я погрузилась в одну из своих самых любимых фантазий — что Па жив. Будь он здесь, возможно, нам вообще не пришлось бы работать на фабрике. Он сумел бы найти хорошую работу, и мы тогда зажили, как те люди в рекламе.

Но даже с включенным телевизором тоскливый серый день тянулся невыносимо долго, и я все думала и думала о Ма, которая в одиночку работает сейчас на фабрике. Я представляла ее аккуратные руки, медленно скользящие по отглаженной одежде. Как она, должно быть, устала. Но я не могла пойти к ней сейчас, потому что якобы была в школе. Мышь пробежала по полу и скрылась в кухне, я подпрыгнула от неожиданности. Швабру я держала наготове, чтобы обороняться от тараканов и других незваных гостей; если насекомые начинали шебуршать неподалеку от матраса, я стучала шваброй, отгоняя их, но стараясь не раздавить. Отчасти в силу буддистского воспитания, призывавшего ценить жизнь во всех проявлениях, но еще больше потому, что не хотела видеть размазанные по стене трупки.

От скуки я принялась рыться в вещах Ма. В чемодане обнаружила квадратную картонную коробочку с диском, заботливо перевязанную бечевкой. Видимо, эта запись представляла огромную эмоциональную ценность для Ма. Никаких других причин хранить ее не было, у нас ведь здесь даже не на чем ее прослушать. Я осторожно открыла коробочку, рассчитывая найти китайскую оперу, но вместо этого с удивлением обнаружила итальянскую. Карузо поет арию Каварадосси из «Тоски».

Фотография выпорхнула на пол. И тогда я вспомнила: наша гонконгская квартира, я лежу на диване, под потолком гудит вентилятор, а Ма включает мне музыку перед сном. Наша обычная практика: одна песня — и в кровать. Как правило, она выбирала китайскую мелодию, но в тот вечер поставила запись мужчины, печально певшего на чужом языке, слова песни сопровождали вздохи сожаления. Ма отвернулась, пряча лицо.

И в тот вечер, и еще много раз я засыпала, думая о жизни Ма и о горьких воспоминаниях, связанных для нее с той музыкой. Я знала, что ее родители были образованными, интеллигентными людьми, землевладельцами, и поэтому их несправедливо приговорили к смертной казни во время «культурной революции». Перед смертью они потратили все оставшиеся средства, чтобы вывезти Ма и Тетю Полу из Китая в Гонконг, пока не стало слишком поздно. А потом любовь всей жизни Ма, мой Па, ушел от нее совсем молодым, едва за сорок, — вечером лег спать с головной болью, а ночью скончался от инсульта.

Я подобрала фотографию, выпавшую из конверта с записью, — ту, что стояла в рамке на пианино в нашей гостиной в Гонконге. У нас, как у многих тамошних жителей, не было фотоаппарата, это чересчур дорого, так что осталась единственная фотография, на которой запечатлены мы втроем. Несмотря на некоторую скованность, три головы чуть наклонены друг к другу — нежно, как в настоящей семье. Ма чудесно выглядит, лицо маленькое, изящное, светлая кожа обтягивает тонкие кости; рядом Па, просто идеальная для нее пара — темные светящиеся глаза, точеное красивое лицо, как у кинозвезды. Я смотрела на его руки, одна из которых нежно — как мне казалось — сжимала детский локоток, мой. Это была героическая рука, которая могла бы сжимать тяжелый плуг, защищать от демонов и разбойников. И я, двухлетняя, на коленях у Па, с любопытством смотрю в объектив. На мне матросский костюмчик, и рука поднята ко лбу в военном приветствии — несомненно, идея фотографа. Счастливый ребенок. Неужели я действительно была такой славной и радостной?

На обратной стороне снимка несколько слов. Наши имена и дата. Почерк не Ма, значит, его. Я еле касаясь провела пальцем по неровностям, оставленным ручкой на плотной бумаге. Это был мой Па, его рука написала эти слова.

Больше у меня ничего не осталось на память. Но, как ни велика была моя потеря, утрата Ма все же гораздо больше. Она знала и любила его, после его смерти она осталась совсем одна, и ей пришлось растить меня в одиночку. Я бережно положила на место фотографию и диск с записью. И мне еще больше захотелось помочь Ма.

Наконец-то можно было отправляться на фабрику. Я прошла мимо тележки с надписью «Хот-дог». Продавец предлагал тонкие сосиски в булочке, политые сверху желтым соусом. Выглядело и пахло соблазнительно, но у меня в кармане был только жетон на метро и десять центов на экстренный звонок по телефону. У турникета стоял полицейский с пистолетом на ремне и внимательно смотрел, как я опускаю свой жетон в прорезь.

— Эй! — окликнул он.

Я застыла, готовая к аресту. Но полицейский глядел на мальчишку, бросившего скомканную бумажку прямо на пол.

— Ну-ка, подними! — приказал он.

Я скользнула мимо и побежала к платформе.

Ребята с ранцами входили в вагон, и я боялась, как бы среди них не оказалось знакомых. Мне чудилось, что все смотрят только на меня: эта девочка сегодня прогуляла школу.

Глава третья

Вскоре выяснилось, что в нашем доме нет отопления. Мы с такой надеждой отмывали батарею в спальне, скребли, содрав с радиатора вместе с грязью почти всю краску, но он и не думал оживать, сколько мы ни крутили ручки. Исследовав третий этаж, мы выяснили, что все остальные квартиры заперты и пусты. Повсюду груды мусора — у дверей, на лестницах. На пороге одной из квартир свалена куча полупустых коробок, будто прямо во время переезда человек исчез или вообще умер. На заколоченной витрине первого этажа еще виднелась полустертая надпись «Доллар Стор». Мы нашли и выход во двор, громадная куча мусора посреди которого копилась, наверное, годами, и запертую дверь в подвал.

Ма вежливо поинтересовалась у Тети Полы, как включается отопление; та, поняв скрытый смысл вопроса, ответила, что уже попросила у Мистера Н. разрешения включить его. И повторила, что мы все равно не задержимся в этом доме надолго.

Дни, в которые я прогуливала школу, выдались морозными. Спустя неделю я увидела первый в жизни снег. Хлопья падали на тротуар, поглощавший их, подобно губке. Я потрогала оконное стекло, на удивление холодное, а мне казалось, что летящий с небес рис должен быть теплым, как суп. Землю постепенно укрывало белое одеяло, порывы ветра сдували снег с крыш, создавая крошечные ледяные тайфуны.

Даже сейчас, стоит вспомнить тот период моей жизни, я начинаю мерзнуть. Так бывает после сильного шлепка по обнаженной коже, когда вы не можете наверняка сказать, это жар или холод. Тело просто регистрирует боль.

Ледяной воздух полз по гортани вниз, холод просачивался между пальцев, окутывал легкие и сердце. Тоненькое хлопковое одеяло, привезенное из Гонконга, совершенно не спасало, ведь в Гонконге не продавали ничего подходящего для нью-йоркской зимы. Чтобы хоть как-то согреться, мы спали под грудой одежды. Часто, проснувшись, я обнаруживала, что замерзла очередная неожиданная часть тела, — например, бедро, с которого соскользнул скомканный свитер.

На окнах изнутри медленно образовывалась ледяная корка. Чтобы выглянуть на улицу, я прижимала посиневший от холода палец к толстому слою изморози, пытаюсь растопить маленький кружочек и добраться до чистого стекла.

Как-то днем я отогнула краешек мусорного пакета на кухонном окне — посмотреть, как выглядит обратная сторона дома. Надстройка над первым этажом, видимо, служила складом магазинчика. Крыша почти скрыта под грудой хлама, но я все же разглядела большую дыру, которую никто так и не собрался залатать. Старая газета, застрявшая в дыре, трепыхалась на ветру. Наверное, во время дождя или снегопада там внутри сыро.

Из кухонного окна можно было заглянуть в квартиру по соседству, в доме Мистера Эла. Удивительно, что соседнее здание располагалось всего в нескольких футах. При желании я могла бы даже постучать им в окно шваброй, высунувшись чуть подальше. Сквозь стекло я разглядела спящую чернокожую женщину. Видимо, в их квартире топили, поскольку на женщине был только тоненький халатик. Руки ее нежно обнимали маленький сверток — ребенка. Свободная часть матраса завалена одеждой и тряпками, кусок обоев над головой оторван. Но я видела, как сильно они любят друг друга, невзирая на нищету, и тосковала по временам, когда мы с Ма жили вдвоем.

Потом я замерзла окончательно и прикрепила на место оторванный пакет.

Назавтра, едва прикрыв за собой фабричную дверь, я увидела Мэтта, тащившего в направлении трансформаторной будки тяжелую тележку, груженную лиловыми юбками. Гора одежды угрожающе нависала над головой, ему приходилось пятиться, волоча тележку. Забросив школьный рюкзак на плечо, я направилась было к Ма и своему рабочему месту, но неожиданно Мэтт окликнул меня по-китайски:

— Эй, не поможешь?

Я ухватила за тележку сзади. Хотя Мэтт держал переднюю часть, пол был таким скользким, что мне приходилось изо всех сил упираться ногами, чтобы колеса не вихляли. Мэтт высунулся из-за тележки:

— Весело было в школе?

— Ага.

— Забавная у тебя школа. Все остальные школы в Нью-Йорке сегодня закрыты.

У меня перехватило дыхание.

— Да ладно, колись. Любой идиот догадается, что ты прогуливаешь.

— Ш-ш-ш! — Я испуганно оглянулась, не подслушивает ли кто.

А он продолжал, не обращая на меня внимания:

— Ни разу не видел, чтобы ты делала домашнее задание.

— Ты тоже никогда уроки не делаешь.

— Я-то никогда этим не занимался. Но ты же конченная зубрилка.

— Как думаешь, моя мама догадывается? — Я по-настоящему испугалась.

— Не-а. Я догадался только потому, что сам такой.

— Правда? — У меня немного отлегло от сердца.

— Но я слышал, как одна тетка жаловалась твоей маме, что приходится работать сегодня, в День благодарения. У них тут это большой праздник. Так что лучше тебе побыстрее придумать оправдание.

Но мозги словно судорогой свело — пусто и страшно.

— Ну что? Что же?

— Например, скажи, что сообразила, только когда пришла в школу, — поразмыслив секунду, предложил он. — А потом вернулась домой и принялась за уроки, потому что к следующей неделе у тебя очень большое задание.

Мы добрались уже до трансформаторной будки рядом с конторой фабрики. Отпустили тележку, и она сама прокатилась еще несколько футов, замедляя ход.

— Я в долгу перед тобой.

Ма всегда учила меня, что долги нужно отдавать. Я вывернула карман посмотреть, нет ли чего-нибудь в подарок Мэтту, но обнаружила лишь обрывки туалетной бумаги, которые служили мне салфетками.

— Фигня, — бросил он. — Забудь. — И скрылся в клубах пара.

За окном офиса мелькнул силуэт Тети Полы, и я поспешила к своему рабочему месту.

Ма спрятала волосы под косынку, на правом виске у нее темнело лиловое пятно — видно, стирала пот.

— Привет, а у нас сегодня не было занятий, — с порога объявила я.

— Так почему ты не явилась раньше? — скрестила руки на груди Ма.

— У меня большое задание на следующую неделю.

— Что за задание?

— Текущие события, — мгновенно придумала я. — Нужно смотреть новости по телевизору.

Ма кивнула, но, похоже, поверила не до конца.

— И ты оказалась на фабрике ровно в то же время, что и после школы?

На этот раз я думала дольше.

— Я никогда не ездила на метро в другое время.

Ма принялась продевать пояс в петли юбки.

— О чем это вы там болтали с мальчишкой Ву?

— Да так, ни о чем.

— Тебя, похоже, что-то сильно удивило.

— Да нет, он просто звал меня поиграть после работы. — Мне даже удалось изобразить смешок. — Вот ведь бездельник.

— Думаю, с такими тебе следует быть начеку.

— Да, Ма.

Отложив юбку, Ма присела на табуретку. Внимательно посмотрела на меня.

— Не стоит водить дружбу с этими детьми. Ты всегда должна помнить, А-Ким, что если ты играешь с ними, говоришь, как они, учишься, как они, так же ведешь себя, — чем тогда ты от них отличаешься? Ничем. И лет через десять-двадцать окажешься там же, где остальные китайские девушки, — за швейной машиной на фабрике. А когда состаришься и не сможешь больше шить, будешь обрезать нитки, как миссис Ву.

Она помолчала, словно сомневалась, стоит ли продолжать.

— Большинство людей обречены на такую жизнь. Возможно, и для меня больше нет будущего. Мне уже не стать вновь учительницей музыки. — Я встрепенулась было возразить, но Ма остановила меня: — Это так. Но родители для того и существуют, чтобы жизнь детей была лучше. Ты не должна забывать, что в Гонконге была лучшей ученицей в нашей школе. И ничего не изменилось сейчас, известно это твоему нынешнему учителю или нет. Никто не может изменить твою природу, кроме тебя самой.

Ма притянула меня к груди.

— Прости, что притащила тебя сюда, — прошептала она.

Никогда, ни до, ни после, Ма не выражала столь явно сожаление по поводу нашего переезда в Америку. И я поняла, в чем отныне моя задача.

— Я вытащу нас обеих отсюда, Ма. Обещаю.

В понедельник придется вернуться в школу. Па скончался, а больше некому спасти Ма. Представить себе Ма обрезающей нитки было невыносимо. Я припомнила, что Тетя Пола говорила о братце Нельсоне — якобы учительница считает, что тот станет хорошим адвокатом. Не представляю, чем занимаются адвокаты, но, кажется, они зарабатывают огромные деньги. Ну уж если Нельсон на это способен, я тем более справлюсь.

Принятое решение странным образом принесло облегчение. Многочасовое сидение дома порождало лишь чувство вины и страх. А еще голод, холод и одиночество. В глубине души я осознавала, что это не может

продолжаться вечно. И вот боги дали мне еще один шанс: за несколько праздничных дней я могла придумать объяснение, почему пропустила школьные занятия.

Но в предвкушении возвращения к мистеру Богарту я потеряла аппетит. Я помогала Ма, а перед глазами все стояло его злобное лицо и ореол вокруг лысой головы. (Лишь много позже я поняла, что волосы у него есть, просто очень светлые и жидкие; я не опознала их сразу, поскольку никогда прежде не видела блондинов.) Я вспоминала, как ничего не понимала, как получила «ноль». Думала о своих учителях в Гонконге, всегда хваливших меня и ставивших в пример. Раньше я жалела бедолаг, которые невнятно мямлили неправильные ответы и, потупившись, нервно сжимали руки, но теперь, как ни тяжело это признавать, среди таких бестолковых оказалась я сама.

Первые же слова мистера Богарта, едва я появилась на пороге, прозвучали непонятно.

— Где твоя *спавка*?

К счастью, слово «справка» я знала и заранее подумала, что должна представить документ, объясняющий мое отсутствие. Я протянула учителю записку, которую старательно подделала, почерпнув сведения из старого учебника английского.

*Уважаемые сэры,
Кимберли болела. Простите за беспокойство.
Ваша покорная слуга
Миссис Чанг*

Мистер Богарт коротко глянул на листок и сунул его в журнал без дальнейших комментариев. Я скользнула на то же место, где сидела в первый день.

Потом была контрольная. Я пропустила предыдущие уроки, поэтому понятия не имела, что нужно делать. Нам раздали листочки с числами и текстом над ними. *Три баскетбольные команды... каждая сыграла по пять игр...* Мне потребовалось несколько минут, чтобы понять суть вопроса, но зато оказалось, что это просто задача на вычисление среднего арифметического. А вот обычный пример с десятичными дробями. Словно неожиданная встреча со старыми друзьями. Оказывается, они здесь изучали то, что мы в Гонконге проходили больше года назад.

Тем не менее косые взгляды мистера Богарта по-прежнему внушали

страх. Я не совсем правильно перевела текст и слишком поздно поняла, что допустила ошибку, а стереть написанное было нечем. Интересно, он разозлится, если я просто зачеркну? Скорее всего. Да и места для правильного ответа не останется. Я не смела обратиться за помощью к кому-нибудь из ребят, боялась, что меня опять заподозрят в списывании.

Выход один — обратиться к самому мистеру Богарту. Я встала и решительно направилась к учительскому столу. Подобная ситуация, по крайней мере, описана в учебнике английского, и я знала, что нужно сказать.

— Прошу прощения, сэръ, — я старалась выговаривать слова как можно тщательнее, — не могли бы вы дать мне попользоваться резинку?

Он молча уставился на меня, а по классу пронёсся шепоток.

Один из мальчишек громко произнес:

— А что, у твоего парня никогда с собой нету?

Класс грохнул. Но почему? Как сейчасгодились бы длинные волосы, чтобы прикрыть ими лицо.

Мистер Богарт побагровел. Пристально глядя на меня, он словно прикидывал, не нарочно ли я отвлекаю класс от работы.

— Довольно! Замолчите! Кимберли, иди на свое место.

Пристыженная, но так и не осознавшая ошибки, я поспешила к своей парте. Сегодня же уйду из школы и никогда больше сюда не вернусь.

Но тут ко мне склонилась кудрявая девочка.

— Это называется ластик, — прошептала она. И, поправив выбившуюся прядь, подтолкнула мне розовый ластик.

День в итоге оказался неплохим. Я знала, что на все вопросы в контрольной ответила верно, даже если решила уравнение другим способом. Позже выяснилось, что в Америке действительно принято записывать систему уравнений немного иначе. Мистер Богарт снял за это несколько баллов, так что «сто» я за работу не получила, но узнала достаточно, чтобы в следующий раз дело ограничилось несколькими небольшими исправлениями. В этой битве я имела реальные шансы на победу.

Что гораздо важнее, я познакомилась с Аннет, той самой кудрявой девочкой. После инцидента с резинкой она легонько толкнула меня локтем. Я взглянула на нее, потом перевела взгляд на ее тетрадку, где она написала «Мистер Буги» под фигуркой человечка с широко разинутым ртом, извергающим ругательства. Я не знала тогда, что «буги» означает «страшила», но идею поняла и пришла в восторг. Аннет обычно не

поднимала руку — наверное, потому, что недолюбливала мистера Богарта, — но верный ответ зачастую знала. Она записывала правильный ответ в тетради и демонстрировала мне. Читала я гораздо лучше, чем говорила, так что вариант общения был выбран идеально.

Именно Аннет помогла мне смириться со школой.

Чтобы выжить в декабрьские холода, мы с Ма включали духовку и круглые сутки держали ее открытой. За пределами крошечного теплого круга разница между стылой кухней и комнатой была практически незаметна. В кухне имелась духовка, зато окна затянуты мусорными пакетами, а в комнате просто не было отопления.

В Гонконге я носила бело-голубую школьную форму, а после занятий обувала сандалии и подставляла кожу солнцу. Я привыкла видеть пальцы на ногах, голые колени и плечи; теперь, когда они были постоянно скрыты одеждой, я скучала по самой себе. Замотанная в одежду, как мумия, слой за слоем, я, бывало, по несколько дней не видела собственного тела. А в те краткие моменты, когда отдельные участки тела обнажались, воздух касался кожи ледяной лапой. Утреннее одевание становилось суровым испытанием, когда приходилось избавляться от тряпок, нагревшихся за ночь, заменяя их кусачей стылой одеждой.

В отличие от других девочек, под вельветовыми брюками я носила не трусики, а теплую пижаму. А под единственный хлопковый джемпер, привезенный из Гонконга, надевала несколько маек. Когда-то джемпер выглядел вполне прилично — красный кардиган с двумя пандами на кармашках, — но со временем сел, а панды слегка порозовели от постоянных стирок. Натягивать джемпер поверх многочисленных одежек с каждым разом становилось все труднее, но выбора у меня не было. Завершала облачение куртка. Но даже во всей этой одежде, похожая на комок риса в бамбуковых листьях, я все равно мерзла. Единственным положительным моментом в холоде было то, что количество тараканов и мышей сократилось.

Мы старались почти все время проводить рядом с плитой: делать мои домашние задания, складывать одежду, одеваться, работать с кипами тряпок, которые приносили домой с фабрики. Для нас с Ма фабричные нормы оказались просто непосильными, часто она вечером отправляла меня домой, а сама оставалась работать дальше. Если возможно было, она приносила работу домой, в пластиковых пакетах. Независимо от того, насколько поздно я засиживалась за домашними заданиями, не помню, чтобы Ма ложилась раньше меня. Ее хрупкая фигурка склонялась над

кипами одежды, она клевала носом, но, востепенувшись, вновь бралась за работу. Если предстояла отправка товара, мы должны были оставаться на фабрике, пока не закончим, порой на всю ночь.

Стены и пол не нагревались от духовки. Единственными источниками тепла в мертвом здании были наши тела, не считая, конечно, мышинных. Но и перед самой духовкой кончики пальцев мерзли и немели. Это создавало проблемы, поскольку частенько приходилось доделывать дома всякие мелочи — продергивать пояса в петли, застегивать крошечные пуговицы. Каждую свободную минуту Ма пыталась играть мне на скрипке, хотя порой такие минуты выпадали лишь по воскресеньям, а вскоре из-за холода это стало совершенно невозможно. Музыки придется ждать до весны.

Мне нравилось ходить в школу, несмотря на мистера Богарта, — из-за радости встречи с Аннет и из-за тепла. Я входила в теплое здание, и тут же уши, ладони, ступни начинало покалывать, к ним возвращалась чувствительность.

Аннет сказала, что ей надели скобки. Я выглядела настолько озадаченной, что она написала мне слово, а потом широко, как лошадь, разинула рот, демонстрируя, что имеет в виду. Я никогда не видела брекетов. Дома мы все росли со своими обычными кривыми зубами.

Еще у Аннет был голубой рюкзачок, с маленькими медвежатами и белочками, прицепленными к молнии. Я ничего не приносила из дому перекусить, потому что Ма это просто не приходило в голову, но Аннет всегда доставала из своего рюкзачка восхитительные лакомства: крекеры с мармеладом и арахисовым маслом, маленькие кубики оранжевого чеддера, яйца, смешанные с майонезом, стебли сельдерея, фаршированные сливочным сыром. Ее, похоже, забавляло мое удивление и восторг, и она охотно делилась со мной едой.

А еще я тайно восхищалась цветом самой Аннет. Кожа ее вовсе не напоминала матовую белизну листа бумаги, как прежде я представляла себе кожу белых; она оказалась почти прозрачной, и сквозь нее проглядывали розовые прожилки кровеносных сосудов. Однажды на рынке в Гонконге я видела лягушку-альбиноса, так вот Аннет походила на нее. А как-то раз она задрала джемпер и показала мне свой круглый животик, так я даже отпрыгнула в изумлении. Живот не был гладким и смуглым, как мой. Кожа покраснела, резинка штанов оставила на ней борозду, голубые вены резко выделялись на белом фоне. Я тогда подумала, что кожа у Аннет, должно быть, очень тонкая и легко повреждается. Такие голубые глаза, как у нее, я в Гонконге видела только у слепых с катарактой. Казалось, что они

прозрачны до самого мозга, и было удивительно, что она могла смотреть своими светлыми глазами так же легко, как я своими.

Аннет сказала, что у меня хорошие волосы, хотя и короткие, даже заметила, что они такие черные, что даже отливают синим, и посоветовала отрастить их «под пажа». Долгие годы я стремилась к прическе «под пажа», совершенно не представляя, что это такое, но в полной уверенности, что Аннет плохого не посоветует. Ей казалось удивительным и необычным то, что я родом не из Америки. И она хотела учить китайские слова, особенно ругательства.

— Чокнутая дыня, — произносила я по-китайски.

— Она — гоу гуан, — хихикала Аннет, произнося столь неправильно, что я с трудом понимала, что она имеет в виду. Ни один китаец ее не понял бы, что, впрочем, к лучшему. Аннет говорила о девочке из нашего класса, которую терпеть не могла, потому что та «всезнайка». Я же не могла взять в толк, что плохого в том, что человек много знает?

У Аннет, как и у меня, не было друзей. Думаю, потому, что она была одной из трех белых в нашем классе, а двое других — мальчишки, которые держались вместе. Остальные ребята были чернокожими. Между черными и белыми школьниками существовало очевидное отчуждение. Видимо, среди темнокожих выделялись еще несколько латиноамериканцев, но в то время я считала их черными с прямыми волосами.

Школа располагалась недалеко от богатого белого района. Родители белых детей, желавшие, чтобы те учились в городской школе, вынуждены были отправлять их в эту. Но основную массу учеников составляли жители ближайших кварталов — небогатых, скорее даже бедных. Мыслить подобными категориями я начала много позже, но практически сразу поняла, что Тетя Пола права: контингент в нашей школе гораздо приличнее, чем в «микрорайоне» — так называлось место, где мы жили.

Себя я считала скорее чернокожей, по многим причинам. Белые ребята приносили сэндвичи в коричневых бумажных пакетиках. Двое белых мальчишек сидели за отдельным столом и ели отдельно. Я ела бесплатный горячий ланч вместе с чернокожими и с Аннет, единственной белой за нашим столом. И жила я в черном районе. Но чернокожие дружили друг с другом, а я была одна. Они свободно и быстро говорили по-английски, хором пели в школьном дворе, вместе играли в известные им игры. Помню одну популярную песенку: *Вы похожи на мартышку, вы воняете, как сунс. Мы вас дружно ненавидим, мистер Богарт, старый гнус.*

Конечно же, в классе считали меня странной. Я нелепо выглядела в своей жалкой, самодельной одежде, с мальчишеской стрижкой. Ма бралась

за ножницы, едва волосы отрастали до затылка. Она считала это разумным, потому что в нашей ледяной квартире короткие волосы быстрее сохли. Хотя большинство чернокожих в нашем классе были из бедных семей, одежду они носили магазинную. По пути в школу я разглядывала многоэтажные дома, где они жили. По тротуарам рассыпано битое стекло, и стены исписаны граффити (я выучила, как называются эти английские надписи), но вокруг зданий живая изгородь, и окна без решеток. И у этих людей наверняка есть центральное отопление.

Впрочем, у некоторых жизнь была не такая уж сладкая. Один из мальчиков, к примеру, неожиданно пропал, и никто не знал, куда он подевался. А еще за одной девочкой однажды прямо в середине дня пришла мама, и выглядела она так, словно ее сильно поколотили. Мистер Богарт и глазом не моргнул — видимо, привык. В школьном дворе что ни день случались драки, и я как-то видела мальчика с разбитым в кровь лицом. Чаще дрались мальчишки, но порой и девочки тоже, а иногда и те и другие.

Остальные ребята если и не ненавидели друг друга в открытую, то ограничивались грубостями, насмешками и издевками. Особым развлечением были вши: их ловили на себе, давили и подсовывали соседям. Под предлогом передачи вшей мальчишки колотили друг друга изо всех сил или трогали девочек. Я понятия не имела о вшах и зачастую оказывалась финальной обладательницей насекомых. Меня учили не прикасаться к другим людям без разрешения, поэтому мне трудно было избавиться от нежелательных приобретений. Вши — единственное, что преодолевало расовые барьеры.

Я никогда не была болезненным ребенком, но той зимой простуды преследовали меня. Под носом образовалась полоска постоянно воспаленной кожи, вся в мелких трещинках. Врача мы не могли себе позволить. Дрожа в лихорадке, я лежала в постели, а Ма варила рис с толстыми ломтями имбиря, заворачивала его в салфетку и клала мне на лоб, чтобы вытягивало инфекцию. Она подогревала кока-колу с лимоном и заставляла меня пить ее теплой.

Ма зашла в медицинскую лавку в Чайнатауне и за сумасшедшие деньги накупила всяких народных средств, которые я должна была принимать. Всё это: толченый олений рог, молотых сверчков, щупальца осьминога, какие-то корешки, похожие на человечков, — она сложила в глиняный горшок и уварила до объема чайной чашки. Я уверяла, что от этой дряни мне станет только хуже, но пришлось выпить до последней капельки.

Обычно, даже если мне нездоровилось, Ма отправляла меня в школу,

поскольку в квартире стоял такой жуткий холод, что она просто боялась оставлять меня одну. В такие дни все кружилось у меня перед глазами, лицо горело, из носа текло.

Я надеялась, что, заметив мои успехи в математике и естественных науках, мистер Богарт начнет меня хвалить, но тщетно. Он, видимо, считал, что девочки все равно неспособны к этим предметам, и, если девчонка шла к доске написать ответ, на лице его мелькала ироническая улыбка — он был уверен, что она ошибется. А потом обязательно отпускал ехидное замечание в адрес «прекрасного пола», а я сначала считала это поощрением. И радовалась, доказывая, что он ошибается. Несмотря на то что он снижал отметку за малейшее отклонение от принятых здесь правил, мне достаточно было один раз прочесть новое правило, и я запоминала его быстрее всех в классе.

Но в остальных предметах не могла помочь даже Аннет: физика, общественные науки, риторика — все, что имело отношение к словам. Я полагалась на свое умение читать, а Ма тщательно чистила мне уши специальной лопаточкой, чтобы лучше слышать. Ма даже выделила мне 2 доллара 99 центов на покупку словаря Вебстера в мягкой обложке. Он обошелся нам почти в двести юбок, так как за каждую платили по полтора цента. Долгие годы я оценивала стоимость товара «в юбках». Метро до фабрики и обратно — 100 юбок, пачка жвачки — 7 юбок, хот-дог — 50, новая игрушка могла стоить от 300 до 2000 юбок. Даже дружба измерялась в юбках. Друзьям нужно делать подарки к Рождеству и на день рождения, а это обходилось в несколько сотен юбок. Хорошо, что у меня была только одна подружка — Аннет.

Словарь прослужил мне много лет. Обложка отваливалась, я раз за разом приклеивала ее скотчем, пока она уже совершенно не подлежала ремонту, следом начали отрываться и выпадать первые страницы. Но я пользовалась этим словариком, даже потеряв раздел транскрипции и большую часть буквы «А».

Я сказала Ма, что нам не разрешают брать домой контрольные работы, поэтому я не могу ей ничего показать, но заверила, что у меня все в порядке. Сказала, что учитель понял, какая я хорошая ученица. И страдала всякий раз, говоря неправду. Мистер Богарт словно нарочно выбирал для меня задания практически невыполнимые, хотя сейчас мне кажется, что он просто об этом не задумывался. Описать свою спальню и эмоциональную значимость находящихся в ней вещей (можно подумать, у меня была собственная комната, набитая дорогими игрушками); рассказать о прочитанной книге (откуда бы я взяла книги, интересно?); сделать коллаж о

политике администрации Рейгана, используя картинки из старых журналов (Ма время от времени покупала только китайские газеты). Я старалась изо всех сил, но он этого не понимал. *Жалкая попытка*, писал он. *Невразумительно. Небрежно. Коллаж не может содержать китайских текстов.*

Не у меня одной были проблемы с заданиями мистера Богарта. Но большинство ребят равнодушно пожимали плечами, когда он критиковал их, выставя плохие оценки. Они уже сдались. Но я-то совсем недавно была звездой в своей школе, побеждала в математике и китайском на межшкольных олимпиадах. Я бы что угодно отдала, чтобы блистать и в новом месте, потому что не видела другого способа помочь нам с Ма выбраться с фабрики. Мистер Богарт, видимо, понимал, что я умна, но все равно меня недолюбливал. Возможно, считал меня самонадеянной выскочкой, издевающейся над ним своими «сэрами» и бесконечными вставаниями. Но все это было частью моего воспитания, я не в силах была это прекратить. А может наоборот, в своей дешевой нелепой одежде я производила впечатление убогой деревенщины. Но и с этим ничего нельзя было поделать.

К белым мистер Богарт придирался меньше, чем к остальным, и я бы решила, что он просто расист, если бы не Тайрон Маршалл, чернокожий. Высокий, сдержанный, Тайрон был невероятно умен. У него были высшие отметки по всем предметам, кроме математики, где лидировала я. Он не рисовался, но никогда не ошибался, если его вызывали к доске. Один из докладов, за который он получил «А с плюсом», даже вывесили на стену. Я помню фразу оттуда, которая произвела на меня огромное впечатление, хотя и не все слова я поняла: «Эта книга выводит нас на арену жестокой дискуссии». Кожа у него была темно-коричневой, матовой, — шоколад, присыпанный какао, а густые ресницы изящно загибались. Мистер Богарт его любил, как и я.

Мистер Богарт произносил речь о том, какой Тайрон замечательный и, разумеется, какие жалкие слабаки все мы по сравнению с ним, а Тайрон все глубже вжимался в парту.

— Ты ведь родился в *гетрах*, Тайрон, верно? — вопрошал мистер Богарт, расхаживая вдоль доски.

Тайрон кивнул.

— Твои родители закончили колледж?

Тайрон отрицательно качнул головой.

— Чем занимается твой отец?

— Он в тюрьме, — едва слышно пролепетал Тайрон.

— А мать?

— Она продавщица.

Даже сквозь темную кожу заметно было, как густо покраснел Тайрон, он словно вспыхнул изнутри. Выглядел при этом жалко. Я прекрасно понимала его смущение, но хотела оказаться на его месте.

— И ТЕМ НЕ МЕНЕЕ!.. — восклицал мистер Богарт. — И ТЕМ НЕ МЕНЕЕ у этого мальчика высочайшие в истории этой школы баллы на государственных тестах.

Тайрон не поднимал глаз.

— Я знаю, Тайрон, что ты человек *сохрeнный*, что должно служить для всех примером, — продолжал мистер Богарт. — И ТЕМ НЕ МЕНЕЕ Тайрон читает *морду* Байрона и Фольклора. Я спрашиваю — в чем разница между Тайроном Маршаллом и всеми вами? ЦЕЛЕУСТРЕМЛЕННОСТЬ. ЭНЕРГИЧНОСТЬ.

И так без конца.

Из-за всего этого Тайрон был своего рода изгоем. Я хотела бы рассказать ему, что в Гонконге тоже была такой, что знаю, каково это, когда тобой восхищаются и одновременно ненавидят, понимаю, что означает подобное одиночество. А еще хотелось сказать, что у него красивые глаза. Но ничего из этого я так никогда и не сказала. Зато делала кое-что другое: всякий раз, как Аннет угощала меня конфетами, а случалось это частенько, я подсовывала несколько штук в парту Тайрона. Знала, что он никому не расскажет. Он находил лакомство и, смущенно улыбаясь, украдкой оглядывал класс. Я поспешно опускала глаза. Думаю, он так и не заподозрил меня, но утверждать не могу.

Стены класса мисс Кумар, чернокожей учительницы параллельного шестого, украшали разноцветные плакаты; а еще там жили морские свинки. Иногда, проходя по коридору во время урока, я задерживалась у закрытой двери и слышала, как в классе смеются. Мисс Кумар была высокой, элегантной, а длинные волосы укладывала в аккуратное кольцо. В классе мистера Богарта было скучно. Никаких домашних зверьков у нас не держали, а в качестве украшений на стенах висели лозунги: «Будь добропорядочным гражданином», «Рождество — это благотворительность».

В Гонконге у меня была подружка Мей Мей. Умная и симпатичная, розовощекая, с кудрявыми черными волосами. Я всегда была номером один, а она — номером два в классном рейтинге. В Гонконге ученики сидят

за партами в соответствии со своим рейтингом, поэтому Мей Мей всегда сидела позади меня. А еще мы жили в одном доме, поэтому часто играли вместе. Я дарила ей маленькие подарки, вроде наклеек, и считала своей лучшей подругой. Но когда я рассказала, что мы переезжаем в США, то в глазах ее разглядела только зависть и никакого огорчения. И она тут же начала дружить с другой девочкой. Наверное, обрадовалась, что теперь станет первой в рейтинге.

С Аннет все было по-другому. Она всегда всем делилась со мной — конфетами, рисунками, информацией. Аннет рассказывала, что ее младший брат — сущее наказание, так что мне повезло, что я — единственный ребенок. Когда ребята хором кричали «СВП», а я мучительно пыталась угадать, что бы это значило, Аннет дала неожиданное для меня объяснение: «Сейчас вылетит птичка», то есть молния на брюках расстегнута.

Аннет поразило, что мне до сих пор неизвестна правда «о птичках и пчелках». Она тогда, вместо того чтобы, как обычно, все растолковать, долго хихикала как чокнутая, чем заинтриговала меня еще больше. Определенно, у этой фразы был какой-то скрытый смысл. Я поискала ответ в школьной библиотеке, но энциклопедия предлагала только информацию о птичке и пчелке в отдельности — и ничего об их тандеме. Я задала вопрос Ма, но та, искренне удивившись, заявила, что раз учитель не рассказывал об этом на уроке, то этого и знать не стоит.

Аннет мыла волосы «пшеничным» шампунем «Клэррол» и, узнав, что я пользуюсь простым мылом, дала понять, что это просто неприлично. А то, что мы пьем дома горячую кипяченую воду, — просто дикость. Она спросила, чем я занимаюсь после школы, и, услышав, что работаю на фабрике, рассказала своему отцу. На следующий день она заявила, что это глупая шутка, потому что в Америке дети не работают на фабриках. Дружба с Аннет была единственным светлым моментом в моей американской жизни, и она многому меня научила, но в тот день я поняла, что некоторые подробности личной жизни следует держать в тайне.

Глава четвертая

Шестиклассникам предстояло, объединившись в пары, изготовить диораму, описывающую «основные способы разрешения конфликтов». Разумеется, мы с Аннет решили работать вместе, а значит, мне нужно было прийти в их дом. Ма не одобряла слишком тесных контактов с друзьями, но школьное задание — это святое, так что я получила разрешение.

После школы мама Аннет заехала за нами на машине. Взгляд у нее был добрый и прямой, а в волосах пробивалась седина. Растрепанный светловолосый малыш, пристегнутый к соседнему сиденью, уткнулся в комикс. Аннет забралась назад, я последовала за ней. Я очень долго думала, как правильно вести себя при встрече, и, когда Аннет чмокнула маму в щечку, я протянула руку со словами:

— Здравствуйте, миссис Эйвери. Как поживаете?

Она обернулась, на лице мелькнуло было удивление, но затем она крепко пожала мою руку. Ладонь у нее оказалась неожиданно широкой, почти как у мужчины, и мои пальцы словно утонули в теплом облаке. Она улыбнулась, и вокруг глаз появились глубокие морщинки.

— Здравствуй, Кимберли. Рада с тобой познакомиться.

Я удовлетворенно откинулась на сиденье, довольная тем, что по крайней мере с одной ситуацией удалось справиться в соответствии с правилами этикета, которым нас учили в Гонконге. Аннет уже тянула мальчика за рукав.

— Дай посмотреть, — потребовала она.

— Отстань, — буркнул он, не поднимая головы.

— Мам! Он не дает! — Аннет попыталась выдернуть комикс из рук брата, но тот отодвинулся и повернулся к окну, где Аннет не могла до него дотянуться.

— Вы мешаете вести машину, прекратите ссориться, — велела миссис Эйвери.

Брат с сестрой продолжали препираться всю дорогу, пока мы не свернули на красивую, обсаженную деревьями улицу. Я и не представляла, что Бруклин бывает таким уютным, особенно так недалеко от школы. Никаких граффити на стенах, никаких развалин и строительного мусора. Вдоль булыжной мостовой стояли невысокие красивые дома с садиками. Миссис Эйвери припарковала машину около трехэтажного дома с какой-то каменной конструкцией в саду. Я сначала подумала, что это колодец, но,

присмотревшись, поняла — бассейн, с золотыми рыбками, карпами и фонтанчиком по центру. Потом я еще долго мечтала о том, как миссис Эйвери достает из своего бассейна маленькую рыбку — может, детеныша, — помещает в пластиковый пакет и вручает мне. А я бы отнесла рыбку домой, и она жила бы в большой кастрюле. Рыбку ведь содержать недорого, она совсем мало ест.

Аннет с братом уже успели взбежать по каменной лестнице к парадной двери. Аннет схватила комикс. Мы с миссис Эйвери подошли к ним как раз в тот момент, когда братец взвыл: «Ма-а-ам!»

— Дай хоть минуту покоя, дорогой, ладно?

Миссис Эйвери справилась с замком, и за распахнувшейся дверью я увидела люстру, сверкавшую огоньками, будто каплями дождя на листьях. У входа, на полированном столике, стояла стеклянная ваза, полная свежих фруктов. Интересно, как им удастся защищать от тараканов открытую вазу? Чудесный изысканный аромат печенья и лимонного чистящего средства витал в воздухе, толстый ковер цветочной аллеей вел в глубину квартиры.

— Мы дома, — сообщила в пространство миссис Эйвери. Но вместо человека из коридора показался пес — белый чау-чау бросился к Аннет. А по лестнице скатился громадный серый кот с белым пятном на кончике хвоста и принялся тереться о ноги брата Аннет.

— Не пугайся, — успокоила меня миссис Эйвери. — Понимаю, они могут *разом дорожать*, если ты не привыкла к животным, но *не укусы яд!*

Братишка Аннет схватил кота на руки и зарылся лицом в густую шерсть. Сама Аннет хихикала как сумасшедшая, пока собака вылизывала ее лицо. Невероятно, как миссис Эйвери допускает подобное. Разве животные — это не сплошные микробы?

Миссис Эйвери наклонилась ко мне.

— Все, что нужно, — ласково проговорила она, — это *погадить*, вот так. — И она потянулась к коту: — Иди сюда, Томми. Они подойдут, обнюхают тебя, и вы станете добрыми друзьями.

С трудом удерживаясь от желания задать вопрос, я покосилась на Аннет, которая уже расселась на полу, прямо в пальто и галошах, и прижалась головой к собачьей груди.

— У них есть?.. — Я не знала, как называются блохи по-английски, поэтому изобразила почесывание.

— О! — воскликнула миссис Эйвери. — Нет, *плохо* у них нет. Видишь? — Она просунула палец под тонкий ремешок на шее кота. — Это предохраняет от *плохо*.

Вид у меня, наверное, был озадаченный, поэтому она решила

уточнить — поскреблась под мышкой, точно обезьянка. Никогда в жизни я не видела, чтобы взрослые, тем более женщина, вели себя так неприлично.

— Нет *чечетки*, — повторила она. — Все в порядке.

Маленький братик уже помчался в кухню, мы последовали за ним. Меня представили домработнице, костлявой и сухой, как кусок вяленого мяса.

— Добрый день, — поздоровалась я, протягивая руку.

— Нет, вы только поглядите, — удивленно проговорила она, покачивая головой.

Нам приготовили перекусить. Знакомые по Гонконгу крекеры «Ритц», но к ним достали из холодильника кусок светло-желтого сыра. Неизвестным мне металлическим прибором домработница нарезала сыр на тонкие ломтики и положила их на крекеры. Долго еще после этого я помнила вкус — странный, незнакомый островатый вкус сыра в сочетании с маслянистым хрустящим печеньем.

Мальш набрал горсть крекеров, выхватил у Аннет комикс и помчался к лестнице.

— Чтoб никаких крошек на ковре — закричала ему вслед миссис Эйвери.

— Мам! Он забрал мой... — Лицо Аннет начало покрываться пятнами.

— Прекрати, Аннет. У тебя еще будет время почитать, а сейчас у тебя гости. — Миссис Эйвери обернулась ко мне: — Скоро поймешь, Кимберли, какой у нас тут кошмар творится.

Аннет сосредоточилась на еде, а покончив с угощением, мы пошли в ее комнату. По пути, в гостиной, я заметила огромное черное пианино, а рядом с ним, на диване, сверкающем красной с золотом обивкой, растянулся пес. Даже издали видно было, что подушки все в собачьей шерсти.

Комната Аннет была размером с наш класс в школе. И целая стена игрушек: плюшевые звери, настольные игры, куклы. Кровать у нее оказалась двухъярусная, с лестницей с одной стороны и горкой — с другой. Аннет сказала, что нижняя кровать обычно пустует, ей больше нравится спать наверху. Забравшись наверх, я сначала испугалась, несмотря на деревянные перила. Но, чуть привыкнув, поняла, какое замечательное, пьянящее чувство — оказаться так близко к потолку, сбросить туфли, а рядом сидит подружка, и обратно на пол можно соскользнуть по настоящей горке. У них в доме было так тепло, что я все с себя снимала и валялась на кровати в одной майке. Я была так счастлива и невесома, будто вновь

оказалась в Гонконге.

— Оооооо... Девчонки в гнезде! Берегитесь вшей! — Из-за двери показалась голова маленького брата, светлая, как одуванчик.

— Я тебя убью! — заорала Аннет и метнулась к горке, но малыш молниеносно скрылся. Она подбежала к двери, высунулась в коридор: — Попробуй только еще раз зайти сюда!

И Аннет захлопнула дверь.

— Не хочу его сюда впускать, но в нашем доме не запирают дверей.

Судя по интонации, она сейчас цитировала своих родителей. Как бы я хотела, чтобы и Ма заботило мое поведение, а не решение проблем нашего выживания.

Я покосилась на часы у кровати. Лапки Снупи, показывающие время, демонстрировали, что мне скоро пора уходить.

— Может, начнем работать?

Миссис Эйвери уже разложила на столе Аннет все необходимые материалы. Все новенькое и чистое: большая обувная коробка, листы цветного картона, зеленая и золотая краска с блестками, два маркера, коробки акварели, клей и ножницы. Дома мне пришлось бы все добывать самой: вытаскивать пустые коробки из чужого мусора, вырезать фигурки из старых газет, приклеивать их липкой лентой, рисовать шариковой ручкой. С такими чудесными материалами мы с Аннет быстро изготовили диораму, изображавшую группу людей: сидят кружком, взявшись за руки и улыбаясь. Блестящими красками мы написали слово «Общение» позади фигурок. Идея принадлежала Аннет, а я радовалась, что она понимает суть задания.

Миссис Эйвери повезла меня домой, а я попросила остановить машину около школы.

— Нет, дорогая, я довезу тебя до дома, — настаивала она. — Просто назови адрес. Я некоторое время работала настоящим агентом *по жимолости* и могу отыскать любое место.

— Школа лучше всего, — соврала я. — Ма ждет меня около школы.

— Но рядом со шко... — начала она, осеклась, вздохнула и согласилась: — В школу? Точно?

Я кивнула.

— Что ж, в школу так в школу. Поехали! — подчеркнуто радостно воскликнула миссис Эйвери.

Все окна в школе уже были темными, поблизости никого. Я боялась, что миссис Эйвери не оставит меня здесь, потому что она, как и моя Ма, определенно не относилась к тому типу родителей, что оставляют детей в

одиночестве в пустом доме.

— Ты уверена, что все будет в порядке?

— Да, я подожду Ма, она скоро придет. До свидания.

Я выскользнула из машины, прикрыла за собой дверь, обернулась. Этот момент я тоже отрепетировала.

— Большое спасибо за гостеприимство.

— Пожалуйста. — Она протянула руку в открытое окошко. — Знаешь, Кимберли, мы будем рады, если ты как-нибудь придешь к нам на обед. Сообщи Аннет, когда сможешь, ладно?

Я поблагодарила еще раз, а она, к моему удивлению, не предложила подождать. Я проводила взглядом отъезжающую машину и внезапно почувствовала себя одиноко. Но когда я в конце концов добралась до дома и открыла входную дверь, мимо проехал точно такой же автомобиль, как у миссис Эйвери. Неужели она следовала за мной всю дорогу?

Я часто думала о теплом, полном-собачьей-шерсти доме Аннет. Мечтала остаться в ее комнате. У нее ведь есть лишняя кровать, и она могла бы потихоньку приносить мне еду. Порой, когда бывало особенно печально и одиноко, я представляла, как прихожу за помощью к миссис Эйвери. Сама возможность этого успокаивала.

Но когда Аннет вновь пригласила меня в гости, Ма не разрешила. Я умоляла до тех пор, пока Ма не взяла меня за плечи и, глядя прямо в глаза, не сказала:

— А-Ким, если ты будешь ходить к ним слишком часто, нам придется тоже пригласить ее к нам, и что тогда? Малышка, у нас и так слишком много неоплаченных долгов.

В день зарплаты сразу было видно, у кого есть вид на жительство, а кто здесь нелегально. Нелегалам платили наличными, в кабинете Дяди Боба. Остальным переводили их сдельную выработку в почасовую оплату и выдавали чек. Мы тоже получали чек, но должны были являться в офис. Всякий раз в день зарплаты Дядя Боб, тяжело прихрамывая, подходил к нашему рабочему месту и провожал к себе в кабинет, где обналичивал наш чек и делил деньги у нас на глазах.

— Чтобы все было абсолютно честно, — смиренно приговаривал он. На листке бумаги писал разные цифры и раскладывал зеленые купюры в разные кучки: — Итак, это за лечение, когда вы жили в Гонконге. Это за билеты на самолет, это за визы, это проценты, это за аренду — за это, разумеется, никаких процентов, — это за воду, газ и электричество, а это

вам. — И со вздохом протягивал нам самую маленькую кучку.

В первый раз я была поражена, как мало денег нам осталось. К счастью, у нас не было телефона, хоть за него не надо было платить. Я не знала, что у нас долги, и понятия не имела, во что обошлось лечение туберкулеза Ма и наша иммиграция. Видимо, отчасти из-за этого мы не могли позволить себе квартиру получше, хотя, на мой взгляд, Тетя Пола вполне могла предоставить нам больше времени для выплаты долга. Дядя Боб каждую неделю забирал причитающуюся им долю, и за квартиру и все остальное мы тоже платили частями.

Однажды Ма попыталась заговорить с Дядей Бобом о квартире.

— А-Ким постоянно болеет. В доме слишком холодно. Когда освободится другое жилье?

Он недобро глянул на меня, на мой вечно красный нос.

— Трудно сказать. Этим занимается Тетя Пола. А давай я куплю тебе холодного чаю. Пробовала когда-нибудь?

Дядя Боб повел нас к автомату с напитками и купил мне мой первый американский холодный чай, а остальные ребяташки благоговейно наблюдали. Напиток оказался таким прохладным, таким лимонным — в жизни не пробовала ничего вкуснее.

— Спасибо тебе, Старший Брат Боб, — сказала Ма. — Ты поищешь нам новое жилье?

— Что? А, да, да.

Накануне Рождества школу украсили лампочками и бумажными снежинками, и мы часто пели хором. Я знала, что Аннет готовит мне подарок, потому что уже несколько недель она донимала меня предложениями угадать, что же это такое. Мне в голову приходили только учебники или коробка карандашей, и, на радость Аннет, я все время ошибалась.

Но раз подружка намерена подарить мне что-то, я тоже должна сделать ей подарок. Мы с Ма отправились в «Вулворт». Отдел игрушек мы миновали, не задерживаясь, — там все либо слишком дорого, либо слишком маленькое. И вообще Ма не представляла, что подойдет в качестве подарка белой девочке. Денег у нас было немного, но она хотела, чтобы подарок был приличного размера, дабы стало понятно, что мы потратили на него достаточно. В конце концов выбор был сделан. Большой пластиковый цветок за 1.99 доллара, то есть 133 юбки, бесплатно упаковали, и я дожидаться не могла, когда же смогу подарить его Аннет.

В последний день перед каникулами, завидев Аннет, выбирающуюся

из машины, я бросилась к ней со своим свертком.

— Кимберли! — радостно воскликнула она. — Что это?

— Это тебе! — я сунула сверток ей в руку.

— Привет, Ким, — высунулась в окошко миссис Эйвери.

Аннет уже разрывала упаковку. На свет показались красные и зеленые пятнистые листья, Аннет озадаченно вертела цветок в руках.

— Он играет музыку?

Я как раз подхватила очередную простуду и в тот момент вытирала нос клочком туалетной бумаги, прикидывая, что же она имеет в виду. С чего бы растению исполнять музыку? Много позже я поняла, что Аннет решила, будто ей подарили игрушку, ей в голову не приходило, к чему бы я вручила просто цветок.

— Какой чудесный подарок, Аннет, — раздался голос миссис Эйвери. — Мы поставим его *под охотник* в твоей комнате. Большое спасибо, Кимберли.

— Ага, спасибо, — пробормотала Аннет, но тут же просияла, вытаскивая из кармана крошечный пакетик. — А это тебе.

Внутри оказался брелок-панда, такой же, как мягкие игрушки, что Аннет носила на своем школьном рюкзаке. Аккуратные черные ушки, вежливо опущенные коричневые глазки; крохотные коготки на лапках ласково царапали палец. Оказывается, я всегда хотела именно такого медвежонка, даже не подозревая об этом, но Ма, кажется, была слегка разочарована, что мы получили такой скромный подарок.

В тот же последний день занятий Ма удивила меня. Вместо того чтобы, как обычно, отправиться на фабрику, она вместе со мной пошла в школу.

— Ты опоздаешь, — волновалась я.

— Сегодня Тетя Пола собирает арендную плату, — пояснила Ма. — И у меня есть немного времени до отправки партии.

— А вдруг она не уйдет? Ты же не можешь знать наверняка. Я видела, как Тетя Пола отчитывала других работников за опоздания. Даже увольняла их на месте.

— Я знаю. — Стараясь не встречаться со мной взглядом, Ма смотрела только вперед, на здание школы, уже появившееся перед нами.

— Ма, — потянула я ее за пальто. Ма рисковала и своей работой, и нашим будущим. Я понимала, что Тетя Пола обязательно уволит нас, если разозлится. Облачка пара вырывались изо рта на морозном воздухе, когда я проговорила: — Что ты делаешь?

Ма ничего не сказала, но в руках у нее я заметила маленький пластиковый пакет, а в нем пластмассовый контейнер. Неужели это поможет разрешить проблемы с мистером Богартом? Она собирается швырнуть в него объедками? Каждый шаг отзывался испуганным ударом сердца.

Я попыталась попрощаться с Ма у дверей школы, но она решительно прошла мимо охраны прямо в школьный вестибюль, где мы строились перед занятиями. Мистер Богарт, прислонившись к стене, беседовал с другой учительницей шестых классов, мисс Кумар. Ма решительно двинулась к ним, я плелась следом, мечтая об одном — провалиться на месте...

— М-да? — Углы рта у мистера Богарта недовольно опустились.

— С Ро-же-де-ством, — по-английски обратилась к нему Ма. Голос ее дрожал. И она вручила мистеру Богарту пластмассовый контейнер.

Приподняв брови, он медленно приоткрыл крышку, внутри оказались кусочки курицы в соевом соусе. Все оказалось даже хуже, чем я предполагала. Для Ма это, конечно, был роскошный подарок, ведь мы очень редко могли позволить себе подобное блюдо, но как можно дарить мистеру Богарту такую ерунду, как куриные ножки...

На лице его мелькнуло пренебрежение и еще что-то, чего я не смогла уловить, — неужели удивление или даже благодарность? Я ждала саркастических замечаний, но то ли из-за необычности самого подарка, то ли благодаря присутствию мисс Кумар мистер Богарт промолчал.

А вот мисс Кумар широко улыбнулась.

— Ну вот, Ник, а вы говорили, что вас никто не ценит, — сказала она и, обернувшись к Ма, добавила: — Кимберли, похоже, постепенно осваивается, миссис Чанг.

Ма, разумеется, не поняла ни слова, но все же догадалась ответить мисс Кумар:

— Са-пасибо.

Мистер Богарт лишь коротко кивнул и направился к ученикам, большинство из которых изумленно раскрыли рты, увидев, как ненавистный мистер Богарт получил подарок от кого-то из родителей.

Ма сразу же поспешила на работу, а Тети Полы и вправду не оказалось на фабрике в то утро, так что нас не уволили. Этот случай никак не изменил отношения мистера Богарта ко мне, ни в лучшую, ни в худшую сторону, чему я была рада, но зато я поняла, что Ма изо всех сил старалась помочь мне в школьных делах.

За день до Рождества я встретила на фабрике Мэтта. Погладив пальцем лобик панды, затаившегося у меня в кармане, я подошла к Мэтту поздороваться.

— С Рождеством. — И, вытащив панду из кармана, протянула ему.

Я долго обдумывала это. Тайрон мне очень нравился, но я с ним ни разу даже не разговаривала. А Мэтту я была признательна, и он был единственным, кому известна моя настоящая жизнь, поскольку у него — такая же. Сделать ему подарок мне хотелось даже сильнее, чем хотелось оставить у себя маленького панду, — а больше у меня ничего не было.

Мэтт подбросил игрушку высоко в воздух, ловко поймал.

— И за что же, интересно?

— Ты мне помог, — сказала я. Хотела добавить: «И ты мне очень нравишься», но промолчала.

Он улыбнулся, и только тогда я заметила кровоподтек у него на скуле.

— Сдается мне, что панда хочет остаться с тобой, — проговорил он, ласково вкладывая игрушку обратно мне в ладонь.

Во мне боролись два чувства — облегчения и одновременно разочарования, что он отверг мой подарок. Помолчав, я спросила, кивком показав на синяк:

— Что это с тобой случилось?

— А, ерунда. Какие-то придурки приставали к моему брату. — Он пожал плечами, изображая безразличие, но казался в этот момент таким маленьким и щуплым, что у меня даже внутри заболело.

Я знала ответ, но не смогла удержаться:

— А ты, наверное, часто дерешься?

— Не-а, — с усмешкой отозвался он. Соврал, понятно. — А ты милое дитя.

— Я вовсе не дитя, одного роста с тобой, между прочим.

— Ничего, подождем пару лет, — бросил он на прощанье, удаляясь вразвалочку.

В Гонконге я слышала о Санта-Клаусе, но мы полагали, что в теплые страны он не заглядывает. Никто его там не видел и особо о нем не говорил, поэтому я, в отличие от большинства детей моего возраста, не подозревала, что в действительности его не существует. Оказавшись в Штатах, я решила, что скоро увижу Санта-Клауса, как и многие другие явления, о которых прежде только слышала, как, например, рыжие волосы или варежки.

Мистеру Элу мы подарили маленького деревянного слоника из

Чайнатауна, который приносит деньги и долголетие. Ма не боялась делать ему подарки, потому что знала, что он с ума сходит от всего китайского. Жена его умерла давным-давно, и он говорил, что намерен как-нибудь обрести покой в обществе милой китаянки. Мистер Эл вечно подбивал меня спросить Ма, нет ли у нее симпатичной подружки, интересовался, как сказать по-китайски «я тебя люблю» и прочее в таком роде.

— Поставлю его рядом с кассой, пускай принесет удачу, — сказал мистер Эл. А нам он подарил красную настольную лампу из своего магазина. Я поставила ее на стол, за которым делала уроки.

Рождественской елки у нас не было, но Ма купила подержанную книжку с рождественскими гимнами, и мы пели их вместе. Некоторые я уже слышала в школе, а Ма знала ноты. Она без слов напевала мелодию, а я громко и фальшиво пела по-английски. Ма попыталась аккомпанировать на скрипке, но было слишком холодно, а в перчатках играть невозможно.

Специального чулка у меня не было, но в канун Рождества я положила на наш маленький столик носок Ма, который был чуть побольше моего. Проснувшись, я обнаружила большой апельсин и красный китайский конверт, в котором лежали два доллара, на счастье. И тут же поняла, что никакого Санта-Клауса не существует, есть только моя Ма, — но этого было вполне достаточно.

Через несколько дней после наступления западного нового года мы получили настоящий подарок. Путь к метро пролегал мимо большого здания, и однажды утром мы заметили рабочих, возившихся около мусорных контейнеров. Оказалось, они выбросили несколько рулонов ворсистой ткани, из которой делают игрушки. Должно быть, это большое здание — фабрика игрушек.

Мы замерли на месте, потрясенные видом материала. Утеплителя.

— Может, если мы поторопимся... — начала Ма.

— Нет, Ма. Мы не можем опаздывать на работу, — возразила я. — Лучше вернемся позже.

Весь день Ма терзала меня вопросами: «Как ты думаешь, а другим людям это не понадобится? Не знаешь, мусор сегодня вывозят?»

«Не знаю», — отвечала я. Если к тому времени, как мы пойдем с работы, рулоны исчезнут, я буду во всем виновата.

Но когда, выскочив из метро, мы добежали до игрушечной фабрики, рулоны все еще были там. Ма радостно рассмеялась. Какая замечательная находка! Этот искусственный мех, светло-зеленый и колючий, защитит нас от холода. В такой жуткий холод улицы были пустыни, и мы с Ма сделали

несколько ходок, притащив с помойки сколько смогли.

Ма сшила нам из этой материи халаты, свитера, штаны и одеяла. Она даже прикрыла ею часть пола и окна. И сделала скатерть. Забавное, должно быть, представляли мы зрелище, эдакие два плюшевых медвежонка, но нам было не до церемоний. Не знаю, сумели бы мы пережить зиму без этого дара небес. Материал оказался тяжелым, как ковер, он не предназначался для одежды, и порой я просыпалась от боли в придавленных одеялом ногах. Но теперь можно было прикрыть все тело сразу, а не по частям, как прежде. И эти одеяла были теплыми.

В полночь накануне китайского Нового года, который в тот раз наступил в конце января, все боги уходят. И каждый год они возвращаются к нам в разное время и с разных сторон. Ма посмотрела в календаре «Тонг Синг», когда и в каком направлении нам нужно отправиться, чтобы встретить их. Дабы определить стороны света, она опустила в миску с водой намагниченную иголку. В четыре утра мы с Ма отважились выйти на пустынные улицы, белые облачка нашего дыхания струились вверх в морозном свете уличных фонарей. Мы направились на юго-восток приветствовать возвращающихся богов полными пригоршнями мандаринов и арахиса.

По случаю праздника фабрика была закрыта, поскольку ни один китаец в этот день не стал бы работать. Мне даже разрешено было не ходить в школу. Ма приготовила на обед традиционную желтую лапшу и вегетарианское буддистское блюдо, а к ужину купила жареного цыпленка в Чайнатауне. Все, что происходит в этот день, имеет символическое значение для наступающего года, так что мы были исключительно осторожны, чтобы ничего ненароком не уронить и не сломать.

Назавтра, в первый день нового года, мы с Ма провели религиозную церемонию, дабы почтить умерших. Важные праздники мы всегда отмечали сначала дома, а потом в храме. Ма нашла один в Чайнатауне. Сколько же раз за эти годы мои пальцы привычно складывали определенным образом квадратики освященной бумаги: сначала серебряный, потом золотой, потом еще два прямоугольничка горизонтально.

Мы поставили еду и вино перед пятью алтарями в кухне, зажгли благовония и склонились в поклоне, держа в руках стопки священной бумаги. Добавили еще один пункт, для привлечения удачи: пообещали богам, что, если благополучно переживем наступивший год, в следующий раз предложим им жареную свинину. Кухню заволкло клубами душистого

дыма, которым тут же пропахли наши волосы и одежда. Ма обратилась по имени сначала к каждому из богов и к ныне живущим предкам, потом к уже умершим, то есть к дедушкам и бабушкам с обеих сторон и Па. Произнося молитвы родителям и Па, со словами «выпейте еще чашечку, дорогие наши» она пролила на пол перед отеческим алтарем еще одну чашку рисового вина.

Закончив, мы с Ма отнесли бумагу и вино вниз, во двор. Несколькими днями раньше мы расчистили площадку среди гор мусора. Теперь она уже покрылась корочкой льда. Здесь предстояло сжечь бумагу.

Ма зажгла первый листок и бросила его в специальное металлическое ведро, купленное в Чайнатауне. Затем достала бутылочку с вином и трижды по кругу полила внутри. Под действием алкоголя пламя высоко полыхнуло. Вино гарантировало, что второстепенные духи, живущие на небесах, не смогут похитить дары у тех, кому они предназначены. Ма ворошила бумагу длинным металлическим прутом, жар от раскалившегося дна ведерка растопил лед и даже высушил обнажившийся под ним бетон. Я представляла, как священная золотая и серебряная бумага превращается на небесах в золотые и серебряные слитки, а цветная бумага — в роскошный шелк. Чем больше мы сожжем здесь, тем больше денег смогут потратить на небесах наши боги и родственники, тем больше ткани у них будет для одежды. Огонь высвобождал сущность из праха и воссоздавал ее вновь в мире духов.

Дерева окутало облако серого дыма. Смерч из пепла и обгоревших клочков золота и серебра взвился вверх, вознося наши подношения небесам. Крошечные хлопья пепла прилипли к моему лицу и волосам.

Ма, склонив голову в молитве, стояла в сторонке, на границе земли и бетона, и я расслышала несколько слов. *Милостивая Гуанинь, возлюбленные родственники, пожалуйста, сделайте так, чтобы добрые люди пришли к нам, а злые — покинули нас.* Подойдя, я обняла ее. И думала при этом: *Па, как мне хочется, чтобы ты был рядом. Пожалуйста, помоги мне выучить английский в совершенстве, чтобы я смогла позаботиться о нас.* Ма нежно сжала мою руку, и мы вместе молились о будущем.

В воскресенье, когда мы с Ма вернулись из Чайнатауна, совершив еженедельные покупки, я заметила свет в магазине мистера Эла. А в окне надпись: «Полная распродажа. Продается все». Заглянув в дверь, я увидела, как мистер Эл переставляет товар.

Ма взяла сумки в одну руку, доставая ключи.

— Не следует беспокоить его. Он, похоже, занят.

В этот момент мистер Эл заметил нас. Он отпер дверь, предлагая войти.

— Нет, спасибо, — вежливо ответила я. — Нам нужно положить еду в холодильник. Но почему вы здесь в воскресенье?

— У меня много дел. Нужно рассортировать вещи — от чего-то избавиться, а что-то забрать с собой.

— Вы куда-то уезжаете? — ошеломленно спросила я. Мистер Эл всегда приветливо махал нам рукой. Он был нашим другом, заботился о нас. Когда мы познакомились поближе, я рассказала ему, как мы покупали мороженое и бакалейщик обсчитал нас.

— Этот парень не имеет никакого права обирать порядочных людей, — возмутился мистер Эл. И должно быть, сказал что-то бакалейщику, потому что в следующий раз, когда мы зашли в лавку, тот дал мне бесплатно ожерелье из конфет.

— Что происходит? — взволнованно спросила Ма. Она же ничего не понимала.

— А вы что, не знаете? — удивился мистер Эл. — Дорогая, отсюда все мало-помалу бегут, потому что весь этот район *сносят*.

— Как это? — с недоумением спросила я. — Куда уносят?

— Конец. Надежды не осталось. Правительство собирается строить здесь громадный *комп-люкс*. Все здания в этом квартале и на той стороне улицы сломают.

— Когда?

— Да что случилось? — не на шутку встревожилась Ма.

— Я тебе потом расскажу, — сказала я по-китайски, с нетерпением ожидая от мистера Эла дальнейших объяснений.

— Предполагали снести еще в том году, — сообщил он. — Но все откладывают. Многие жалуются, пытаются протестовать. Может, лет десять пройдет, а может, все случится через год. Но я не намерен дожидаться, пока меня вышвырнут на улицу. Это все равно тонущий корабль. Вы, девчонки, славные люди, — похлопал он меня по плечу, — вам тоже надо выбираться отсюда. Владельцы ничего не станут делать для нас, никто не захочет вкладывать деньги. Вон у меня окно уже несколько месяцев разбито. Бизнес идет плохо, все уезжают.

— И когда вы уезжаете?

— Аренда у меня заканчивается первого марта. А потом отправлюсь к своему брату в Вирджинию.

Глава пятая

Дома я пересказала Ма то, о чем узнала от мистера Эла.

— Значит, Тетя Пола поможет нам переехать в хорошую квартиру, — улыбнулась Ма. — Не можем же мы оставаться здесь вечно.

— Но это потребует времени. А она знала, что этот квартал сносят. Почему же ничего нам не сказала?

— Может, не хотела нас волновать.

Я задумалась.

— Это наверняка означает только одно: Мистер Н. никогда не починит ни отопление, ни все остальное. Ма, нам нужно найти другое жилье.

— Это нам не по карману, — коротко вздохнула она.

— Но люди с нашей фабрики тоже снимают квартиры.

— Не забывай, арендная плата — лишь часть того, что мы ежемесячно отдаем Тете Поле. У нас огромный долг. А эта квартира дешевая.

— Неужели даже в Чайнатауне ничего не найдем? Там ведь не может быть слишком дорого.

— Дешевые квартиры переходят по наследству. Так просто их не получить. Я спрашивала на фабрике.

— Думаю, мы вообще незаконно тут живем, дом в таком плохом состоянии. Наверное, именно поэтому Тетя Пола заставила меня назвать в школе неправильный адрес. Ма, давай сбежим. Мы сможем найти другую работу, на другой фабрике. Тетя Пола ни о чем не узнает, — безрассудно продолжала я. Дома, в Гонконге, я никогда бы не посмела разговаривать с Ма в таком тоне, открыто спорить на такие взрослые темы, но там на мне и не лежало той ответственности, которая досталась здесь. Дома я не стремилась так отчаянно к изменению нашей жизни.

— А как же наш долг? — прищурилась Ма. — Она привезла нас сюда, А-Ким. Потратила деньги на мое лечение, на наши билеты, вид на жительство. Дело не в том, что мы не можем сбежать. Это вопрос чести и уважения.

— К ней?! — Я с досадой вцепилась в собственные волосы, разозлившись на Ма с ее честностью.

— Она предоставила нам дом и работу. Она моя сестра и твоя тетя. У каждого есть недостатки, но это не дает нам права поступать недостойно. Мы порядочные люди, и мы возвращаем свои долги.

Гнев схлынул. Как ни отвратительна была мысль о зависимости от

Тети Полы, но я понимала, что Ма — другой человек, она не может изменить своему слову или отказаться от взятых на себя обязательств.

— Тетя Пола всегда такая была, даже когда вы были маленькими?

Ма помедлила. Она не любила говорить плохо о людях, тем более о родственниках.

— Когда мы подростками жили в Гонконге, Тетя Пола заботилась обо всем. Она была смышленной и находчивой. Работала у ювелира, делала листовое золото, чтобы я могла закончить школу. Это ведь я должна была выйти замуж за американского китаецца. Раз уж ни на что больше не годилась, кроме музыки, и вообще меня считали симпатичной. Но потом я начала давать уроки, и твой папа предложил мне работу в школе. А вскоре мы поженились.

— Тетя Пола разозлилась?

— Да, очень. Но она всегда была практичной и рассудительной, и, когда приехал Дядя Боб, она взяла и сама вышла за него замуж.

— Так это ты должна была выйти за Дядю Боба? — Пожалуй, слишком много сюрпризов на сегодня.

— В Гонконге он встречался со многими людьми, — пояснила Ма. (Она имела в виду, что он выбирал из множества девушек.) — И наши знакомые показали ему мою фотографию. Во всяком случае, у Тети Полы тоже когда-то был нелегкий период в жизни.

Поутру на фабрике мы с Ма вновь разговаривали с Тетей Полой в ее кабинете.

— Почему ты не сказала, что весь наш квартал собираются сносить? — мягко спросила Ма.

Тетя Пола приподняла бровь, удивляясь, что нам все известно.

— Потому что это было неважно. Я ведь сказала — вы поживете там только временно. Теперь понятно, что не о чем было волноваться? Вы все равно не задержитесь там надолго, даже если хотели бы.

— Сколько времени это займет? — настаивала Ма.

— Немного, — ответила Тетя Пола, рассеянно почесав шею. — Я сообщу вам, если будут какие-то новости. А сейчас нам всем лучше вернуться к работе, — поджала она губы. — В прошлый раз вы едва не опоздали к отправке партии.

— Знаю, — согласилась Ма. — Я буду стараться, старшая сестра.

— Мы, конечно, одна семья, но я не хочу, чтобы люди считали меня предвзятой.

В словах ее звучала явная угроза, и мы поспешно ретировались.

Проходя мимо стола, где обрезали нитки, я с удивлением заметила Мэтта, работавшего в одиночку, без Парка и без матери.

— А где твоя мама? — поинтересовалась я.

— Ей иногда нездоровится, — отозвался Мэтт, не прерывая работы. Ему ведь нужно было выполнить и мамину норму тоже. — И Парк сегодня остался с ней дома, чтобы я успел справиться с работой. Наш Парк, знаешь, не лучший помощник.

— Могу я чем-нибудь помочь твоей маме? — предложила Ма. — Если проблема с легкими, очень хорошо помогает толченый шмель в соли.

— У нее с сердцем плохо, — сказал Мэтт, и глаза его потеплели. — У нее есть лекарство, но большое спасибо вам за заботу, миссис Чанг.

— А он лучше, чем я думала, — улыбнулась Ма, когда мы отошли подальше.

Я должна довести свой английский до совершенства. Я не только выписывала незнакомые слова из учебников и смотрела их значение в словаре, я решила выучить вообще все слова, начав с буквы «А». Я переписала первую страницу словаря и прикрепила ее к двери ванной. Транскрипцию я выучила еще в Гонконге, так что сравнительно легко догадывалась о произношении, но все равно делала много ошибок. Раз в неделю наш класс водили в библиотеку, и я всегда брала стопку книг, начав с неприлично тоненьких, для малышей. И медленно продвигалась к своему возрасту. Я прихватывала книжку с собой на работу и читала в метро. Вообще почти все мои домашние задания были выполнены либо в метро, либо на фабрике. Для более серьезных заданий отводились воскресные дни.

К началу февраля, когда раздавали табели с отметками, я не вошла в число лучших учеников, но успевала практически по всем предметам. Государственный тест по чтению и математике я прошла, как и все остальные, но результатов пока не знала. В таблице значились несколько «Удовлетворительно» по математике и естественным наукам, несколько «Неудовлетворительно», а остальные — «Хорошо». В комментариях мистер Богарт написал: «Кимберли следует прилагать больше старания. Прошу вас подойти ко мне на родительском собрании. Представьте справку от стоматолога!» Неужели он считает, что мы можем заплатить дантисту? Я понятия не имела, что такое «родительское собрание», но не собиралась пускать Ма на это мероприятие. Я убедила ее, что табели нам выдают раз в год, в самом конце. И подделала подпись, что было совсем нетрудно, так как с самого начала я расписывалась за нее.

Лед на оконном стекле постепенно растаял, и я вновь могла видеть, что творится в мире.

В конце февраля главный забияка нашего класса начал коситься в мою сторону. Звали его Люк, и он уже несколько раз оставался на второй год, так что был на голову выше остальных. Он вечно ходил в одной и той же серой грязной майке, свободно болтавшейся на бочкообразной груди. Ноздри его временами грозно раздувались, и даже мистер Богарт, казалось, предпочитал с ним не связываться. Люк приставал ко всем вокруг. А если ребята осмеливались дать сдачи или огрызнуться, это его только подстегивало и Люк приходил в ярость. Ноги были его главным оружием, и он любил повалить противника на землю, а потом пинать его. Ходили слухи, что однажды, когда кто-то толкнул Люка головой в живот, он вытащил нож и пырнул обидчика. А еще он произносил множество слов, которых я вообще не знала, вроде «хер» или «плять».

Я спросила Аннет, что такое «хер».

— Это всем известно, — уверенно улыбнулась она. — Это означает «какашка».

Незадолго до этого Аннет сообщила, что на следующий год собирается в частную школу «Харрисон». А я, разумеется, должна была перейти в государственную среднюю школу. Как же я без подружки?

Мы простились с мистером Элом. Грузовик увез большую часть его товаров, но несколько складных стульев и матрас он оставил нам.

— Большое спасибо, мистер Эл, — поблагодарила я. Как чудесно, что теперь у меня появилось собственное место для сна.

— *Ммм сай*, — попытался он изобразить «пожалуйста» по-кантонски.

— У вас очень хороший китайский, — соврала я. К счастью, я-то знала, чему его учила, поэтому могла догадаться, что он имеет в виду.

— Ну, красотки, берегите себя. — На прощанье он крепко обнял каждую из нас. Он него пахло табаком.

— Да будете вы сильным и здоровым, как дракон, — тихо пробормотала Ма. Из хозяйственной сумки она выудила короткий деревянный меч, купленный в магазине для кунг-фу в Чайнатауне. Протянула подарок мистеру Элу.

Широкое лицо расплылось в улыбке, он провел пальцем по резьбе на рукояти.

— Она говорит «Доброго здоровья», — пояснила я, не зная, как перевести остальное. — Это надо класть под подушку.

— Зачем? Такое серьезное оружие?

— Этот меч отгоняет беспокойство и дурные сны.

— Ну ладно. Если ты так говоришь. — Он улыбнулся в последний раз и направился в сторону подземки, размахивая мечом, как ниндзя.

Грустно, что магазинчик мистера Эла опустел. Я глядела сверху на соседнее здание, приподнимая краешек пакета на кухонном окне. Хотела еще раз увидеть чернокожую женщину с ребенком, которые жили в квартире над его магазином. Матери не было в комнате, но малыш, уже подросший, сидел в детском манеже. Он вцепился в сетку, широко раскрыв ротик, — видимо, плакал, — но никто не приходил.

Мне всегда больше нравились машинки, чем куклы, а уж настоящие младенцы меня вообще не интересовали, но тут мне вдруг захотелось подхватить его на руки и успокоить.

Весь март и даже апрель Люк продолжал косо поглядывать на меня, но я притворялась, будто ничего не замечаю. Он хватал девочек за волосы и целовал, когда мистер Богарт не видел. Однажды во время ланча я проходила с подносом мимо стола, за которым расположился со своими приятелями Люк, и он выставил ногу в проход. Я молча переступила и двинулась дальше. Ножки стула проскрежетали по полу, Люк резко подскочил с места.

— Эй, китаеза!

Я не обернулась. Поставила поднос на свое обычное место, рядом с Аннет, и тут на плечо мне опустилась рука. Инстинктивно я чуть присела, разворачиваясь, и рука слетела.

— Ух ты, вот это кунг-фу, — выдохнул один из мальчишек.

— Ты знаешь каратэ? — удивился Люк.

— Нет, — ответила я. И это была чистая правда.

— Знает, — настаивал тощий парнишка.

— Я хочу тебя проверить. Давай подеремся после школы, — спокойно предложил Люк, будто приглашая меня в гости, поиграть. И вместе с дружками вернулся за свой стол.

Аннет не сводила с меня глаз. Я вся дрожала.

— Ты чокнутая? — нервно спросила она, едва не взвизгнув от волнения. — Он же тебя убьет!

— А что я должна делать?

— Рассказать кому-нибудь. Хотя бы мистеру Богарту.

Я лишь молча посмотрела на подругу.

— Ладно, забудь. — Аннет задумчиво наморщила лоб. — Мама

сегодня работает, так что забирать меня будет няня. Можно рассказать ей.

Я вспомнила их няню, такую серьезную и бесстрастную. Она не из тех, кому хочется довериться. Миссис Эйвери — совсем другое дело.

— Нет, ей я не хочу рассказывать.

— Но почему?

— Она не помогать. И я не ябеда.

— Слушай, Кимберли, — прошипела Аннет, — у Люка есть нож. Это нормально — рассказать взрослым.

Я покачала головой. Я боялась Люка, но еще больше боялась взрослых. Вдруг няня Аннет решит поговорить с Ма или с мистером Богартом? И тогда выйдет наружу все, что я скрывала от Ма, — подделанные подписи, проваленные тесты, дантист, табели, родительское собрание.

— Ладно, — Аннет схватила меня за руку, — тогда просто пошли со мной. Мы сядем в машину и уедем. А потом просто подвезем тебя до дома.

Очень хотелось согласиться. Но тогда придется показать, где я живу. И Ма ждет меня на фабрике. И все равно Люк будет приставать завтра или послезавтра. И все будет только хуже.

— Нет, — заявила я. — Я буду драться с ним.

Уроки закончились, и во рту сразу пересохло. Меня никогда прежде не колотили. Я, конечно, частенько видела драки в школьном дворе, но меня ни разу не толкнули, не пнули и не плюнули. И сама я никогда никого не била. Дома я занималась тай-цзи в парке вместе с Ма, но поскольку большинству из наших спортсменов было за семьдесят, то, чему мы учились, едва ли могло помочь в бруклинских уличных потасовках.

О предстоящей драке известно было всем, и плотное кольцо ребят окружило нас. Ритмичные крики «бей, бей, бей» разносились в воздухе, как барабанный бой. Лицо Аннет растворилось среди остальных, и я осталась в центре круга один на один с Люком. Он ждал: огромный серый военный линкор. Я едва доставала ему до подбородка и весила вдвое меньше. Люк был из того района Бруклина, куда даже почтальоны не решались доставлять корреспонденцию. Я жутко боялась и готова была отдать что угодно, лишь бы исчезнуть и никогда не оказаться на этом месте.

Но я не сбежала. Бежать было некуда. От ужаса меня охватил абсолютный покой. Ледяной холод сковал пальцы, но одновременно возникло странное чувство — смесь возмущения и упрямства. Я была звеном в длинной цепи поколений истинных воинов, мои предки — одни из величайших бойцов династии Тан, и я не имела права отступить, предать

их. Размеренно, едва слышно я начала проклинать его по-китайски: *у тебя сердце волка и легкие собаки, сердце твое сожрал грязный пес.*

— Что за херь ты мелешь? — удивился Люк.

Не отвечая, я продолжала бормотать заклинания себе под нос. Мы кружили друг против друга, тень его нависала надо мной.

— Ну и чудная ты, — сказал он. И внезапно сорвал с плеча рюкзак, размахнулся и изо всех сил стукнул меня сбоку. Удар развернул меня спиной к нему, основная тяжесть пришлась на мой рюкзак. Тогда я сдернула рюкзак и врезала ему по руке. Слева, справа, я колотила его рыхлое тело со всех сторон, куртка зацепилась за застежку моего рюкзака. Странно, но он даже не пытался ударить в ответ. Тогда я подняла правую ногу и с разворота стукнула его по голени.

— Черт! — завопил Люк. В глазах его на миг мелькнуло бешенство, но все равно он не стал давать сдачи. Просто схватил за руку и слегка толкнул, так что я отлетела на пару шагов. Потом закинул рюкзак за плечо и лениво двинулся прочь.

Аннет бросилась мне на шею.

— Я и не знала, что ты умеешь драться! Ты владеешь кунг-фу!

Я не стала разуберять ее, но сама-то знала, что и драться не умею, и не дралась вовсе. Домой я шла в полном недоумении. Он ведь запросто мог убить меня. Что же произошло?

На следующий день, прямо во время урока обществоведения, в класс вошла директор, миссис Ла Гуардия, и заявила:

— Мистер Богарт, мне нужна Кимберли Чанг.

Одноклассники хором выдохнули «ооооох» и прижали ладони ко ртам. Хотя по школе ходило множество шуточек насчет миссис Ла Гуардии и одноименного аэропорта, ее все уважали и даже боялись. В груди у меня похолодело. Я бросила взгляд на Люка, он старался не смотреть в мою сторону. Кто же донес на нас?

Мистер Богарт кивнул:

— Веди себя хорошо, Кимберли.

Я поспешила за миссис Ла Гуардией. Она прикрыла дверь кабинета, сняла очки, повисшие на длинной серебряной цепочке на груди. Устроившись на стуле напротив ее стола, я едва сдерживалась, чтобы не начать нервно шаркать по полу ногами. Я знала, что происходит с учениками в директорском кабинете. Их выгоняют.

— Только что получены результаты государственного теста. Мисс Кумар видела твои и попросила меня тоже взглянуть. Твои результаты по

математике — это *ничто*. *Ничто* удивительное. Результаты по чтению отстают.

Я пристально разглядывала собственные ногти, и кровь в жилах пульсировала все сильнее. Понятно: такая ученица — позор для школы. Меня исключат за неуспеваемость и драки. А может, они узнали и о мошенничестве с подписями Ма.

— Скажи, что ты намерена делать в следующем году?

Так вот оно что. Меня оставляют на второй год. Все перейдут в следующий класс, кроме меня. Как я сумею скрыть это от Ма? Да, дома меня ждут большие неприятности. Сжавшись в комочек, я пыталась придумать ответ, который ей понравится.

— Милая, посмотри на меня.

Слово «милая» настолько меня поразило, что я подчинилась. Я слышала, миссис Эйвери так обращается к Аннет. В Гонконге директор не произносил подобных слов в беседе с учениками. Лицо миссис Ла Гуардии без очков казалось странно обнаженным. Ресницы короткие, но глаза добрые.

— У тебя нет никаких проблем, — успокоила она.

Я чуть выпрямилась, все еще не до конца поверив.

— К сожалению, в этом районе не слишком большой выбор хороших государственных школ. Я пытаюсь найти решение, поскольку многие наши ученики заслуживают права на первоклассное образование, но пока ничего не меняется. Ближайшая государственная средняя школа довольно далеко отсюда, и район там небезопасный. Ребенок твоего *муровня* обычно поступает в специализированную школу, но твой английский пока несколько хромает. Знаю, до сих пор тебе приходилось нелегко здесь.

Я вновь потупилась. Обивка стула оказалась ядовито-зеленого цвета. Специализированная школа. Люк хромает. Все ясно. Меня затошнило.

Она продолжала:

— Дело в том, Кимберли, что меня очень тревожит, что может произойти, если ты попадешь в школу, где *нет оплошности* помочь *разбиться* твоим способностям. От себя лично могу сказать, что тебе следует подумать о частной школе. Большинство наших выпускников не могут рассчитывать попасть туда либо не в состоянии платить, но, думаю, у тебя шансы есть.

Теперь я разволновалась по другому поводу. Наверное, миссис Ла Гуардия спутала меня с кем-то из белых детей — тех, у кого есть домработница, няня, встречающая дома с готовым обедом. Нужно взять себя в руки, пока не выберусь из кабинета, потом замести следы и

смываться отсюда.

— Большое спасибо, миссис Ла Гуардия, — пролепетала я.

— Я знаю несколько хороших школ, могу *по рекой* давать.

Я недоуменно хлопала глазами.

— Тебе ведь нужно *рекой метаться*? — повторила она.

— Нет, спасибо, — чересчур поспешно ответила я.

Теперь уже она смотрела на меня озадаченно.

Странно. Никто никогда не называл миссис Гуардию бестолковой.

— Ты что, не хочешь учиться в частной школе, Кимберли? — В голосе слышалось раздражение. — Или мне лучше поговорить с твоей мамой?

Я, потупившись, помотала головой.

— Ну как хочешь, — вздохнула она.

Похоже, она сдалась, но вместо чувства облегчения меня охватила тоска и горечь.

— Мне хотелось бы, — пробормотала я. Она склонилась над столом, чтобы лучше слышать, но не перебивала. — Но там нужно платить.

— Мне следовало объяснить точнее, — вновь оживилась она. — Никто и не думает, что вы с мамой сможете все оплатить самостоятельно. Я имела в виду, что частная школа, разумеется, предоставит тебе стипендию. Обещать не стану, но будем надеяться.

— Правда? — Я и представить не могла, что пойду в такую же чудесную школу, как Аннет.

— Впрочем, надо быть реалистами, ведь сроки зачисления уже прошли. Если какая-то школа решится тебя принять, их бюджет может быть *из черепа*.

— А «Харрисон» из черепа? — робко поинтересовалась я. Туда собиралась Аннет.

Миссис Ла Гуардия расхохоталась:

— Что ж, ты высоко нацелилась. Давай-ка я позвоню кое-куда, и позже мы еще поговорим, Кимберли. Сейчас ступай. Но, повторяю, не стоит рассчитывать на многое. Это пока лишь общие слова.

С тех пор как я невредимой вернулась из кабинета миссис Ла Гуардии и меня не исключили, Люк приставал ко мне каждый день. Еще несколько раз мы устраивали поединки на ранцах, но вскоре другая девочка, гораздо более сообразительная, заняла мое место. Ее фигурка уже обретала женские округлости, и она была гораздо симпатичнее меня — мягкие каштановые кудри, кремовая кожа. Словно защищая меня, она подскочила к Люку.

— Не смей трогать мою подругу, — заявила она. За время учебы мы и слова друг другу не сказали, но я все равно была признательна.

И Люк обратил свое внимание на нее:

— Хочешь подраться?

Впрочем, подраться они пытались всего разок, а потом просто обнимались в уголке двора. До меня наконец-то дошло. Меня вовсе не вызывали на поединок, это было ухаживание, правила которого я нарушила, изо всех сил стукнув Люка в самый первый раз. Неловко получилось. Но, как бы то ни было, благодаря всей этой истории мне удалось заслужить уважение класса, и школа показалась мне гораздо более приятным местом.

Той весной произошло еще несколько примечательных событий: Пасха — праздник кроликов и разноцветных яиц — и школьное фото. Мы с Ма не могли себе позволить оплатить фотографию, поэтому сохранили снимок, где поперек моей груди стояла надпись ОБРАЗЕЦ. Очередное родительское собрание прошло без участия Ма и даже без ее ведома.

После Пасхи миссис Ла Гуардия сообщила, что школа «Харрисон» действительно заинтересовалась мною. Как я поняла, это означало, что они будут платить за меня, пока я не поступлю в хороший колледж. Мне это показалось вполне разумной сделкой.

Школа, куда нас с Ма пригласили, находилась в совершенно неизвестной мне части Бруклина.

Когда я рассказала о предстоящем мероприятии, Ма буквально задохнулась от восторга.

— Какая удача! Как я горжусь тобой! — Но тут же нахмурилась, узнав о дате официального визита. — Так скоро? Ведь отправка товара в тот же вечер...

— Все нормально, я могу сходить одна.

— А перенести встречу на другой день нельзя?

— Ма, мне было бы приятно пойти вместе с тобой, но не хочу, чтобы у тебя были проблемы на работе. Ты же не можешь пропустить свою смену.

Ма опечалилась.

— Как мне не хочется отпускать тебя одну, но я помолюсь и зажгу благовония на счастье.

В тот день мне разрешили пропустить занятия в собственной школе, и я отправилась в «Харрисон», с тремя пересадками на метро. Потом пришлось еще немного пройти пешком, следуя выданной карте, а потом я

вдруг оказалась почти в лесу. Я и не представляла, что в Бруклине такое может быть. Совсем не похоже на все, что я видела прежде, даже на район, где жила Аннет. Здесь было так тихо и красиво, словно в деревне.

Я думала, что иду по парку, но оказалось, что это уже часть территории «Харрисон». Школа была очень старой и владела огромным участком. Деревья и кустарник сменила высокая изгородь, сквозь которую просвечивал просторный безукоризненный газон, где играли школьники. Широкие шорты делали их похожими на кубики. И дети, и их игры казались совершенно чужими. В своей школе я, по крайней мере, не была единственным не белым ребенком, и уж точно не только я росла в бедной семье. Никто из моих знакомых не играл ни во что подобное, а если я здесь останусь, мне тоже придется бегать со странной сетчатой штуковиной в руках, ловить мячи и бросать кому-то, машущему руками в отдалении. И бегать придется в таких же квадратных шортах. Мы ни за что не сможем купить такие дорогие штаны.

Я замедлила шаг и подумала было вернуться — вернуться к себе настоящей. Если узнают, что Ма шьет мне даже нижнее белье, что мы спим под кусками ткани, которую нашли на помойке, меня непременно выгонят отсюда. Я — мошенница, прикидывающаяся девочкой из богатой семьи. Но я не знала тогда, что нет нужды скрывать правду: никто не заблуждался на мой счет.

Я все же нашла в себе силы подойти к большому кирпичному зданию. Резная деревянная дверь, украшенная кусочками цветного стекла, оказалась такой тяжелой, что я с трудом открыла ее. Через цветные стекла я уже успела разглядеть молодую женщину, сидевшую за столом у подножия гигантской резной лестницы. На ней была накрахмаленная белоснежная блузка, а волосы уложены в гладкий пучок.

Я почувствовала себя совсем крошечной. Бородатый мужчина с Библией в руке внимательно наблюдал с портрета, как я иду через вестибюль, косясь на клочок бумаги в руке, хотя выучила его наизусть. Я очень много думала о том, как вести себя на этой встрече.

— Здравствуйте! Вы знаете доктора Вестон? — пропищала я.

Дама слегка удивилась, но ответила:

— Вам назначено?

— Да. — Хорошо, что меня хотя бы поняли. Дальше она возьмет на себя инициативу.

— Ты, должно быть, Кимберли Чанг.

Кивнув, я протянула стопку заполненных бланков для поступления.

— Твоя мама паркует машину? — Она глянула куда-то мне за спину.

— Нет, — потупилась я, — она болеет.

— Тогда, наверное, тебя привел кто-то другой?

Нужно было заранее подготовить ответ. Разные варианты пронеслись в голове: да, меня привезли, но ждут в машине; да, меня привезли, но уже уехали.

— Ты пришла одна?

Шестеренки в моем мозгу заклинило.

— Да.

Она помолчала, но вдруг улыбнулась:

— Наверное, ты очень устала, пока добиралась сюда. Присядь, а я сообщу доктору Вестон, что ты пришла.

Она проводила меня к одному из деревянных кресел, стоявших в ряд у стены, и оставила там с моей кучей бумаг. Не могу сказать, что со мной были нелюбезны. Но уверенности отчего-то не добавилось. Стук каблучков эхом разносился по пустому вестибюлю.

Несколько минут спустя она вернулась в сопровождении маленькой пожилой дамы с лицом бульдога — щеки свисают, глаза под тяжелыми веками близко посажены.

— Привет, я доктор Вестон, — обратилась ко мне дама.

— Добрый день. — Как здорово, что у меня был шанс попрактиковаться с миссис Эйвери. Я протянула руку, которую та, чуть поколебавшись, пожала. Ладонь ее оказалась на ощупь мягкой, если не обращать внимания на крупные блестящие перстни.

Мы прошли в кабинет, где доктор Вестон устроилась в своем кресле. На столе перед ней, на желтой подставке, красовался серебряный секундомер. Рядом лежали мои бумаги. Она улыбнулась одними губами. Вероятно, предполагалось, что это поможет мне расслабиться, но я, наоборот, еще больше занервничала.

— Обычно процедура осуществляется в письменной форме, но, поскольку ты — особый случай, я задам несколько вопросов, хорошо? Просто отвечай, как думаешь, а если ответа не знаешь, так и скажи.

Я постаралась взять себя в руки. Где твоя мать? Почему она не пришла вместе с тобой? Что надевают на Пасху? В какой руке следует держать нож во время еды? Я вцепилась в ручки кресла.

— Не могла бы ты посчитать от одного до сорока тройками? Я засеку время. Итак, один, четыре, семь...

Ну, с этим легко справиться.

— Десять, тринадцать, шестнадцать...

— Отлично. Мальчику шестнадцать лет, сестра в два раза старше.

Когда ему исполнится двадцать четыре, сколько лет будет его сестре?

В таком духе она продолжала около часа. Самый странный разговор в моей жизни, но мне понравилось. Разумеется, я догадалась, что это экзамен, но, в конце концов, все подобные беседы — экзамены, а здесь хотя бы правила были ясны. В мире неопределенностей я наконец ощутила почву под ногами. Если я не понимала какое-то слово, доктор Вестон объясняла его значение. Мне лишь несколько раз не удалось ответить, и тогда она задавала другой вопрос. Когда все закончилось, доктор Вестон внимательно посмотрела на меня и сказала:

— Великолепно. И последнее. — Она протянула мне лист бумаги и карандаш: — Нарисуй что-нибудь. Что хочешь — дом, девочку, что угодно.

Рисовать собственный дом мне не хотелось. А что касается девочки... я нарисовала такую девочку, о которых читала в книжках, — принцессу. Длинные светлые волосы, корона на голове, платье Золушки — с пышными рукавами и немыслимо узкой талией.

Поглядев на рисунок, доктор Вестон коротко хохотнула. Но тут же взяла себя в руки и принялась рыться в бумагах, а я так и не поняла, что смешного она нашла. Должно быть, ее развеселило несоответствие моей собственной одежды и той роскоши, что я нарисовала.

— Результаты твоего теста настолько *печат* лает, что я даже забыла, сколько тебе лет. Знаешь, давай ты сейчас осмотришь школу, а потом мы еще поговорим, хорошо?

Я кивнула. В кабинет вошла первая дама и повела меня на экскурсию. Сначала мне показали витрину с наградами. Дама рассказывала о школьных победах, а я глаз не могла отвести от фотографий учеников, их завоевавших. Все в блейзерах. В моей школе никто не носил блейзер. На фабрике шили что-то похожее, но эти — совсем другое дело. Уж точно не из полиэстера. Эти блейзеры плотно охватывали плечи учеников — наверное, чтобы те не занимали больше места, чем положено.

У тех, кто на фотографиях улыбался, зубы были ровные, белые, в тон их белоснежной коже. Я что, буду единственной китайкой на всю школу? Они заинтересовались мною именно поэтому? Фотографии классов располагались одна над другой, самые старые выпуски — внизу. На самых старых фото — одни мальчики, потом появляются и девочки, но кое-что остается неизменным: темнокожие — редкое исключение.

Затем, к моему удивлению, меня повели в другие здания, такие же огромные и просторные, со стенами, обшитыми деревянными панелями. Первое здание, видимо, и было собственно школой. В следующем я старалась не смотреть на статуи женщин с обнаженной грудью, сиявшие

белизной в каждой нише; у них даже соски были как настоящие. Слишком уж по-западному. В классах, мимо которых мы проходили, было полно школьников, и выглядели они точно так же, как те, что на фотографиях.

Мы прогулялись по кампусу, и я пришла в полное замешательство — неужели в Нью-Йорке может существовать такое? Теннисные корты? Футбольное поле? Все вокруг было усыпано опавшими листьями. Я никогда не видела так много деревьев сразу, но больше всего меня поразила доступность и открытость всего вокруг. Никаких заброшенных парковок, как в нашем районе, или огороженных асфальтовых площадок, как у нас в школе, — это не было похоже даже на маленький уютный дворик Аннет. Из того немногого, что я увидела, стало ясно: здесь особенное место.

Глава шестая

Доктор Вестон говорила по телефону. Извинившись, она положила трубку и жестом предложила мне сесть.

— Ну, что ты думаешь о школе?

— Здесь тихо, — на миг задумавшись, ответила я.

— Разумеется, тихо, — раздраженно бросила доктор Вестон, и я поняла, что, видимо, сказала что-то не то. — Именно поэтому наши студенты *досжигают* столь *вай дающих* академических результатов. Ты слышала, сколько у нас наград?

Конечно, я ответила утвердительно, хотя в точности припомнить ничего не могла, но не стала подводить молодую даму.

— «Харрисон» — одна из лучших *подгородительных* школ в стране, сравнимая по предоставляемым *оплошностям* с лидерами, но у нас даже есть преимущество, поскольку здесь необязателен *пенсиомат*. Мы фактически школа-*пенсиомат* без *пенсиомата*.

В одной фразе она произнесла больше непонятных слов, чем за все время нашей беседы. Я абсолютно не представляла, о чем она толкует, — вероятно, она просто повторяла заученную речь, как актриса на сцене, а мне полагалось лишь кивать и улыбаться, что я и делала.

Затем в кабинете повисло молчание, доктор Вестон просматривала записи нашей с ней беседы. На миг взгляд ее задержался на моих брюках: красный вельвет, застиранный и основательно вытертый.

— Ну что ж, ладно. Для окончательного решения я должна *посетоваться* с комитетом по финансовой поддержке, но сразу могу сказать, что никакой педагог, находящийся в *здравоуме*, не отвергнет твое *потупление*.

Я пыталась понять, хорошо это или плохо, но тут она сменила тактику.

Доктор Вестон улыбнулась, и на этот раз улыбка была по-настоящему доброй.

— Ты нам нравишься, Кимберли. И мы хотим, чтобы ты училась в нашей школе. Ты ведь тоже этого хочешь?

Наконец-то я смогла перевести дух и даже улыбнуться в ответ.

— Мне нравится школа.

— Но... — Она словно предлагала мне продолжить фразу.

Я колебалась.

— Ребята не такие, как в моей школе.

— Ты имеешь в виду форму? Все должны носить темно-синий блейзер, но фасон можешь выбрать сама. Это не совсем школьная форма, в обычном понимании.

Я вновь было закивала, но потом подумала, что надо пояснить.

— Может, я слишком другая.

— А-а... Понимаю. Мы стараемся принимать детишек из разных социальных слоев, но это действительно нелегко. «Харрисон» — довольно дорогое заведение, и в силу финансовых *огорчений* мы не можем...

Она еще продолжала говорить, но я дальше не слушала. Теперь, когда я увидела все своими глазами, стало ясно, что стоит это бешеных денег. Я-то представляла обычное бетонное здание. Вроде того, где учусь сейчас. Наивно было надеяться, что в такое роскошное заведение меня возьмут бесплатно.

— Кимберли?

Доктор Вестон помахала рукой, привлекая мое внимание.

— Не беспокойся, у нас есть программа финансовой помощи. Ты подала документы после завершения приема, но, уверена, мы сможем сделать для тебя *извне лечение*. Иногда мы предлагаем до пятидесяти процентов от *бычиной* оплаты.

— Спасибо. — Комок в горле я сглотнула с трудом.

Сколько это — пятьдесят процентов, я не могла предположить, но точно знала, что у нас таких денег нет. Теперь, когда совершенно очевидно, что это невозможно, мне ужасно хотелось здесь остаться. Это был реальный шанс для нас выбраться с фабрики, из нашей убогой квартиры, и мне отчаянно захотелось здесь учиться.

— О чем ты думаешь? Прошу тебя, Кимберли, расскажи мне. Мне необходимо знать, чтобы помочь тебе.

Я почувствовала, что краснею.

— Простите...

— Мы можем поднять планку до семидесяти пяти процентов, хотя боюсь обещать.

— Да, благодарю вас. Простите, вы такой занятой человек. — Я вскочила так резко, что едва не уронила стул. Я потратила столько чужого времени, да вдобавок поставила нас обеих в неловкую ситуацию.

Она вскинула ладонь, останавливая меня:

— Нет, погоди. Пожалуйста, не принимай никаких решений, пока я не поговорю с твоей мамой, хорошо? Убеждена, мы сможем придумать...

— У нас нет телефона. — Уши у меня уже полыхали огнем.

— Ладно, мы можем назначить встречу.

— Моя мама работает. И не говорит по-английски.

Наступила тишина, крайне неприятная для меня, затем она медленно проговорила:

— Понятно.

Отложив бумаги, доктор Вестон проводила меня до двери.

— Спасибо, что не пожалела времени, чтобы прийти посмотреть нашу школу.

Во время лабораторной работы в классе я рассказала Аннет про тест, который проходила в «Харрисон». Ее саму уже приняли туда несколько недель назад. Отец Аннет тоже закончил «Харрисон».

— Ты нормально справилась? — забеспокоилась она. — У них ведь серьезные задания. И на все остальное они тоже обращают внимание. В «Харрисон» кого попало не берут.

Она говорила громко, и я заметила, как мистер Богарт косится на нас из-за своего стола. Я равнодушно пожала плечами и отвернулась.

— И как? — не отставала Аннет. — Думаешь, прошла?

Я хотела рассказать правду — что меня приняли, но мы не можем за это платить, — но очень стыдно было произнести такое вслух. Я помотала головой.

— О нет... — помрачнела Аннет. — Они обязаны тебя принять! Я хочу, чтоб мы учились вместе!

— Все нормально, — спокойно сказала я, но чувствовала, как отчаяние вскипает под веками, грозя вот-вот пролиться слезами. — Пойду в государственную школу, как и собиралась.

— Да все равно, как ты сдала этот экзамен, ты же такая умница! Нужно поговорить с кем-нибудь, чтобы тебе дали еще один шанс.

— Нет, я так не хочу.

Аннет подумала с минутку.

— Ладно, тогда я тоже останусь в государственной школе.

Я растерянно моргнула. Благородная, преданная Аннет. Конечно, ее родители этого не позволят, но смогла бы я решиться на подобное ради нее?

— Ты настоящий друг. — Я с благодарностью положила руку ей на плечо.

Приближался конец учебного года.

Шестиклассники увлеченно собирали автографы друг у друга. Сначала только те, у кого были личные дневники, просили приятелей написать

несколько слов, а уже через несколько недель все как безумные носились со своими тетрадками, передавая их друг другу. Я попросила Ма купить тетрадку и мне, она обошлась в 59 юбок. С обложкой из красного кожзаменителя. Наблюдая за другими, я выяснила, что после того, как на странице напишут пожелание, нужно сложить, чтобы получился треугольничек.

Аннет нарисовала в моей тетрадке два розовых сердечка с подписью: «Дружба навсегда!» Остальные писали что-то вроде «Жаль, что мы не познакомились поближе» и «Увы, мы плохо знали друг друга». Я всем, кроме Аннет и Тайрона, пожелала «Удачи в будущем». В тетрадке Аннет я оставила: «Ты — моя лучшая подруга». Когда подошел Тайрон со своим дневником, я заметила на предыдущей странице надпись: «Ты — Король Интеллекта». Помедлив, добавила по-китайски: «Ты — особенный человек, да хранят тебя боги». И подписалась по-английски.

— Ух ты, — удивился он. — А что это значит?

— Пожелание удачи.

— Слишком много слов для простого пожелания удачи.

— По-китайски всегда получается длиннее.

В моей тетрадке он оставил запись: «Жаль, что мы не познакомились поближе».

Накануне выпускного шестиклассники несколько недель репетировали, как подниматься на сцену и спускаться с нее.

Ма очень огорчилась, что мы не можем позволить себе обучение в «Харрисон». Сначала она сказала, что мы найдем способ заплатить, хотела поискать дополнительную работу, хотя и так уже работала из последних сил. Но я рассказала, как выглядит их кампус и сколько на самом деле стоит обучение, и в конце концов она неохотно уступила. Но сказала:

— Я все равно горжусь тобой. Ты проучилась меньше года, а уже получила такую возможность. Нужно просто еще немного подождать.

Я волновалась, как она отреагирует на мой табель с оценками. На этот раз придется его показать, и пусть в целом результаты были удовлетворительны, они сильно уступали идеальным оценкам в Гонконге. Задолго до выпускного я потеряла сон и покой.

Ма купила мне симпатичное коричневое платье в цветочек. Кружевная отделка на воротнике и рукавах, подол взмывает куполом, если покружиться. Стоило целое состояние, полторы тысячи юбок, но Ма выбрала на размер больше, так что носить его можно было еще долго. Поношенное, правда, но выглядело платье отлично, и к нему у меня были

коричневые китайские сандалии.

— Ма, — спросила я, одевшись в день выпускного, — я хорошо выгляжу?

Да, приличные девочки не напрашиваются на комплименты, но мне так хотелось понравиться.

Ма задумчиво рассматривала меня, склонив голову набок. Она всегда учила меня, что другие качества важнее красоты.

— Ты прекрасно выглядишь.

— Но я красивая?

— Ты моя чудесная, самая красивая девочка.

И Ма крепко обняла меня.

В нарядной одежде все выглядели по-другому. Девочки в платьях, а некоторые мальчики надели галстуки. Даже Люк нарядился в свежую белую рубашку, впрочем, брюки остались все те же, серые. После визита в «Харрисон», где все было абсолютно чуждым, здесь я чувствовала себя как дома, ведь у нас многие были из бедных семей, как и я. В зале я поискала взглядом Ма, она сидела в самом центре. Тетя Пола сделала «единственное, очень необычное исключение», отпустив Ма на первую половину дня, но вечером мы должны были спешить на работу. Мне так хотелось, чтобы Ма могла гордиться мною, как прежде. Дома я всегда выходила на сцену получать награду и каждый год становилась Лучшей Ученицей. Ма эти церемонии доставляли огромное удовольствие.

Шестой класс на сцене запел, я смотрела на Ма и старалась петь как можно громче. Потом, после речей и песен, вручали награды, но мое имя ни разу не назвали, даже за математику и естествознание. Зато много раз выходил Тайрон, несколько раз — Аннет. Мне было стыдно, и я даже жалела, что Тетя Пола отпустила Ма на этот праздник. Интересно, о чем она сейчас думает? Что год назад я была совершенно другим человеком?

Миссис Ла Гуардия говорила что-то насчет закладки основ, достойных граждан и светлом будущем. Дело шло к финалу.

— Иногда встречаются ученики, достигающие *рыдающихся* результатов, несмотря на *срезомерные* трудности. И сейчас я хотела бы поздравить Тайрона Маршалла, принятого в Хантер-колледж, государственную школу для одаренных детей.

Под грохот аплодисментов Тайрон встал и тут же поспешно сел на место. Но лицо его сияло счастьем, а одна чернокожая женщина в зале хлопала так рьяно, что у нее даже шляпка набок сползла.

— И Кимберли Чанг, получившую стипендию на бесплатное обучение

в школе «Харрисон», — бес-президент-ная честь для ученика нашей школы.

Все снова захлопали, а я решила, что ослышалась, и не двинулась с места.

Миссис Ла Гуардия продолжала, глядя на меня:

— Кимберли поступила в нашу школу, почти не зная английского, и мы гордимся тем, чего она *достигла*.

Сидевшая рядом девочка прошептала:

— Встань, нужно встать.

Мне удалось привстать на миг, и аплодисменты зазвучали громче. Я почти ничего не видела. Усевшись обратно, искала взглядом Аннет. Она тоже вытягивала шею, разыскивая меня, и, когда наши глаза встретились, радостно захлопала в ладоши. Мистер Богарт, разинув рот, быстро-быстро моргал. Лицо Ма разглядеть не удавалось, она сидела слишком далеко, нас разделяло множество людей. Надеюсь, она меня видела и поняла, что аплодисменты адресованы мне. Я дожидаться не могла, когда же удастся сообщить ей потрясающую новость.

Я отыскала радостно улыбающуюся Ма в толпе учеников и родителей после торжественной церемонии.

— Что случилось?

— Ма, директор сказала, что я получила стипендию в ту частную школу!

Глаза Ма сияли.

— Какой шанс! Это начало новой жизни для нас, А-Ким, и все благодаря тебе!

К нам подошла миссис Ла Гуардия.

— Вы, должно быть, миссис Чанг. Очень рада наконец-то познакомиться с вами.

Ма протянула руку и сказала по-английски:

— Здравствуйте. Вы очень хороший учитель.

Я поспешно затараторила по-китайски:

— Ма, она не учительница, она директор! По-английски звучит «ди-рек-тор».

Ма покраснела и поправилась:

— Простите, миссис ди-рек-тор.

— Да это неважно, — широко улыбнулась миссис Ла Гуардия. — У вас необыкновенный ребенок, и она прекрасно себя проявила.

Ма, разумеется, не поняла ни слова, но догадалась, что ей говорят

комплимент, и поспешила ответить:

— Спасибо. Вы такая хорошая. Вы хорошая учитель.

Невероятно, Ма вновь допустила ошибку, но миссис Ла Гуардия, казалось, не заметила и обратилась ко мне:

— Прости, что объявила новость перед всем залом. Для тебя это оказалось сюрпризом. Но мне сообщили только вчера, и я подумала, что ты уже в курсе. Ты не получила официальное письмо?

Я догадалась, что произошло. Письмо с сообщением о том, что мне предоставили стипендию, отправили по ложному адресу, который записан в моих школьных документах. Вероятно, его получила Тетя Пола и принесет нам на фабрику.

— Думаю, письмо скоро придет. Большое спасибо, миссис Ла Гуардия. Вы мне очень помогли.

Она наклонилась, ласково поцеловала в щеку, и ароматное облако духов окутало меня.

— Это тебе большое спасибо.

Тайрон уходил рука об руку с дамой в шляпке — наверное, его мамой. На прощанье он помахал мне.

Аннет обхватила меня сзади за плечи:

— Как я рада, что ты тоже пойдешь в «Харрисон»! Ну и повеселимся мы там! А что ж ты сказала, будто не сдала экзамен?

— Я не была уверена, — пробормотала я, высвобождаясь, и Аннет, кажется, ответ вполне устроил.

— Привет, Кимберли, — поздоровалась миссис Эйвери. — От всей души поздравляем тебя. — И протянула руку Ма: — Рада познакомиться с вами, миссис Чанг.

— Здравствуйте. — Ма пожала руку ей, а потом и мистеру Эйвери. Он был чуть ниже ростом, чем его жена, и все время вытягивал шею над воротом парадного костюма.

— Мы собираемся на праздничный ланч, — сообщила миссис Эйвери. — Не хотите присоединиться?

Ма обернулась ко мне в замешательстве. Я перевела, надеясь, что хотя бы один раз она согласится.

— Нет, спасибо, — ответила Ма. — Мы идти... — Запаса английских слов для вежливого отказа ей не хватало.

— Домой, — помогла я. — У нас есть дела.

— О, как жаль, — огорчилась миссис Эйвери. — Ну, может, в другой раз.

— Спасибо, — повторила Ма. — Вы очень хорошая.

Эйвери отправились на ланч, а мы с Ма, выбравшись из нарядной толпы, поспешили к станции метро, нам пора было на фабрику. Я смаковала праздничное настроение. А Ма была так счастлива из-за новости по поводу «Харрисон», что едва взглянула на мой табель.

За работу мы принялись с максимальной скоростью, чтобы наверстать упущенное, но тут появилась Тетя Пола. Обычно она заходила только проверить товар перед отправкой партии.

— Как прошел выпускной? — поинтересовалась Тетя Пола.

— Очень хорошо, — ответила Ма. — Спасибо, что отпустила меня с утра.

— Вы не пройдете со мной, обе? — Прозвучало это вполне вежливо, но мы с Ма обменялись тревожными взглядами. Наверное, что-то случилось из-за того, что Ма не было на рабочем месте.

Следуя за Тетей Полой, мы заметили Мэтта, выходявшего из туалета. Он поймал мой взгляд и украдкой почесался, передразнивая Тетю Полу. Я подавила смешок.

В кабинете Тетя Пола предложила нам сесть. Дяди Боба не было.

— Я получила письмо, адресованное Кимберли. — Она протянула толстый конверт со штампом школы «Харрисон».

Несмотря на спокойное поведение Тети Полы, я нервничала. Почему она не могла отдать письмо прямо на рабочем месте? Вероятно, собиралась о чем-то поговорить или что-то выяснить.

— Ты собираешься поступать в эту школу? — спросила она.

Я кивнула. Ма глубоко вдохнула, намереваясь сообщить тете новость, но та перебила:

— Почему вы сначала не посоветовались со мной?

Ма тут же передумала и сказала совсем другое:

— Это не от неуважения.

— Я понимаю. Просто это очень известная школа, и я могла бы помочь выбрать что-нибудь более подходящее для Кимберли.

— А вы знаете про школу «Харрисон»?

— Ну разумеется. Я все выяснила, прежде чем выбрать школу для Нельсона. «Харрисон» — знаменитая, прекрасная школа. Туда очень сложно поступить, и она очень дорогая.

— Да, — согласилась Ма. И, как и я, ничего не добавила. Видимо, мы обе ждали, пока Тетя Пола откроет свое истинное лицо. Ждали, что она скажет, дабы поддержать или отговорить нас, еще не зная правды.

— Младшая сестра, — расхохоталась Тетя Пола, — мне странно, что ты позволила Кимберли питать надежды, даже не подозревая, сколько стоит обучение! Вы должны просто выбросить эту анкету! Даже Нельсон не может себе этого позволить. Да и все равно уже слишком поздно подавать документы.

И тут я заговорила.

— Это не анкета. Это сообщение о зачислении на бесплатное обучение. Директор школы сегодня уже сказала нам.

Тетя Пола застыла. Шея ее пошла красными пятнами, а родинка на губе мелко задрожала.

— Ты пойдешь в «Харрисон»? И вы проделали все это у меня за спиной? — в ярости заорала она.

Ма ахнула, а я испуганно прижала конверт к груди. Внезапная вспышка гнева потрясла нас обеих.

— Старшая сестра, — тихо произнесла Ма, — что ты такое говоришь?

Тетя Пола перевела дух, успокаиваясь. Но пальцы еще подрагивали.

— Я просто удивилась, что вы предприняли такие серьезные действия, даже не сообщив мне.

— Все произошло очень быстро, и мы не думали, что вообще получится, — попыталась успокоить ее Ма. — Мы благодарны за все, что ты для нас сделала.

Тетя Пола уже взяла себя в руки.

— Я, конечно, очень рада за Кимберли. Откровенно говоря, я опасалась, что вы станете мне обузой.

— Мы можем сами позаботиться о себе, — заявила я, глядя ей прямо в глаза.

Тетя Пола смотрела на меня внимательно, словно впервые.

— Да, это я вижу.

Вернувшись на рабочее место, мы с Ма не заговаривали о том, что случилось. Ма, безусловно, огорчилась, что Тетя Пола так откровенно продемонстрировала собственные слабости. Но я все прекрасно поняла. Маска вежливости слетела всего на миг, но мы разглядели под ней черное лицо. Да, нам позволено работать и не создавать проблем, но она не могла допустить, чтобы мы оказались успешнее, чем она. И я не могла быть лучше Нельсона. Иными словами, Тетя Пола предпочла бы, чтобы мы оставались на ее фабрике и в убогой квартирке всю оставшуюся жизнь.

Летом Аннет присылала мне открытки. Всегда адресованные «мисс Кимберли Чанг» и подписанные «Искренне Ваша, мисс Аннет Эйвери». Я

дала ей свой настоящий адрес — не хотела, чтобы письма проходили через руки Тети Полы. Даже если Аннет найдет место на карте, она все равно не догадается, в каком окружении я живу. Из летнего лагеря она писала:

Здесь такая скука! Ни одного интересного человека, и развлечения — тупые. Мне только плавание нравится. В жару вода в озере прохладная. Нас заставляют петь идиотские песни и играть в идиотские игры.

Скорей бы в Нью-Йорк к тебе!

Я никогда в жизни не видела озер и никогда не плавала. Как у многих в Гонконге в те времена, у нас с Ма не было денег на подобные развлечения. Частенько во время работы я воображала, как плаваю в прохладном озере вместе с Аннет.

Фабрика летом превратилась в адское пекло — дикая жара на фоне оглушающего грохота вентиляторов. Расслышать друг друга было невозможно, поэтому лето стало периодом безмолвия. Окна оставались герметично закупорены — наверное, чтобы никакой инспектор не смог заглянуть внутрь, — и облегчение приносили лишь промышленные вентиляторы.

Высокие и черные, как саркофаги, они вращали лопастями в клубях пыли. Толстые грязные нити, повисшие на каждой из лопастей, крутились в воздухе, пока наконец не срывались, прилипая к потной коже или, того хуже, к готовой одежде. Горячий ветер лишь разносил жар от гладильных машин и перегретых моторов, но наши раскаленные тела радовались и этому, за неимением лучшего. Для игр во время перерывов было чересчур жарко, и мы с Мэттом просто стояли перед вентиляторами, раскинув руки, а волосы развевались, и казалось, что летишь...

Фабричная пыль доставляла неприятностей больше обычного, потому что пот лил рекой, и мои голые плечи и шея были все в грязных разводах.

Ма купила несколько марок, чтобы я могла отвечать на письма Аннет. Марки были недешевы, но Ма полагала полезным тренироваться писать по-английски. Я написала:

Жаль, что тебе скучно! В Нью-Йорке спокойно. Мне нравится отдыхать и читать книжки. Песни и игры — это ужасно глупо. Надеюсь, ты скоро вернешься. Может быть, мы с мамой скоро поедем путешествовать.

Аннет сообщала из Флориды:

Повезло тебе, что можешь отдыхать в Нью-Йорке!

У бабушки ничего, приятно. Вчера устроили барбекю, и я ела хот-дог, сидя в бассейне!

А куда вы поедете? Надеюсь, хорошо повеселитесь! Не забывай о своей лучшей подруге!

Еще она прислала открытку с изображением замка и надписью: «Волшебное королевство».

Я отвечала:

Я тоже однажды ела хот-дог, мне очень понравилось. Только желтый соус не понравился. Может быть, мы с Ма никуда не поедем, потому что в Нью-Йорке слишком хорошо. Когда я поеду в путешествие, я куплю тебе подарок. Что ты любишь? Спасибо за красивую открытку. Мне очень нравится. Твоя бабушка, она со стороны отца или матери? Надеюсь, у нее хорошее здоровье.

Каждый вечер, возвращаясь с работы, я перечитывала письма Аннет. Мне страстно хотелось рассказать собственную историю — о поездке в Нью-Джерси, к примеру, или в Атлантик-Сити, где жили некоторые из швей нашей фабрики. Будь я богата, я бы накупила подарков для Аннет и Ма из всех городов Америки.

Тараканы и мыши в нашем доме расплодились невероятно, ничего нельзя было оставить открытым ни на минутку, даже зубную пасту, тараканы тут же принимались ощупывать ее своими длинными колышущимися усиками. Мусорные пакеты с кухонного окна мы сняли. Впервые с этой стороны в квартиру проник солнечный свет. Женщину с ребенком в соседнем доме я больше не видела, комната оказалась пуста, даже кровать исчезла. Как только потеплело, Ма почти каждое воскресенье доставала по вечерам свою скрипку. Я прибирала со стола после ужина, а она играла — порой всего несколько минут, ведь нам приходилось брать на дом много работы.

Однажды я сказала:

— Ма, ты вовсе не должна играть для меня каждую неделю. У тебя так много разных забот.

— Я играю и для себя тоже, — ответила она. — Без скрипки я забываю, кто я такая.

Когда жара стала невыносима, мы с Ма купили маленький вентилятор и поставили его напротив матрасов. И после работы усаживались на пол, на наши лежанки, перевести дух, прислонившись к стене. Постепенно на облупившейся краске проступили два пятна в форме человеческого тела: поменьше — мое, побольше — Ма. Наверное, они и по сей день там, эти пятна, — клетки нашей кожи, капельки пота и жира, впитавшиеся в пористую стену, — частицы нас, которые навсегда остались в той жизни.

Однажды воскресным днем, ближе к исходу лета, Аннет появилась у нашего дома. Громкий звук оказался настолько неожиданным, я даже не сразу сообразила, что это дверной звонок.

— Кто там может быть? — удивилась Ма.

Я подскочила к окну, а Ма успела крикнуть вслед:

— Кимберли, стой! Тебя могут увидеть!

Но я уже успела высунуться наружу и заметила круглое личико Аннет, обращенное в сторону наших окон. Мгновенно присев, я спряталась под подоконником. Только бы она меня не заметила. Я же успела разглядеть автомобиль с невысоким мужчиной за рулем — возможно, мистером Эйвери.

Дверной звонок прозвенел еще раз, и еще. Мы с Ма переглянулись, не решаясь заговорить даже шепотом, словно за дверью стояли налоговые инспекторы. В конце концов звонки прекратились, я услышала шум отъезжающего автомобиля.

— Кажется, уехали, — выдохнула я.

— Не смотри пока, — обеспокоенно предупредила Ма.

Мы подождали еще десять минут, прежде чем я осмелилась проверить, ушли ли Аннет и ее папа.

Через несколько дней я получила очередное письмо:

Ты ужасно огорчишься! Потому что я заходила к тебе, просто поздороваться! Но вас не было дома. Мне показалось, что я заметила в окне твое лицо, но как бы не так. Слушай, а какой у тебя телефон? Как это я до сих пор не знаю твоего номера? Скоро увидимся... в нашей новой школе!!!

Для «Харрисон» Ма купила мне новую одежду. В соответствии с дресс-кодом я должна была носить темно-синий блейзер, но найти доступный нам по деньгам оказалось крайне сложно. В конце концов удалось купить на распродаже, из колючего полиэстера. Рукава были такие

длинные, что закрывали мои кисти целиком, плечи с подкладкой далеко выступали над моими собственными, но зато блейзер был похож на те, что носили остальные. Белую рубашку и темно-синюю юбку мы купили в «Вулворте».

Нарядившись в форму, я посмотрела на себя в зеркало — маленькая китайка с короткими волосами, из-под пиджака торчит дешевая белая рубашка, узкая юбка чуть выше тощих коленок. Юбка была по талии отделана стразами, простую мы найти не смогли. Единственной обувью, подходившей к юбке, были мои коричневые китайские сандалии. Все страшно неудобное. Я не узнавала себя в этом совершенно чужом образе.

Но была совершенно готова к школе «Харрисон».

Теперь, будучи полноправной ученицей, я могла пользоваться школьным автобусом «Харрисон», который останавливался неподалеку от моей прежней школы. Я стояла в своей новой неудобной форме и, когда подъехал автобус, даже не поняла, что это именно он. Серый, блестящий, с большим номером «8» на лобовом стекле. Сиденья располагались по периметру, а не рядами. Внутри сидело человек семь ребят разного возраста — все белые, все в синих блейзерах. Я проскользнула на ближайшее место, рядом с мальчиком постарше, таким высоким, что ноги его вытянулись до середины салона.

На следующей остановке, недалеко от дома Аннет, к нам присоединились еще трое. Родители махали им вслед. Сегодня Аннет собиралась в школу с мамой, но потом тоже будет ездить на автобусе. Я жила в Штатах уже почти год, но никогда еще не видела столько белых разом. Неловко было разглядывать, но уж очень интересного цвета у них кожа. У парня, сидевшего возле меня, волосы были светло-рыжие, цвета вареного осьминога. Кожа светлая, как у Аннет, но вся в прыщах. Напротив устроилась девочка — волосы и глаза темные, почти как у китайки, но все равно светлее, и прическа странная: волнистые волосы свисали по обе стороны лица. Некоторые радостно приветствовали друг друга после летних каникул, болтали о новостях в своих классах.

Мы подъехали к просторной парковке, где уже стояло несколько таких же автобусов. Из них еще выходили школьники, а новые автобусы продолжали подъезжать.

А вот и парковка для автомобилей. Аннет с мамой нигде не было видно. Мимо прошел мужчина, держа за руку и озабоченно расспрашивая свое чадо: «Ты уверен, что знаешь, где твой класс?» Еще группка старших школьников, над чем-то громко хохотавших. Все вокруг были белыми. Я

внимательно изучила план школы, так что без труда отыскала Милтон-Холл, увитый виноградной лозой. Здесь располагались моя классная комната и большинство кабинетов, где предстояло заниматься. Поднимаясь по ступеням, я так волновалась, что едва дышала. Впереди шли две девочки примерно моего возраста.

Сразу за дверью класса стояла кучка мальчишек и девчонок, внимательно разглядывавших всех входивших. Позже я узнала, что все они заканчивали «Начальную школу Харрисон». У многих девочек на запястьях красовались яркие браслеты, а некоторые уже пользовались тенями для век и блеском для губ.

Я вошла. Один из мальчишек, с волосами рыжими, как засахаренный имбирь, присвистнул и выразительно произнес: «Милая юбочка». Последовал взрыв хохота.

Сделав вид, что не расслышала, я поспешно уселась за парту у стены, но на самом деле мне хотелось пройти сквозь эту стену и исчезнуть. Я немедленно решила сегодня же вечером срезать стразы с юбки, а пока лишь тихонько постукивала по ним ногтями, пока собирались остальные ребята.

Хотя на первый взгляд синие пиджаки казались одинаковыми, постепенно я разглядела, что у девочек блейзеры были короче и уже, чем у мальчиков. Я с радостью обнаружила, что у многих тоже подложены плечи, хотя мой блейзер гораздо длиннее и шире, чем у остальных. Письменные требования к дресс-коду прислали мне по почте: обязательный блейзер, джинсы нельзя, короткие юбки нельзя, рубашки поло нельзя. Теперь я могла рассмотреть, какой спектр одежды попадает в рамки дозволенного. Девчонка из группы смеявшихся надо мной ребят была в коричневой юбке чуть выше колен. А ниже — нечто вроде шерстяных чулок или нелепых длинных носков, обрезанных снизу, и ботинки. Неподалеку крутился парнишка с львиной гривой песочного цвета, он затеял поединок на руках с имбирно-волосым, и, когда пиджак распахнулся, я разглядела футболку, словно забрызганную краской.

Девочка с каштановыми кудрями, ехавшая в нашем автобусе, тоже была здесь. Как у многих других, ее прическу придерживала специальная повязка. И тут вошла наша классная руководительница, она же — учительница математики. Стройная блондинка, двигавшаяся быстро, как маленькая птичка. Проверив присутствующих, она раздала нам листки с расписанием, потом сообщила, где находятся наши раздевалки и шкафчики. Мысль о том, что у меня есть специальное место, где можно хранить личные вещи, приводила в восторг.

Я знала, что Аннет попала в другой класс, и скучала по ней. Вместе с

остальными я переходила из кабинета в кабинет, стараясь держаться подальше от группки насмешников, и особенно противного имбирно-волосого мальчишки. Учителем обществоведения был мистер Скоггинс, крупный мужчина в строгом костюме и галстуке. Низким голосом он объяснил, что для занятий по его предмету мы должны быть в курсе последних новостей. И еще мы будем имитировать игру на бирже, а через несколько недель посмотрим, сумели заработать или потеряли деньги. Закусив губу, я прикидывала, смогу ли раздобыть газеты с биржевыми сводками.

Я пока ни разу не вызывалась отвечать. Понимала я сейчас почти все, но усилия, которые приходилось прикладывать, чтобы уловить английскую речь, очень утомляли. К ланчу, когда мы с Аннет наконец встретились в кафетерии, я была совершенно измучена.

— Как я рада тебя видеть! — воскликнула Аннет, и ее металлические брекеты ярко блеснули. — Здесь все такие странные.

Аннет почти не загорела, только веснушек стало больше, и издали лицо ее казалось темнее. Она выросла и похудела. Волосы у Аннет тоже отросли и теперь уже не клубились облаком над головой, а торчали пирамидой позади шеи. К моему удивлению, она взяла поднос и встала в очередь вместе со мной.

— Ты тоже обедаешь бесплатно?

— Дурочка, — хихикнула она, — здесь все едят в кафетерии, это входит в обучение.

Салат-бар оказался огромен, с множеством лакомств, которые я никогда прежде не пробовала, вроде маслин и швейцарского сыра. Основным блюдом в этот день была кисло-сладкая свинина с распаренным рисом, такая же иностранная на вкус, как и все остальное. Рис — жесткий и безвкусный, а свинина просто красного цвета, а вовсе не обжарена в соусе *ча-сиу*. Но я все равно была счастлива, сидя рядом с Аннет.

После ланча была биология; мне очень понравилось, ведь нас познакомили с такими вещами, как научный дневник и клеточная структура, которые я не изучала в Гонконге. В конце занятия учитель написал на доске вопрос:

Геном бактерии E. coli содержит 4,8 миллиона комплементарных пар, а геном человека — 6 миллиардов пар. Насколько геном человека длиннее генома бактерии E. coli?

— Подумайте дома, с какой стороны вы подступитесь к этой

проблеме, — предложил учитель. — Может быть, у кого-то уже есть идеи?

Класс не шелохнулся.

Очень медленно я подняла руку и, когда учитель кивнул, проговорила:

— Получается $1,25$ умноженное на 10 в кубе, сэр. — И чуть не прикусила язык от досады: опять это невольно вырвавшееся «сэр».

Даже не заглянув в журнал, он улыбнулся:

— А, ты, должно быть, Кимберли Чанг.

Разглядывая в течение дня лица вокруг, я поняла, что не единственная здесь из национальных меньшинств, но все же нас крайне мало. В моем классе все были белыми, однако в коридоре я видела девочку-индианку и чернокожего мальчика.

Последним уроком в тот день была физкультура, — хорошо, что я захватила кеды. В начальной школе на физкультуре просто дурачились, бросались мячом друг в друга. В «Харрисон» же физкультура — серьезный предмет. Нам сообщили, что занятия проходят несколько раз в неделю, и я сразу поняла, что у меня с этим будут проблемы. Ма внушала, что я не должна делать ничего опасного или неподобающего приличной девушке, этот урок она усвоила из собственного строгого воспитания. «Неженскими» считались действия, где колени могут чуть разойтись в стороны или подол юбки чуть приподняться. При этом неважно, в юбке вы вообще или нет. В понятие «опасно» включались практически все движения. Ма часто бывала озабочена из-за моей беспечности в отношении юбки и привычки быстро бегать. Очутившись в спортивном зале, я почувствовала себя виноватой даже прежде, чем начался урок.

Но когда нам выдали специальную спортивную форму (зеленые футболки и широкие шорты) и отправили переодеваться, я осознала, что попала в серьезную переделку.

Глава седьмая

Девочки бодро принялись раздеваться. В прежней школе мы никогда не переодевались перед физкультурой. Только кеды обували. Я увидела, что на всех магазинные трусики, и судорожно стиснула в руках новенькую форму. У некоторых были даже хлопковые бюстгалтеры или специальные топы. И все белье, без исключения, — дорогое и разноцветное.

Девочкам с совершенно плоской грудью я завидовала. У меня самой этим летом грудь начала расти, и я изо всех сил старалась ее скрыть. Итак, образовалась проблема, необходимо найти решение, и сделать это должна именно я. Все мое белье сшито Ма, и, следовательно, сшито плохо: грубые хлопковые трусы криво подшиты красной ниткой — на счастье, нижняя рубаша с длинными рукавами, байковая и поношенная. Девчонки исподтишка разглядывали друг друга. Я увидела туалетную кабинку и, мысленно возблагодарив богов, нырнула внутрь.

Первый урок должен был выявить наши способности. Мы бегали на время, прыгали, отжимались, а потом учитель раздал нам теннисные ракетки и принялся бросать мячики, считая, сколько мы сумеем отбить. Работа на фабрике укрепила меня физически. Я, конечно, оказалась далеко не самой лучшей, но и худшей не была. На душе стало полегче, так что я даже перестала чувствовать себя виноватой перед Ма.

Я начинала понимать, какое значение придают американцы спорту вообще, — откровение для меня. У нас хвалили тех, кто хорошо учится, но для здешних детей хороших оценок недостаточно. Они должны были еще заниматься спортом и музыкой и иметь ровные зубы. Значит, и я должна буду стать привлекательной и разносторонней.

К концу дня мне удалось запомнить некоторые имена. Противного мальчишку звали Грег, того, что с львиной гривой, — Курт, девочку в легинсах (я подслушала слово, когда другая девочка восхищалась ими) — Шерил, а темноволосую девочку из автобуса — Тэмми.

После физкультуры занятия для всех закончились, но я должна была три раза в неделю работать в библиотеке, и еще один раз у меня были дополнительные занятия по английскому. Пока непонятно, правда, как я буду успевать со всем этим, ведь надо еще помогать Ма на фабрике. Работа в библиотеке была обязательным условием получения стипендии.

Я знала, что библиотека в Милтон-Холл совсем небольшая, только для учебных нужд. Но все равно ожидала увидеть современное просторное

помещение, как в общественной библиотеке в Бруклине. Я открыла дверь и ахнула — маленькая, уютная, такая славная. Солнечный свет струился сквозь высокие витражные окна. В больших кожаных креслах устроились с книжками несколько учеников.

Мужчина в темно-коричневой полосатой шелковой тунике поливал гардении. Если не считать учителя физкультуры, за сегодняшний день он был первым взрослым без костюма и галстука. Он поднял голову, заметил меня, подошел. Я разглядела вышитый воротник-стойку у его туники и белые хлопковые шаровары.

Волосы у него были темные, как у меня, но подернутые сединой.

— Ты новая стипендиатка? Я мистер Джамали. — В его английском слышался легкий акцент.

Мы пожали друг другу руки, и я решилась спросить:

— Откуда вы?

— Из Пакистана. — Он заметил, как я рассматриваю вышивку на тунике. — А, вот ты о чем. Директор уже много лет пытается переодеть меня в официальный костюм, но я сопротивляюсь. К тому же я по совместительству режиссер школьного театра, а это оправдывает некоторые странности, как считаешь?

Мистер Джамали объяснил мне порядок работы, которая оказалась удивительно простой. Он сказал, что, поскольку выбор книг в библиотеке невелик, большинство учеников приходят сюда просто почитать или позаниматься. Вероятно, это означало, что у меня будет достаточно свободного времени даже для собственных домашних заданий. В кабинете библиотекаря нашлась даже пишущая машинка, которой можно было пользоваться. Я чуть в ладоши не захлопала от радости.

— Мистер Джамали, а можно мне работать в другие часы? Я бы хотела приходить пораньше.

— Почему?

— Потому что... Видите ли, моя мама работает, и я должна помогать ей после школы.

— Понятно, — кивнул он. — Что ж, посмотрим, что можно сделать.

На фабрике Мэтт сразу же заметил мою новую форму.

— Ох ты, фу-ты ну-ты, да ты просто хозяйская дочка!

Должно быть, выражение лица у меня было очень выразительное, потому что он поспешно добавил:

— Я в хорошем смысле. Хотел сказать, что ты симпатичная.

Я знала, что он просто хотел сказать комплимент, но я никогда не

забуду этот момент: Мэтт назвал меня симпатичной.

Вместе с тем я поняла, что лучше не являться на работу в школьной форме: могут быть проблемы с другими ребятами или с Тетей Полой, которой определенно не стоило напоминать о моей новой частной школе. Отныне на фабрике я сразу же переодевалась в рабочую одежду и никогда не говорила о школьных делах.

— Как все прошло?

Только глядя в добрые карие глаза Ма, я ощутила, в каком напряжении пребывала весь день, насколько чужим был для меня мир «Харрисон».

Я прижалась к Ма, молча уткнулась лбом ей в плечо. Захотелось вновь стать маленькой девочкой. Полиэстеровая блузка Ма пропотела насквозь.

— Сумасшедшая. — Она нежно взъерошила мои волосы.

— Ма, — вскинула я голову, — мне нужно новое белье.

— Зачем это? Что не так с твоим?

— Мы все вместе переодеваемся перед физкультурой, другие девочки могут его увидеть. Будут надо мной смеяться.

— Порядочная девочка не станет разглядывать чужое белье. Сегодня над тобой смеялись? — В мире Ма белье относилось к невидимому. По ее мнению, когда денег так мало, их следует тратить на то, что могут увидеть другие люди, — например, на школьную форму.

— Нет, но...

— А-Ким, — снисходительно продолжила Ма, — ты чересчур чувствительна. Я уверена, все девочки переодеваются там, где их никто не видит. И вовсе не таращатся на тебя.

Еще раз коротко обняв меня, она вернулась к работе.

Я сверлила взглядом спину Ма, ее позвоночник, явственно заметный даже сквозь ткань блузки, и так злилась, что готова была толкнуть ее прямо на кучу платьев, сваленных на столе. Но, вдохнув влажный, пахнущий горячим металлом фабричный воздух, я ощутила, как чувство вины вытесняет гнев. За все время, что мы в Америке, Ма не купила себе ничего, даже новое пальто, так ей необходимое.

Во время перерыва я попыталась отодрать стразы с юбки — безуспешно. Цветной пластик оказался приклеен к поясу, и от удаленных кусочков на ткани оставались отвратительные пятна. Пришлось порыться в тележке с бракованной продукцией, где я отыскала полоску темной ткани, которую вполне можно было использовать в качестве пояса. Не то чтобы изящно, но стразы все-таки прикрывала. Там валялось еще несколько юбок, не прошедших контроль качества у Тети Полы, и я пожалела, что не доросла пока до взрослых размеров.

Обедали мы с Ма, как обычно, рисом, принесенным из дома. Для китайцев рис и есть единственная настоящая еда, а все остальное — мясо, овощи — просто дополнение к нему. В те времена у нас было так туго с деньгами, что Ма практически никогда не покупала мясо.

Домой мы вернулись около половины десятого, и я впервые смогла спокойно подумать о том, что произошло. Целый день в школе я была единственной китайкой в толпе белых детей. Имбирно-волосый мальчишка, Грег, одновременно восхищал и пугал меня. Не только потому, что смеялся надо мной. Он так странно выглядел — невероятного цвета шевелюра, светло-зеленые глаза, голубые вены просвечивали под кожей. А девочки моего класса — голубые веки и глубоко посаженные глаза, пышные подкрашенные ресницы. В облупившемся зеркале ванной я разглядывала свое лицо — совсем на них не похожа. Если они симпатичные, тогда какая же я?

На следующий день в одном из пустых классов я встретила со своей наставницей по английскому языку, Керри. Едва я вошла, как она поднялась мне навстречу и протянула руку. Керри сообщила, что учится в выпускном классе; когда она улыбалась, между зубами видна была щелочка.

Я уселась за парту и ждала, что вот сейчас Керри достанет учебник и примется объяснять, чем мы займемся. Но она тоже чего-то ждала.

А потом спросила:

— Итак, чем займемся, Кимберли?

Я оторопела. Учительница — она. В Гонконге я ни разу не слыхала, чтобы учитель или воспитатель позволял ученику влиять на выбор материала.

— В чем тебе больше всего нужна помощь?

Помощь необходима была во всем. Я поразмыслила секунду.

— Говорить.

— Отлично. Что, если мы будем просто разговаривать, а я буду поправлять твои ошибки?

— Да! Спасибо! — Я готова была броситься ей на шею от радости. Наконец кто-то поможет мне с английским!

В ходе последовавшей беседы выяснилось, что Керри тоже стипендиатка.

Заметив мое изумление, она пояснила:

— Видишь ли, стипендию получают не только представители национальных меньшинств. Эта школа действительно очень дорогая.

— Тебе *нравиться* «Харрисон»?

— «Нравится», — поправила она. — Поначалу нелегко привыкнуть, но очень помогает участие в каких-нибудь школьных делах. К примеру, теннис или лакросс. Или школьная газета.

— Да, отличная идея, — согласилась я, прекрасно понимая, что не смогу ничем дополнительно заниматься. Без моей помощи Ма не справится с нормой на фабрике.

Грега и его приятелей боялись. Насмешки его были жестокими и очень точными, а жертвой мог оказаться любой: чрезвычайно стеснительная Элизабет, белоснежную кожу которой испещрили веснушки («Мисс Ветряная Оспа»); Джинни с едва заметными усиками («Забыла сегодня побриться?»); Дункан с его гнусавым голосом («Дункан Вейдер»). Однажды Грег унюхал сохранившийся на моей одежде запах нафталина, которым мы с Ма морили тараканов. Отныне ему достаточно было просто выразительно потянуть носом, когда я проходила мимо, и дальше меня сопровождал оглушительный хохот его дружков.

Занятия оказались гораздо сложнее, чем в начальной школе. Противного мистера Богарта больше не было, но мне все равно приходилось стараться изо всех сил, чтобы не отстать. Одним из самых серьезных барьеров для меня стал ежедневный тест по текущим событиям, который я проваливала раз за разом. Мистер Скоггинс, учитель обществоведения, не понимал, почему нельзя просто посмотреть вечером новости по телевизору или заглянуть в родительскую «Нью-Йорк таймс».

— Если вы чего-то не понимаете, расспросите родителей, — советовал он. — Обсуждение новостей — важнейший элемент общения.

Я представляла, как мы с Ма сидим за полированным обеденным столом, как в доме у Аннет, и ведем долгие разговоры — Ма объясняет мне, например, сложности Уотергейта. Однажды я и вправду попробовала расспросить Ма об охране дикой природы — мы как раз должны были прочесть к уроку статью об этом.

— Неужели кому-то захочется спасти таких зверей, как тигры? К чему это? — озадаченно переспросила она. И печально добавила: — У нас в деревне тигр однажды утащил ребенка.

Я замечала, как она иногда листает мои учебники, пытаюсь запомнить словечко-другое, но при этом читая справа налево. Ма купила в Чайнатауне тоненький учебник, да и я старалась по воскресеньям заниматься с ней, но ей всегда трудно давались языки, а английский был настолько чуждым, что с таким же успехом можно было просить ее сменить цвет глаз.

На фабрике я включала радио, стараясь ухватить хотя бы основные

новости, но работавшая неподалеку гладильная машина время от времени выпускала пар со свистом, заглушавшим почти все звуки. Я и без того не понимала множества слов. А даже если понимала сказанное, мне не хватало знаний, чтобы понять смысл.

С математикой и естествознанием я справлялась, потому что эти предметы давались мне легко, но все остальное отнимало в три раза больше времени, чем дома в Гонконге. Я не могла бегло пролистать учебник. Стоило отвлечься хотя бы на миг, предложение теряло смысл, и приходилось перечитывать с самого начала. Через каждые несколько слов я лезла в словарь. Порой я почти не понимала вопроса, не говоря уже о том, чтобы найти ответ.

Проследите в рассказе тему жестокости от начала до неминуемой кульминации; как жестокость проявилась в каждом из главных героев?

Подняв голову, я смотрела, как Ма устраивается на ночь. Хрупкая фигурка тонула в ворохе одежды, сверху обернутой еще ворсистой фуфайкой, сшитой из ткани, что мы нашли на помойке. Она натянула перчатки, но все равно потирала ладошки, согревая руки. Минувшим летом в одной детской книжке я читала, как отец сидел рядом с дочерью и учил ее писать. Частенько я представляла себе такую сцену.

— Я могу тебе чем-нибудь помочь? — спросила Ма.

— Нет, Ма.

Она тяжело вздохнула:

— Тебе приходится так много работать. Не засиживайся допоздна, малышка.

Ужасно хотелось спать. Шею сводило, голова тяжелела, веки опускались. В квартире темно и пусто, только мыши скребутся в углу кухни.

Я потерла виски и вернулась к заданию.

Несколько недель спустя, только я закончила переодеваться в туалетной кабинке, как наверху послышался какой-то шум. Большое световое окно в потолке заслонили странные тени.

Одна из девочек вскрикнула:

— Мальчишки!

Над головами у нас раздался смех, топот, и тени исчезли.

Девочки, казалось, нисколько не огорчились, а, наоборот, довольны

были этим событием и еще долго потом перешептывались. А на следующий день, когда я проходила мимо, Грег проорал на весь коридор:

— А что, в таких *панталончиках* удобно?

Мальчишки и девчонки вокруг расхохотались. Я не остановилась, но от смущения меня бросило в жар. Необходимо было что-то предпринять.

— Все смеются надо мной из-за моего белья, — решительно заявила я Ма, приехав на фабрику.

Она вздрогнула, как от боли, а я обрадовалась, что хотя бы так могу отомстить ей. Это ведь Ма во всем виновата.

— Как они увидели? — спросила она, стараясь не встречаться со мной взглядом.

Обида и гнев хлынули из меня, как пена из вскипающего горшка с рисом.

— Я говорила тебе, все переодеваются вместе, и все смотрят друг на друга! Здесь тебе не Китай, Ма!

Она промолчала. А потом тихо проговорила:

— В воскресенье мы можем сходить в магазин.

Остаток недели превратился в настоящее испытание. Перед физкультурой Шерил пыталась заглянуть в кабинку, где я переодевалась. Девчонки хихикали под дверью, и смех становился все безжалостнее, словно тот факт, что я продолжала носить нелепое белье, означал мое молчаливое согласие на насмешки.

В пятницу я в полном отчаянии надела купальник вместо белья. Соседка подарила на память, когда мы уезжали из Гонконга. С тех пор я выросла, и купальник стал тесен. Ярко-желтый материал явственно просвечивал сквозь белую ткань блузки, но зато я чувствовала себя увереннее. Купальник, по крайней мере, был из магазина; он туго обтягивал тело, как белье остальных девочек.

На физкультуре Грег не преминул громогласно заметить:

— Хм, разве у нас сегодня плавание?

Итак, я сделала только хуже.

В «Вулворте» мы купили несколько трусиков, но маленьких лифчиков подходящего размера там не продавали, поэтому пришлось идти в «Мэйсис» напротив. Тетя Пола рассказывала про этот магазин, и мы понимали, что нам он не по карману, но других мест просто не знали.

В сверкающем вестибюле какая-то продавщица брызгала на проходящих новыми духами, но нас с Ма она проигнорировала. Мы были

слишком бедно одеты, слишком китайянки. Прилавки ломились от вещей, на которые мы даже не смели смотреть: кожаные сумочки, фальшивые бриллианты, губная помада. На высоких табуретах сидели девушки, а дамы в белых халатах делали им маникюр. И вообще все в этом магазине — даже запах — было удивительным и роскошным.

В отделе белья разноцветные ночные рубашки, корсеты, нижние юбки, бюстгальтеры выглядели аппетитно, как конфеты. Ма взглянула на один из ценников и покачала головой.

Ни один из бюстгальтеров, выставленных на витрине, мне, разумеется, не подошел бы. Они рассчитаны на женщин с настоящей грудью, а не на крошечные выпуклости, выросшие у меня.

— Попроси кого-нибудь помочь, — предложила Ма.

А мне так хотелось, чтобы она попросила кого-нибудь, взяла ответственность на себя, как, уверена, поступила бы мама Аннет. Но я сняла с вешалки ближайший бюстгальтер, такой вульгарный, что его, наверное, никто не станет носить, и направилась с ним к продавщице. Ма держалась позади.

Я еще и рта не раскрыла, а уже не знала куда глаза девать от смущения.

— У вас есть это? Для меня?

К моему ужасу, чернокожая женщина расхохоталась. Но, увидев мое лицо, попыталась подавить смех.

— Прости, дорогая, это все из-за того, что ты такая маленькая, а эта штука такая большая, — пророкотала она. — Пойдем-ка, тебе нужен спортивный бюстгальтер. Какой у тебя размер?

— Не знаю. Семьдесят? — наобум брякнула я, вспомнив бюстгальтеры Ма, купленные в Гонконге, с европейской системой размеров.

Женщина опять рассмеялась.

— Ты много о себе воображаешь. Когда-нибудь, обещаю, ты вырастешь и станешь настоящей женщиной. Не стоит торопить события, детка. А сейчас давай тебя обмеряем.

Я задрала свитер, и она обвила меня сантиметровой лентой. Я стеснялась своего домашнего белья, но оно хотя бы было без дырок. Если женщина и заметила что-то, она не подала виду. А я не поднимала глаз, пока измеряли мою грудь.

— Тридцать три А, — объявила продавщица. Весь магазин, наверное, услышал. Она протянула мне картонную коробку: — Хочешь примерить?

— Нет, спасибо.

Я схватила коробку, мы поспешно расплатились и вышли.

Примерив бюстгальтер дома, я увидела, что это всего лишь полоска хлопковой ткани, но зато все остальные девочки носили точно такие же.

Впрочем, все равно я опоздала. Насмешки уже начались, и, набирая обороты, процесс катился сам по себе, как скорый поезд.

Отношения с одноклассниками никак не складывались, мне хотелось обсудить проблему с Аннет, но никак не удавалось. Мы болтали каждый день, и в школьном автобусе, и за ланчем, но Аннет чаще всего без умолку тараторила про свой класс и про тех, кто с ней учится, постоянно приговаривая, что среди них нет ни одного такого же умного и милого, как я. А мне в основном приходилось уверять, что тот или иной мальчик вовсе не ненавидит ее. Аннет не замечала, как редко я говорю о себе, но я ее не винила. Я ведь и вправду не любила о себе рассказывать. Своим молчанием я словно делала вид, что принадлежу ее миру. Мне не хотелось, чтобы она знала, каково мне на самом деле приходится.

Я упомянула о своих проблемах на занятиях с Керри.

— Это и в самом деле нехорошо, — забеспокоилась она. — Тебе нужно поговорить с учителями.

Но я боялась, что если начну жаловаться, то в школе решат, что я создаю лишние проблемы, и пожалеют, что приняли меня. И потом, в Гонконге учителя обычно просили родителей разобраться в ситуации, а как Ма сможет беседовать с родителями Грега?

В конце концов я решила посоветоваться с Мэттом.

— Мне нужна твоя помощь.

— Валяй. Ты же знаешь — я здесь главный.

— Ребята в школе пристают ко мне. — Я покраснела, смущенная признанием. — Я хочу это прекратить.

— Это не дело, — покачал он головой, глядя на меня добрыми глазами цвета меди. — К нам с Парком тоже приставали разные идиоты.

— И что ты делал?

— Подрался с их главарем. Но для девчонки это не выход.

— Я дралась однажды, с самым здоровенным парнем в классе.

— Ты? Мисс Тоненькие Ручонки?

— Ну, это была не совсем драка. Оказалось, я просто ему нравилась.

— Может, и сейчас дело в этом.

— Да нет, абсолютно не то, — улыбнулась я.

Грег, безусловно, не влюблен в меня, но Мэтт, сам того не зная, подал отличную идею.

Итак, я с нетерпением ждала следующего урока физкультуры. До последнего момента не уверена была, что решусь осуществить свой отчаянный план. Сердце бешено колотилось, даже дышать было трудно. Помедлив в дверях и преодолевая дрожь в коленях, я решительно двинулась туда, где в окружении приятелей стоял он.

— Грег!

Многие вообще не слышали, чтобы я разговаривала, и уж тем более обращалась к ним. Наступила тишина.

Грег повернулся ко мне.

Я улыбнулась ему ласково, как сумела.

— Прости меня, пожалуйста.

Он смотрел озадаченно и несколько смущенно. Наверное, понимал, что извиняться-то следует ему.

— За что это?

— Ты старался привлечь мое внимание, но я не сразу сообразила. — Потянувшись к нему, я попыталась по-товарищески чмокнуть в щеку, но так нервничала, что вместо этого получился настоящий поцелуй в уголок рта, что сделало представление еще более убедительным для зрителей. Несмотря на всю браваду, Грегу все же было всего двенадцать лет от роду, поцелуй оказался для него настоящим шоком, он принялся отмахиваться, как от целого роя пчел, и при этом зарделся, как китайский флаг.

Я все никак не могла привыкнуть к ярким цветам, которые приобретала порой кожа белых, и, жутко испугавшись, отскочила назад, но к тому моменту весь зал уже заходился хохотом.

— Грег втюрился в Кимберли, Грег втюрился в Кимберли, — напевали хором мальчишки.

— Да ладно вам... — Он уже взял себя в руки, осторожно коснулся пальцем губ — от удивления, наверное, — что породило новый шквал насмешек.

— Все еще чувствуешь жар поцелуя? — подмигнул Курт.

Не знаю, кто из ребят действительно поверил мне, а кто просто воспользовался шансом отомстить Грегу, успевшему так или иначе насолить каждому, но с того момента ситуация изменилась. Грег начал сторониться меня, а насмешки прекратились сами собой.

Как ни старалась я избегать встреч с Тетей Полой, однажды мы столкнулись с ней в дверях фабрики. Тетка окинула задумчивым взглядом мою школьную форму. Поздоровавшись, я поспешно юркнула в туалет переодеться.

Позже тетушка заявила к нам на рабочее место.

— Старшая сестра, — встревожилась Ма. — Что-нибудь не так?

— Ну что ты, — успокоила Тетя Пола. — Просто я подумала, что вы так давно не ели риса в нашем доме. — «Рис» для китайцев означает «обед». — Может, я попрошу Дядю Боба заехать за вами в воскресенье?

Ма постаралась скрыть удивление. Откуда этот неожиданный прилив великодушия? С тех пор как мы больше года назад переехали в Америку, Тетя Пола приглашала нас в гости лишь однажды.

— Ты оказываешь нам большую честь.

— Нет, что ты. И пускай Кимберли наденет что-нибудь парадное — например, свою школьную форму.

Теперь и я удивилась. Тетя удалилась, а я обернулась к Ма:

— Похоже, она очень разозлилась, что я поступила в «Харрисон».

Ма задумалась и объявила:

— Тетя Пола не станет бороться с тем, что не в силах изменить. Она слишком практична для этого.

— То есть ее это больше не огорчает?

— Я этого не говорила. Пожалуйста, сдерживай сердце в их доме. — Ма хотела сказать, чтобы я была осмотрительна. — Веди себя скромно.

— Если Тетя Пола настолько расчетлива, почему она пригласила нас?

— А-Ким, — вздохнула Ма, — не следует задавать такие прямые вопросы. Хорошо воспитанная китайская девочка так себя не ведет.

— Я просто хочу понять, что можно и чего нельзя.

После секундного колебания Ма решила объяснить:

— Если Тетя Пола не может изменить чего-то, она пытается понять, как это можно использовать с выгодой для себя и своей семьи.

— Нельсон. Она хочет, чтобы я подала ему хороший пример. — Мне казалось, что до меня дошло.

— Будь с ним вежлива, — кивнула Ма.

В доме Тети Полы было удивительно тепло. Я невольно старалась держаться поближе к батарее.

Нельсон, разумеется, заметил это, неторопливо приблизился. На нем была школьная форма — темно-зеленый пиджак и светло-коричневые брюки, — и тут-то я все поняла. Мы оба сегодня в школьной форме, потому что Тетя Пола хотела продемонстрировать: ее сын тоже учится в частной школе. Она велела мне одеться в форму, чтобы он мог похвастать своей.

Тихонько, чтобы не услышали взрослые, Нельсон прошипел:

— От нашего дома у тебя, поди, глаза на лоб полезли, а?

Нельсону ни за что не удалось бы вывести меня из равновесия, и уж тем более по-китайски.

— Какая жалость, что мозги у тебя, как пастуший фонарик: сколько ни зажигаешь, ярче не станет.

Голос Тети Пола прервал нашу беседу:

— Пора есть рис!

За большим столом собрались все: Дядя Боб, Годфри, Нельсон, Тетя Пола, Ма и я. Стол ломился от деликатесов: жареные креветки с личи, перец, фаршированный мясом, и морской окунь, сдобренный имбирем и зеленым луком.

— Ты подаешь нам золотого дракона на блюде, — воскликнула Ма. Тетушка действительно превзошла себя.

Она никогда прежде не старалась так ради нас; вероятно, наш статус в ее глазах поднялся. Впрочем, я достаточно хорошо успела узнать тетюшку, чтобы понять: не все так просто. Видимо, она осознала, что в нынешней ситуации я могу представлять для нее угрозу, так что стоит обращаться с нами поприличнее, на всякий случай.

За обедом Тетя Пола расспрашивала о результатах моих тестов и каким образом мне все же удалось попасть в «Харрисон». Я в общих чертах описала события, опустив большую часть подробностей.

— Ну и как твои успехи теперь, когда ты оказалась в такой превосходной школе? — поинтересовалась она.

— Учиться не так уж легко. — Я не поднимала глаз от миски с рисом.

— Правда? Даже такой умной девочке?

— За последний тест по английскому у меня сто, — вмешался Нельсон. — А у тебя?

В этот момент я как раз положила личи в рот и так сжала зубы, что едва не раскусила палочку.

— Нельсон, мы же учимся в разных школах.

— Знаю. Но все равно — сколько ты получила?

Стыдно, но пришлось быть честной.

— Шестьдесят семь.

Нельсон просиял. Дядя Боб, кормивший с ложечки Годфри, замер.

— А-а-а, — выдохнула Тетя Пола. Сколько облегчения и удовлетворения слышалось в этом вздохе. Ожидание моей неудачи явно превосходило стремление продемонстрировать в моем лице пример для Нельсона.

Ма чуть нахмурилась. Никогда прежде я не получала таких оценок.

— Ты не говорила мне об этом, А-Ким.

— Все в порядке, Ма. Я стараюсь изо всех сил.

— Ты должна внимательнее относиться к своей стипендии, Кимберли, — заметила Тетя Пола, хотя наверняка ликовала бы, потеряй я деньги. — Ты же не хочешь, чтобы тебя исключили.

— Понимаю, — пробормотала я. В глубине души я и сама очень беспокоилась, но не хотела делиться опасениями с Ма. Нельсон с Тетей Полой меня разоблачили. Я поглядела Тете Поле прямо в глаза: — Я работаю на фабрике допоздна, поэтому для занятий остается не так много времени.

— Отпусти свое сердце, старшая сестра, — вмешалась Ма. Это означало, что Тете Поле не следует волноваться. — А-Ким всегда старается изо всех сил. Возьми еще кусочек фаршированного перца. — Подхватив палочками перец, она положила его на тарелку Тети Полы, взглядом призывая меня замолчать.

Я подчинилась, и Ма ловко сменила тему беседы.

Аннет тоже нелегко приходилось в «Харрисон», хотя ее проблемы были совершенно иного рода. Она из богатой семьи, как большинство других ребят, но чересчур хорошенькая, забавная и искренняя. По утрам я занимала ей место в автобусе рядом с собой, и всю дорогу мы болтали о наших одноклассниках и о мальчишках, которых Аннет считала симпатичными. Меня мальчишки не интересовали. Приходилось бороться за свое положение в школе, а нашим мальчишкам, похоже, нравилось только играть и дразнить девчонок.

Девочка с каштановыми волосами, Тэмми, иногда косилась на нас с Аннет, а порой садилась рядом со мной на уроке.

— Я вчера хотела позвонить тебе домой, — прошептала как-то она на математике. — Но не нашла номер в школьном справочнике.

— У нас сменился номер телефона, — повторила я ту же ложь, которую придумала для Аннет.

— И какой у тебя номер? Я запишу.

— У нас проблемы с линией. Дорожные работы неподалеку.

— А. — Тэмми озадаченно поглядела на меня и с тех пор чаще садилась рядом с Шерил, Греггом и его приятелями.

Я внимательно относилась ко всему, чему учила меня Керри, и она говорила, что никогда не видела такого быстрого прогресса. Но я прекрасно понимала, что мне еще очень многому нужно научиться, и все свободное время зубрила английский.

Ко второму семестру седьмого класса понимать одноклассников мне

было гораздо сложнее, чем учителей. Сочетание сленга, которым они пользовались, и мое незнание культурного контекста ставило в тупик. Однажды я решила, что получила шанс узнать кое-что о религии, подслушав, как Курт в кафетерии рассуждает о загробной жизни.

Сначала я не обращала внимания, потому что прямо в ухо мне трещала Аннет, но зацепилась за некоторые слова. «...Жемчужные Врата... Монашка встречает святого Петра... Он говорит... сестра, жизнь, которую ты вела... возвращайся обратно на землю».

С этого момента я навестила уши, потому что очень интересовалась вопросами веры. Но вообще-то не считала Курта настолько глубокомысленным.

А он продолжал:

— «В следующей жизни я хотела бы стать Сарой по фамилии Трубопровод», — говорит монашка. Вытаскивает газету и протягивает святому Петру. Он читает и говорит: «Нет, дорогая, этот Трубопровод называется «Сахара», и проложили его полторы тысячи мужчин за шесть месяцев».

Судя по нарочито громкому хохоту, то, что я приняла за религиозную беседу, оказалось просто непристойной шуткой. Мне в голову не приходило, каким образом могут быть связаны трубопровод «Сахара» и монашка и может ли вообще слово «трубопровод» иметь сексуальный оттенок. Аннет все не умолкала, так что шанса выяснить, в чем тут дело, у меня не было, иначе пришлось бы сознаться, что я посмела отвлечься от нашей содержательной беседы.

Впрочем, несмотря на все трудности, я была счастлива каждый день приходить в «Харрисон». Выбираясь из своего квартала в Бруклине и оказываясь среди зеленых лужаек и поющих птиц, я чувствовала себя так, словно попала в рай.

А еще здорово было не получать больше «интересных» заданий вроде диорам и плакатов. Вместо них — нормальные тесты и доклады, что гораздо легче и не требовало дополнительных материалов. Порой я все еще не понимала некоторые фразы учителей, но это не играло решающей роли, поскольку значительная часть обучения базировалась на домашней работе, а я успевала многое прочесть дома заранее. К ошибкам же в письме учителя относились снисходительно.

Преподаватели оценивали знание английского исходя из моего собственного уровня, а не в сравнении с одноклассниками, для которых язык был родным. Некоторые даже исправляли ошибки в моих письменных работах, что невероятно помогало мне.

С мистером Джамали мы редко встречались в мои библиотечные часы, но я знала, что его всегда можно найти либо в кабинете наверху, либо в школьном театре. Иногда он неожиданно возникал за спиной. Застав меня за чтением книг типа «Как расширить свой словарь за 90 дней», мистер Джамали принялся снабжать меня старыми журналами и книжками, которые предназначались «на выброс». Подборка получалась забавная: «Философия сквозь века», «Моль Фландерс»^[1], «Чудесный сад на вашем подоконнике». Я читала их все и складывала в стопку рядом с нашим неработающим радиатором.

К концу года я вполне прилично справлялась с большинством предметов, кроме обществоведения, и мистер Скоггинс позволил мне написать дополнительную работу, чтобы исправить проваленный тест по текущим событиям. В результате я не потеряла школьную стипендию, и мой талант к обучению постепенно возрождался. Но информировать об этом Тетю Полу мы с Ма все-таки не спешили.

В начале восьмого класса мне сообщили, что больше нет необходимости в дополнительных занятиях английским с преподавателем. Я огорчилась, что в моей жизни больше не будет Керри, к которой можно обратиться с вопросами, но все же поняла известие правильно: это одобрение. Мой английский стал гораздо лучше. Во всем остальном я продолжала существовать в ином мире. Одноклассники были те же, но я по-прежнему почти ничего о них не знала. Они активно участвовали в школьной жизни, играли в лакросс, баскетбол, теннис, я же могла только наблюдать. В школе существовали футбольные команды и особые группы для их поддержки. Из подслушанных разговоров одноклассников я понимала, что они где-то встречаются по вечерам. Но больше всего задевало, как легко и радостно им быть вместе. Тэмми со мной была просто вежлива, а вот в компании приятелей заливисто хохотала. Курт и Шерил, самая приметная парочка нашего класса, отчаянно флиртовали друг с другом, на радость всем остальным.

Остальные девочки (за исключением Аннет, считавшей Шерил пустышкой) завидовали Шерил и восхищались ею. Когда она однажды нарушила дресс-код, явившись в юбке выше колен, многие девчонки поспешили повторить подвиг и засверкали голыми ногами. Что касается Курта, тот просто подавал большие надежды. Дело не в том, что он симпатичный, Курт учился так, что ясно было: он особенный.

Свое нежелание сблизиться с остальными я оправдывала тем, что все равно не сумею вести подобную жизнь. Я продолжала работать на фабрике, но в любом случае Ма не позволила бы мне гулять по вечерам. Приличные

китайские девушки так себя не ведут.

Как-то раз во время перемены я проходила мимо Грегга с приятелями, среди которых оказалась и Тэмми.

— Пойдешь сегодня на «Роки Хоррор шоу»? — спросил у Тэмми Грегг.

— Конечно, — ответила та. — Ребята, заходите за мной, если хотите. — И вдруг повернулась, улыбнулась мне: — Хочешь пойти с нами, Кимберли?

— О, не знаю, — пролепетала я, замерев на месте. Я понимала, что все равно не смогу пойти, но решила сделать вид, что прикидываю возможности. — Во сколько вы встречаетесь?

Она бросила взгляд на Грегга, который, казалось, был не меньше меня поражен ее предложением.

— Около одиннадцати, кажется?

Во сколько?.. Разве в одиннадцать утра мы не должны быть в школе? К счастью, я не успела раскрыть рот и продемонстрировать собственную наивность, поскольку Тэмми продолжила:

— За полчаса доберемся до города, и у нас будет куча времени, чтобы успеть в Виллидж к полуночи.

— Нет, давай пораньше. Опрокинем по стаканчику, — предложил Грегг.

Они обсуждали планы на вечер, а я судорожно соображала. Шоу, которое начинается в полночь. И зачем переворачивать стаканы? Потом до меня дошло, что он просто предлагает выпить пива.

Я подняла глаза, Тэмми повторила вопрос:

— Ну как, пойдешь?

— А у тебя не будет проблем с родителями? — не смогла я сдержаться. — Из-за пива?

Она равнодушно пожала плечами:

— Мои родители разведены. Я живу с отцом, он редко бывает дома, и ему все равно.

— О... — Я словно колебалась. — К сожалению, не могу. Может быть, в другой раз?

— Ладно, давай в другой раз, — тепло улыбнулась она в ответ.

Я прекрасно понимала, что никакого другого раза не будет, но приятно было получить приглашение. На миг даже показалось, что я могу стать одной из обычных школьниц.

Через две недели предстоял тест по физике, включавший в себя такие темы, как масса, сила и ускорение. Все жутко боялись. Я-то как раз любила предмет, в котором так много математики, но остальные собирались после

уроков в раздевалке, пытались вместе делать домашнее задание и жаловались, что ничего не понимают.

— Прошлый тест я провалила, — пожаловалась Шерил подружке. — Не переживу, если это повторится.

— Этот будет еще сложнее, — вмешался Курт. — Все его провалят, и им придется выбросить результаты в помойку.

В этот момент Шерил заметила меня. И тон сразу изменился.

— Не все, — сухо бросила она.

Потупившись, я поспешно скользнула мимо, но чувствовала, как меня провожают взглядом.

В день теста парты в классе расставили рядами. Я оказалась позади Тэмми, а Курт — в соседнем ряду, напротив меня. Учительница, миссис Рейнолдс, обходила класс, раздавая листочки с заданиями.

Тэмми обернулась ко мне.

— У тебя есть запасной карандаш? Мой сломался.

Я кивнула, показав на карандаш на краю парты.

Тэмми потянулась за ним, и из ее рукава на пол выпал маленький клочок желтой бумаги. Я автоматически, не задумываясь, наклонилась, подняла, но, когда выпрямилась, Тэмми уже отвернулась. Неужели записка предназначалась мне? Я никогда не писала и не получала записок от одноклассников, но видела, как остальные перебрасывались ими, порой давясь от смеха. Польщенная, я принялась с любопытством разворачивать бумажку, но тут за моей спиной появилась миссис Рейнолдс и взяла записку из моих рук.

Я в ужасе наблюдала, как она раскрывает листок. Наверняка там написано что-то личное. Миссис Рейнолдс внимательно изучала записку.

— Не ожидала этого от тебя, Кимберли.

Тэмми смотрела прямо перед собой, словно ее это не касалось. Миссис Рейнолдс, недовольно сжав губы в ниточку, вернула мне записку. Бумажка была испещрена определениями законов Ньютона, формулами расчета скорости и прочим.

Вот тут-то я осознала случившееся. Какой позор! Я никогда в жизни не списывала, даже по тем предметам, которые мне не давались. Меня не так воспитывали. Как плохо они меня знали, если могли подумать, что я способна на такое.

— Это не мое, — произнесла я, и Тэмми обернулась, взглядом умоляя не выдавать ее.

— Пойдем со мной. — Миссис Рейнолдс жестом попросила ассистентку приглядеть за классом.

Я встала и пошла следом за ней, а весь класс глазел на меня. Перед дверью главы отделения математики и естественных наук доктора Коупленд мне едва не стало дурно. Доктор была очень худой, почти костлявой, со шрамами по обеим сторонам лица, словно когда-то попала в аварию. Миссис Рейнолдс объяснила, что произошло. Протянула обличающий меня листок бумаги. Я стиснула дрожащие руки.

— Мы очень серьезно относимся к списыванию, — обманчиво мягко проговорила доктор Коупленд, но глаза ее гневно блеснули. — За подобные проступки исключают.

— Я не списывала, — дрожащим голосом пролепетала я.

— Миссис Рейнолдс взяла это из твоих рук.

— Я просто подняла записку.

Лицо ее побледнело от напряжения.

— Я хотела бы верить тебе, Кимберли, особенно учитывая, какая ты прекрасная ученица, но если это принадлежит не тебе, то зачем ты вообще подняла записку с пола? Трудно оспорить тот факт, что шпаргалку обнаружили именно у тебя.

Я вспомнила отчаянный взгляд Тэмми и не смогла вымолвить ни слова. Кровь прилила к щекам. Как я могла впутаться в подобную историю! Что же теперь будет?

Я молчала, и доктор Коупленд продолжила:

— Не имеет значения, сама ты написала шпаргалку или кто-то другой сделал это для тебя.

Паника и отчаяние захлестнули меня, я едва дышала — часто и мелко. Я понимала, что меня могут исключить совершенно ни за что. Почему же я не в состоянии раскрыть рот и сказать правду? В полном смятении я застыла словно парализованная. Само по себе обвинение в списывании привело в шок. Вдобавок меня потрясло, что Тэмми, оказывается, пользуется шпаргалками. Как я могла подумать, что это записка, адресованная мне? Я сгорала от стыда за собственное желание нравиться, войти в круг ее друзей, за то, что настолько потеряла чувство реальности. Что скажет Ма, если меня не просто выгонят, а еще и за шпаргалку!

Обе дамы молча смотрели на меня в ожидании ответа.

В дверь постучали. Миссис Рейнолдс открыла:

— Да?

К своему удивлению, я услышала голос Курта:

— Ассистент позволила мне прийти сюда. Мне нужно сказать нечто важное.

Войдя в кабинет, Курт громко и четко проговорил:

— Я видел, как Кимберли подняла эту бумажку с пола.

Доктор Коупленд задумчиво приложила палец к щеке.

— Она там и лежала?

Курт нервно сглотнул. Он же не знал, что я уже успела рассказать.

— Я больше ничего не видел. Только как она поднимала бумажку.

— Итак, Кимберли, либо ты удивительно безрассудна, либо подняла то, что сама же и обронила. Либо твой друг покрывает тебя.

— Он мне не друг, — выпалила я.

— Она права, — криво усмехнулся Курт. — Мы даже никогда не разговаривали раньше.

Доктор Коупленд бросила короткий взгляд на миссис Рейнолдс, та едва заметно кивнула, подтверждая, что мы с Куртом не друзья.

— То есть вопрос в том, подняла ты свое или чужое, — заключила доктор Коупленд.

— Это не мой почерк, — сказала я.

— Написано так мелко, что трудно судить.

Настал момент истины.

— Я слишком умна, чтобы списывать, — заявила я, чувствуя, как дрожит голос. Что я себе позволяю? Ни одна приличная китайская девочка никогда о себе такого не скажет. — Это под моим достоинством.

Доктор Коупленд улыбнулась уголком рта.

— Ты хотела сказать «ниже моего достоинства». Хорошо, возвращайтесь в класс, оба, и принимайтесь за тест. Мы с миссис Рейнолдс обсудим инцидент позже.

Глава восьмая

Как только мы с Куртом оказались достаточно далеко, чтоб нас нельзя было услышать, я спросила:

— Почему ты это сделал?

— Потому что я действительно видел, — пожал он плечами. — И знал, что Шерил подала Тэмми эту идею.

— Засунуть шпаргалку в рукав?

— Ну да.

Я пристально посмотрела на него и сказала:

— Спасибо.

Он усмехнулся:

— Было бы ужасно жаль, если бы тебя исключили, я ведь всегда списывал у тебя на контрольных.

— Что?! — Я остановилась как вкопанная.

— Шутка! — Он дружески хлопнул меня по плечу.

Мы вошли в класс, все тут же подняли головы от своих работ, на лицах читалось любопытство. Глаза же Тэмми были полны слез. Интересно, из-за чувства вины или из-за того, что пришлось писать тест без шпаргалки? Все ребята наверняка подумали сначала, что я списываю, и я была благодарна Курту, который бросился следом, косвенно подтвердив мою невиновность. Задания теста я выполняла еще внимательнее, чем обычно, поскольку понимала, что окончательное решение относительно этой ситуации будет отчасти зависеть от результата, который я продемонстрирую без всяких шпаргалок. Ассистент учителя не сводила с меня глаз. Вскоре вернулась миссис Рейнолдс и заняла свое место за столом, словно ничего не произошло.

Прозвенел звонок, все принялись сдавать работы. Миссис Рейнолдс сообщила:

— Ким и Курт, вы начали позже, поэтому у вас есть еще десять минут, но не более.

По тону трудно было судить, но я боялась, что утратила уважение учительницы, которая мне так нравилась.

Время вышло, она забрала наши работы и молча протянула записку с оправданием нашего опоздания на следующий урок, который уже начался. До самого ланча у Тэмми не было возможности пересечься со мной.

В очереди в столовой она проскользнула ко мне и крепко сжала руку

чуть выше локтя. Ее не вызывали к директору, и она догадалась, что я не стала жаловаться. Я же смотрела на эту руку, и во мне боролись противоречивые чувства — ярость, смущение и желание как можно скорее обо всем этом забыть. Тэмми не произнесла вслух ни слова и тут же отошла в сторону.

На следующий день я обнаружила в своем шкафчике открытку от нее: «Прости, пожалуйста! Спасибо!!!» Я подумала было, что теперь мы станем ближе. Но после этой истории она избегала меня.

После теста по физике я не могла ни есть ни спать. И не осмелилась рассказать о случившемся ни Ма, ни Аннет. Я почти заболела из-за всей этой истории. И потом, неизвестно еще, все ли я решила правильно. Но противнее всего было то, что я поверила, будто Тэмми может передать мне записку. Интересно, меня вызовут к директору или просто пришлют письмо с уведомлением об исключении?

Наконец настал решающий день, миссис Рейнолдс вручила всем результаты. В этот раз она проверила работы быстрее, чем обычно. Я заметила, как мрачно она посмотрела на Тэмми, протягивая ей листок. Она-то прекрасно знала, кто сидел передо мной в день теста. Вытянув шею, я сумела разглядеть, что Тэмми провалила работу. Жаль, конечно, но зато ее результат оправдывал меня.

На парту передо мной лег листок с результатом. 96 баллов. Миссис Рейнолдс наклонилась ко мне и шепнула:

— Ты полностью оправдана за отсутствием улик.

Улыбнувшись, она похлопала меня по плечу. Я заметила, что полкласса наблюдает за нами. Напряжение внутри постепенно отпускало.

Надеюсь, у доктора Коупленд тоже не осталось сомнений.

В том же году у нас дома появился телефон. Я понимала, что дополнительные расходы огорчают Ма, но уж слишком стыдно было оставаться единственным пробелом в списке школьных телефонов, который раздавали всем ученикам. Это походило на публичное заявление о собственной нищете, не хватало еще подробно рассказать о реальных условиях, в которых мы жили. Ма уступила, поскольку я настаивала, что мне необходимо обсуждать по телефону домашние задания.

Но в целом мы жили как прежде. Я привыкла, что Ма оставалась в Америке все такой же иностранкой. Она совсем не знала и не учила английский, поэтому любыми делами за пределами Чайнатауна занималась я. Каждый год я корпела над нашими налоговыми декларациями, изучая документы, выданные фабрикой. Раз за разом перечитывала приложения,

напечатанные мелким шрифтом, надеясь, что не упустила ничего существенного. Если Ма отпралялась в магазин, без моей помощи было не обойтись. Иногда нужно было вернуть товар или пожаловаться на его качество, но хуже всего были попытки Ма торговаться, как принято в Гонконге, а мне приходилось переводить.

— Скажи, что мы заплатим только два доллара, — командовала Ма в американском рыбном магазине неподалеку от нашего дома.

— Ма, здесь так не принято!

— Делай что велят!

Мне было только тринадцать. С виноватой улыбкой я лепетала:

— Два доллара?

— Два доллара пятьдесят центов, — равнодушно отвечал продавец.

А потом Ма бранила меня за неправильное отношение к делу. Она была убеждена, что прояви я настойчивость, и мы запросто получили бы скидку.

В школе я была все так же одинока. В середине зимы некоторые ребята появлялись на занятиях с загорелыми лицами и белыми кругами вокруг глаз — от специальных защитных очков. Они с восторгом рассказывали про разные курорты — «Сноу-берд» в Юте и «Валери» во Франции. Возникла мода на особый фасон лыжных курток — короткие, в обтяжку, с высоким воротом, — и вскоре большинство одноклассников облачились в них. Я подслушала, сколько стоит такая, — если в пересчете на юбки, то двадцать тысяч штук.

А еще девчонки начали пользоваться косметикой, они красились в раздевалке или в туалете. И вот этот аспект жизни интересовал меня гораздо больше, чем лыжные куртки. Косметика казалась волшебным средством, которое поможет выглядеть, как все. Как-то раз в туалете для девочек Аннет продемонстрировала мне штуку под названием «маскирующий карандаш». Она намазала им прыщик на подбородке, и я глазам своим не поверила — тот стал почти незаметен. Я тут же подумала, как здорово было бы замаскировать таким образом мой вечно воспаленный от простуды нос.

— Держи, — сказала Аннет. — Для меня все равно слишком темный тон.

В подобные моменты становилось ясно, что, несмотря на все мои ухищрения, Аннет понимала мою ситуацию гораздо лучше, чем кто-либо еще в школе, но я все равно не могла решиться говорить об этом вслух. Да и, несмотря на свою доброту, она все равно представить не могла, насколько мы в действительности бедны.

Я повзрослела и болела теперь гораздо реже, хотя насморк все еще частенько донимал. Гораздо больше волновали меня недомогания Ма. Стоило ей закашляться, и я пугалась, что туберкулез вернулся, но, к счастью, все обошлось. Уровень нашей жизни и условия ее не менялись, но с течением времени я запретила себе переживать по поводу собственных несчастий.

Мы с Ма все ждали, когда же под окнами появится специальная машина для сноса зданий, тогда ведь Тетя Пола вынуждена будет переселить нас отсюда, но этого так и не произошло. Однажды Ма спросила напрямую, когда можно будет переехать, и Тетя Пола на миг продемонстрировала свою темную сторону.

— Если вам там так плохо, никто не мешает поискать другие варианты.

После этого Ма не решалась задавать вопросы. Мы продолжали выплачивать долг, и Тетя Пола, разумеется, не желала, чтобы мы съезжали куда-то. Гораздо удобнее и дешевле было оставить все как есть. Да и по чести сказать, в круговерти работы и учебы мы настолько изматывались, что просто ни на что не оставалось сил.

Мы вынуждены были смириться с тараканами и мышами, заочневшими от холода руками и ногами, жизнью перед открытой духовкой. Единственный выходной день, воскресенье, и тот был занят делами: мы закупили продукты на неделю, заканчивали взятую с фабрики работу, готовились к многочисленным китайским праздникам, а я делала домашние задания. Единственным светлым пятном было посещение храма Шаолинь в Чайнатауне. Располагавшийся на втором этаже одного из зданий Нижнего Ист-Сайда, он был моим личным убежищем.

Служили там настоящие китайские монахини. Бритоголовые, в черных одеждах, они бесплатно кормили вкусной вегетарианской едой: жареной лапшой с тофу, рисом, черными грибами с рифлеными шляпками под названием «облачное ушко». Монахини протягивали миску с едой, и в каждом жесте ощущалась истинная доброта. Мы возжигали благовония, кланялись огромным статуям Будды в главном зале, а потом молились за усопших, особенно за Па. В храме было так спокойно, словно мы и не уезжали из Гонконга. Словно некие высшие силы продолжали сострадательно присматривать за мной и Ма.

Работа на фабрике не оставляла свободного времени. Лишь изредка, когда мы не спешили с отправкой следующей партии товара, я под каким-нибудь надуманным предлогом сбегала на несколько часов погулять с

Аннет.

В один из таких дней Аннет предложила сходить в кино. Я еще ни разу не бывала в американском кинотеатре и сначала засомневалась. Неверно расценив мои колебания, Аннет настаивала:

— Я захвачу косметику, и перед сеансом мы накрасимся. Не переживай, потом все смоем.

Придумав объяснение для Ма, мы отправились смотреть «Индиану Джонса и Храм Судьбы». Я волновалась, хватит ли у меня денег, но у окошка кассы Аннет настояла, что платить будет она. Я пробовала возразить, хотя в глубине души испытала облегчение. У меня-то карманных денег не было, только монетки, которые порой удавалось сохранить от сдачи в магазине, да и их я все время нервно переводила в юбки.

В кинотеатр мы пришли загодя, огромное здание оказалось полупустым, со множеством помещений. На полу светились лампочки, как в самолете на пути из Гонконга. Я с наслаждением вдыхала аромат попкорна, но Аннет тут же потащила меня в дамскую комнату, где, лукаво улыбаясь, достала розовую пластмассовую косметичку. Похоже, новенькую. Внимательно рассматривая квадратики разноцветной пудры, она рассказала, что это подарок кузины.

— У тебя грандиозные скулы. — Аннет, хихикая, красила меня румянами.

— У тебя тоже. — Я не представляла, что делает скулы «грандиозными», это казалось довольно странным.

По завершении процесса я взглянула на себя в зеркало — потрясающие перемены. Тени на веках, румяна, губная помада. Не осталось ни дюйма кожи естественного цвета. Вот здорово было бы, очень по-американски, выглядеть так всегда. Я осторожно коснулась щеки кончиком пальца.

— Какие же вы красотки, девчонки, — улыбнулась проходившая мимо дама.

Мы были счастливы. А потом в темном зале смотрели длинный фильм, в котором я ничего не понимала. Но зато ощущала под пальцами бархатную обивку кресла и представляла, насколько ослепительно выгляжу в макияже. Индиана Джонс, кажется, был настоящим героем. Фильм напоминал боевики, что я смотрела по телевизору в Гонконге, только менее понятный, а еще там было много злодеев, дикарей и детей, которых нужно было спасать. Но все равно здорово. После кино мы с Аннет вернулись в дамскую комнату смыть косметику. Ей тоже не разрешали пока краситься. Неважно — теперь у нас была общая радостная тайна.

На лето Аннет уехала в лагерь, а я целыми днями работала на фабрике. С одной стороны, это облегчало тяжелое бремя Ма, с другой — дополнительная работа означала дополнительный заработок. Тем летом я в деталях изучила, как именно намокает от пота лифчик. Сначала становится влажной полоска под грудью, постепенно пот поднимается выше, под мышки, проникает в чашечки лифчика и в последнюю очередь — в лямки. За полчаса работы белье промокает насквозь.

На фабрике я специализировалась в упаковке товара. Эта работа требовала серьезных физических усилий, но я приноровилась справляться быстро. У нас стояла высокая металлическая рама с закрепленным наверху гигантским рулоном пластиковых пакетов. Берешь справа готовую вещь, вешаешь на плечики, раскрываешь пакет и надеваешь на изделие. Затем нужно оторвать пакет от рулона, приподнять изделие вместе с вешалкой и перевесить налево. Работать следовало аккуратно, иначе пакет порвется и придется начинать все сначала.

Процесс завершающей обработки начинался с получения готовой продукции и заканчивался, когда вся партия была упакована; он включал в себя развешивание по плечикам, сортировку, вдевание ремней, завязывание лент, застегивание, прикрепление ярлыка и собственно упаковку в пакет. Платили нам полтора цента за юбку, два цента за пару брюк с ремнем и один цент за верхнюю часть костюма. Я не дотягивалась до вешалок, так что приходилось вставать на табурет. Время я засекала по большим часам на стене напротив. Ма требовалось около тридцати секунд на упаковку одной вещи, то есть сто двадцать предметов за час. Нетрудно подсчитать, что Ма зарабатывала менее двух долларов в час.

Так нам было не выжить. Поначалу я тоже отрывала пакет двумя руками и аккуратно надевала его сверху на одежду, и на это уходило двадцать секунд. Но затем я сменила тактику, усовершенствовав весь процесс.

Гораздо быстрее получалось, если ухватить пакет ладонью, всегда потной, а потому липкой, чуть шевельнуть рукой, раскрывая его, а затем, уже надевая на изделие, другой рукой стукнуть по линии перфорации, окончательно отрывая пакет от рулона. Прежде чем пакет успевал упасть, покрывая изделие, я уже поднимала вешалку, перенося ее влево. А правой рукой уже цепляла следующий пакет.

С брюками получалось чуть дольше, потому что из-за ремней они то и дело норовили соскользнуть с плечиков, и приходилось придерживать обеими руками. От всех этих упражнений у меня narosли неплохие

мышцы.

К концу лета, войдя в ритм, я успевала упаковать пятьсот юбок за час, то есть семь секунд на юбку. Позже, став старше и сильнее, я достигла результата пять секунд на юбку и упаковывала по семьсот штук в час.

Несмотря на неприязнь к Тете Поле, я всякий раз старалась работать быстрее, когда она проходила мимо, — демонстрировала, что мы прилежные ценные работники, лояльные по отношению к фабрике. Я все еще надеялась, что нас поощрят за хорошее поведение.

Мэтт как-то зашел к нам, он частенько в свою свободную минутку помогал прикреплять ярлыки на юбки. В дни отправки товара работы завершались в зависимости от стадии производства. Мэтт помогал обрезать нитки, соответственно, его часть работы заканчивалась гораздо раньше. Мы с Ма, последняя стадия производства, всегда заканчивали последними. Мэтт вполне мог уйти домой, но иногда он задерживался и помогал мне.

Ма улыбнулась. Ей приходилось повышать голос, чтобы перекрыть шум гладильной машины.

— А ты вырос, Мэтт. Я и не подозревала, из какого доброго материала ты вытесан. — Она хотела сказать, что Мэтт симпатичный.

Мэтт с усмешкой поиграл мускулами.

— Это все от обрезания ниток, миссис Чанг. Парни от этого здоровеют.

Я, как обычно, занималась упаковкой, но не могла удержаться и украдкой поглядела на его плечи. Мэтт был все таким же худым, но под белой майкой угадывались контуры молодого мужского тела. Он покосился в мою сторону, будто хотел убедиться, что я расслышала комплимент Ма, и заметил, как я его разглядываю.

Он тут же принял картинную позу, одну руку вскинув вверх, а другой упершись в бок.

— Ну, как я выгляжу?

— Как статуя Свободы! — хихикнула я.

— А ты-то откуда знаешь? — притворно обиделся он. — Ты, поди, и не помнишь, на что она похожа.

Мне и помнить нечего. Когда-то, мечтая о Нью-Йорке, я представляла, что мы будем жить на Таймс-сквер, которую по-китайски называли Тай-Ам-Си Арена, а оказалась в трущобах Бруклина.

— Вообще-то я ее никогда не видела.

— Ты говоришь слишком большие слова. — Он хотел сказать, что я лгу.

— Я не шучу.

— Ты что, серьезно? Неужели никогда не была на Мин-Хат-Тон? —

слово «Манхэттен» он произнес на китайский манер.

— Только в Чайнатауне.

— Так, в воскресенье я поведу тебя на прогулку. Нельзя жить в Нью-Йорке и не видеть статуи Свободы.

Губы сами собой сложились в восторженное «О», но я не знала, как отреагирует Ма. Она работала неподалеку, делая вид, что не слушает нас.

— Миссис Чанг? — обратился к ней Мэтт. — Вы не против, если я стану вашим гидом в воскресенье?

Раздосадованная, я все же отдавала должное его сообразительности. Ма гораздо охотнее даст согласие, если ее тоже пригласить.

С лукавой улыбкой Ма обернулась к нам:

— Мне не хотелось бы играть роль фонарика.

— Ма! — Хорошо, что я уже и так покраснелась от жары. Ее шутка насчет роли дуэньи — которая своим присутствием не позволяет влюбленным целоваться, как внезапно вспыхнувший в темной комнате фонарик, — озвучивала мои тайные надежды: приглашение Мэтта могло означать настоящее свидание.

Мэтт, скрывая смущение, по-собачьи тряхнул головой, умудрившись сделать это кокетливо.

— Ну, нет, вы так молодо выглядите, все вокруг подумают, будто вы пошли с нами просто полущить орешков.

Отличный ход. Он имел в виду младших братишек или сестреноч, которые частенько увязываются за парочкой в кино, поедая орешки и мешая тем любезничать.

Ма расхохоталась:

— Ты за словом в карман не лезешь. Ну ладно, я с удовольствием...

Дикий крик со стороны гладильной машины прервал ее. Мистер Пак. Я не знала о нем ничего, кроме имени. Не знала, работает ли на фабрике кто-то еще из его семьи. В клубах пара невозможно было различить, что происходит, но трое мужчин, работавших рядом, бросились к нему. Они что-то делали с тяжелым металлическим прессом, и, когда мы с Мэттом и Ма примчались на помощь, уже сумели приподнять крышку. Мистер Пак с громкими завываниями ухватил себя за руку.

Я не решалась посмотреть. Но сразу поняла, что произошло. Работать на гладильной машине нужно очень быстро, пресс опускается автоматически. Затем крышка поднимается, и необходимо молниеносно вынуть изделие и вставить новое. Мэтт объяснял мне, что, если замешкаться, пресс зажмет руку.

Расталкивая мгновенно собравшуюся толпу, появились Тетя Пола и

Дядя Боб.

— Что ты натворил, недотепа? — рывкнула Тетя Пола.

Ухватив мистера Пака, все рыдавшего над своей рукой, она потащила его к выходу. Дядя Боб, волоча ногу, поспешил за ней.

— И чтоб никто не звонил в «скорую помощь»! Мы отвезем его к фабричному доктору! Возвращайтесь к работе, все, сегодня отправка товара! — проорала тетка через плечо.

Толпа рассосалась, а я обернулась к Мэтту:

— Не подозревала, что на фабрике есть врач.

Все еще не оправившись от увиденного, Мэтт пробормотал:

— Да это просто приятель Мамаши Гавс. Он не сообщит властям о несчастном случае.

Меня тоже всю трясло.

— Наверное, тебе лучше пойти домой, Мэтт. Не беспокойся о нас.

— Дома все равно никого нет. Мама сейчас у лекаря, на иглотерапии.

Прошло некоторое время, я работала с сумасшедшей скоростью — все-таки предстояла отправка очередной партии — и вдруг заметила Тетю Полу. Она спешила к нам, и я еще подумала, что тетка, наверное, нервничает из-за несчастья.

— Я как раз собиралась сообщить вам кое о чем, когда случилась эта неприятность. В политике фабрики произошли изменения. — Она даже не потрудилась изобразить дежурную фальшивую улыбку. — После отправки этой партии, из-за сложной экономической ситуации, мы понижаем расценки за обработку юбок до одного цента за штуку.

— Как? — воскликнула Ма.

— Почему? — возмутилась я. И тут же поняла. Тетя Пола видела, как быстро я работаю. Слишком быстро. Мы стали больше зарабатывать, и она подсчитала, что для выживания нам хватит и меньшего. А я-то воображала, что произвожу хорошее впечатление.

— Простите, но таковы обстоятельства. Политика компании. Для всех работников финального этапа.

Мы были единственными «работниками финального этапа» на этой фабрике.

— Но это несправедливо! — выпалила я.

Стоящая позади Ма ткнула меня под лопатку.

Тетя Пола повернулась ко мне. Помада у нее чуть смазалась в уголке губ.

— Я не хотела бы, чтобы вы чувствовали себя обездоленными. Если что-то не нравится, вы вольны сделать иной выбор. В Америке больше нет

рабства, ведь так?

И с этими словами двинулась прочь.

Ма, которая никогда не прикасалась к другим людям, метнулась следом и схватила тетку за руку.

— Прости, старшая сестра. Она просто очень откровенная девочка.

— Нет, нет, — вздохнула Тетя Пола, — эти побеги бамбука, они все такие. Не переживай.

«Бамбуковыми побегами» называли детей, родившихся и выросших в Америке, имея в виду их чрезмерную «западность». «Я бамбуковый узелок, — хотелось выкрикнуть мне. — Рожденный в Гонконге, но совсем юным привезенный сюда». Узелки на стебле бамбука делают его чуть менее гибким, но зато гораздо более прочным.

— Спасибо, — пробормотала Ма. — Благодарю тебя.

Внезапно заговорил Мэтт. А я и забыла, что он рядом.

— А вам нравится поедать бамбуковые побеги на ужин, а, миссис Ю?

Я затаила дыхание, а сердце билось как сумасшедшее. Что он делает? Что я натворила, затеяв эту перепалку?

От смеха Тети Полы у меня внутри все похолодело.

— Старший из братьев Ву становится мужчиной, да? Что ж, если ты такой взрослый, завтра займешь свободное место у прессы.

— Нет! — Мы попались в сети, расставленные Тетей Полой. — Вы же знаете Мэтта, он всегда шутит...

— Все в порядке, — остановил меня Мэтт. — Нет проблем, миссис Ю. Я все равно хотел подкачать мышцы. — Пожав плечами, он медленно направился к выходу. — Пока, миссис Чанг, Кимберли.

Тетя Пола смотрела ему вслед, а потом молча удалилась в свой кабинет.

— Не вмешивайся в разговоры взрослых! — набросилась на меня Ма. — Что мы будем есть, когда потеряем работу?

— Это свободная страна, Ма. Почему мы должны работать именно на нее?

— Свободная страна! А кому, по-твоему, принадлежат остальные швейные фабрики? Они все либо члены одной семьи, либо близкие друзья. Вся швейная промышленность. И что теперь будет с Мэттом?

Я опустила глаза. Раздражение, звучавшее в ее голосе, сменили уныние и отчаяние. Мэтту, как и мне, было всего четырнадцать, и неизвестно, справится ли он с громадным паровым прессом, с которым управлялись только взрослые мужчины.

— А-Ким, — чуть мягче продолжила Ма, — понимаю, ты хотела как

лучше. Просто все, что у тебя на уме, сразу же вылетает наружу. — Она хотела сказать, что я слишком искренняя, и в тот момент я с ней была согласна.

Назавтра я все поглядывала в сторону гладильных прессов. В клубах пара то появлялись, то исчезали четверо мужчин, работавших там. По-военному четко они укладывали под пресс вещь за вещь, а огромные крышки опускались, с шумом выпуская обжигающие облака. Потом крышки вновь поднимались, и последние струйки пара просачивались наружу, как слюна из пасти жуткого зверя. Даже мимолетное прикосновение к поверхности пресса вызывало сильный ожог.

Среди мускулистых мужчин Мэтт казался совсем крошечным. Он работал медленнее остальных, но видно было, как он старается, нажимая поочередно ногами на рычаги управления. Вот он положил юбку под пресс, увернулся от облака горячего пара. На миг совершенно скрылся из виду. Следующая картинка, которую вижу, — Мэтт подходит ко мне, сжимая что-то в кулаке.

Я отпрянула. Майка, да и вся его одежда абсолютно мокрые, капли пота стекают по шее и груди.

— Похоже, у меня чересчур длинный язык, — начал он.

— У меня тоже.

— Но кто-то же должен приносить рис, верно? (То есть зарабатывать деньги.)

Я чувствовала себя настолько виноватой, что не нашла слов в ответ. А он был так внимателен ко мне.

— Я могу как-то помочь?

— Может, когда станешь постарше. Эта работа хорошо оплачивается, да и форму помогает поддерживать. Будешь здесь работать — станешь таким же крепким парнем, как я.

В другой ситуации я бы рассмеялась, и даже сейчас хихикнула было, но что-то меня удержало, и вместо смеха получился сдавленный кашель.

Мэтт очень серьезно посмотрел на меня.

— Мне все равно нужна эта работа. Мама больше не может заработать ни цента. Сердце у нее больное, легкие больные. Парк работать вообще не может. Со мной все будет нормально. — Не дожидаясь ответа, он сменил тему: — Слушай, не отнесешь это маме?

Я протянула руку, и он вложил в нее золотую цепочку с нефритовой Гуанинь. Гуанинь с множеством рук, в каждой из которых разные предметы. Ее называют Тысячерукой Богиней, помогающей в различных

нуждах.

Я видела у Мэтта это украшение раньше, но не задумывалась о его смысле. Родители всегда дарят детям драгоценные амулеты, защищающие от злых сил. Их никогда не снимают. В бедных семьях, где едва хватает средств на пропитание, специально откладывают деньги, чтобы обеспечить детям такую защиту.

Наверное, у меня был очень озадаченный вид, так что Мэтту пришлось пояснить, почему он отдает это мне.

— Гляди. — Он приподнял майку, и я увидела красное пятно на коже.

— Около этих машин чересчур жарко, нельзя носить ничего металлического, — констатировала я, и чувство вины охватило меня с новой силой.

— Угу. Но мы же идем гулять в воскресенье, а?

Я не смогла сдержать улыбки:

— Правда? Ты все еще хочешь?

— Ну конечно. Ладно, мне пора работать, а то сильно отстану. — И он вернулся на свое место у пресса.

Нефритовая Гуанинь отливала нежно-зеленым, как весенние листья; наверное, очень дорогое украшение. Я тут же понесла его миссис Ву. Она сидела спиной ко мне и за что-то бранила Парка. Отвернувшись вполоборота, он не мог прочесть по губам, что она говорит. Но, к моему удивлению, что-то ответил, неловко похлопав мать по руке.

Я присмотрелась к ее лицу — Мэтт был прав, вид у нее нездоровый. К мешкам под глазами добавился землистый цвет лица, а белки глаз стали желтыми. Она заметила меня.

— Ты, — только и произнесла она.

Напуганная, я протянула цепочку Мэтта, но она лишь бросила пренебрежительный взгляд:

— Хочешь оказать любезность моему сыну?

Ответить я не посмела. Она определенно считала меня виновной в том, что Мэтт теперь работает у парового пресса.

— Подумать только, а я-то считала тебя мальчишкой, — продолжала она. В неприязненном тоне тайшанский акцент становился гораздо более заметным. — У него доброе сердце. Он бы вообще тебе это отдал, — пробормотала она, забирая цепочку из моих рук.

Неожиданно за спиной раздался мамин голос. Она, должно быть, заметила, что мы разговариваем.

— Миссис Ву, не могу смотреть вам в глаза. Мы так виноваты.

Миссис Ву подняла взгляд на Ма, и напряжение, кажется, схлынуло.

— У нас у всех нет выхода. Он хороший мальчик. С ним все будет в порядке.

— Кимберли тоже неплохая девочка. Они оба слишком молоды и импульсивны. Им нужно дать время.

Матери понимающе смотрели друг на друга.

— Дети, — вздохнула миссис Ву.

Я вернулась на свое рабочее место, но ее слова все звучали у меня в ушах. Миссис Ву действительно намекала, что я нравлюсь Мэтту? Мысль приводила в восторг, но одновременно вызывала странную боль в груди.

Мэтт не просто повел нас с Ма смотреть на статую Свободы; он начал с того, что встретил нас на Таймс-сквер, Тай-Ам-Си Арена. Мы вышли из огромной станции метро, пробрались сквозь толпы людей, и я с облегчением увидела Мэтта, поджидавшего нас на углу около «Бургер Кинг». Стоя рядом с ним, мы с Ма огляделись. Наконец-то я попала в Нью-Йорк, о котором мечтала. Мимо проехал длинный белый лимузин, следом дюжина желтых такси. Мы шли мимо кинотеатров и ресторанов, плакатов «Девушки! Девушки! Девушки!», огромных щитов с рекламой бродвейских шоу. Странно, но я чувствовала себя как дома. Улицы, запруженные народом, городская суэта напомнили мне центральные районы Гонконга, хотя Тай-Ам-Си Арена была гораздо больше и роскошнее. Люди одеты самым неммыслимым образом, но встречались и элегантные дамы, на высоких каблуках и в пиджаках. Большинство были белыми, но я заметила индуса в тюрбане, нескольких чернокожих в традиционных африканских нарядах и группу поющих монахов в желтых одеждах. Сложив ладони перед грудью, Ма поклонилась им. Один из монахов, прервав на миг пение, поклонился в ответ.

— О, только взгляни! — Ма указывала на громадный магазин музыкальных инструментов.

Заглянув сквозь витрину, я увидела рояли, виолончели, скрипки. В глубине удалось различить шкафы с нотами.

— Давайте зайдём, — предложил Мэтт.

— Нет, нет, мы же все равно ничего не сможем купить, — возразила Ма.

— Ничего страшного, если просто посмотрим, — решительно заявила я.

Я-то знала, как ей хочется зайти, и мы с Мэттом буквально втащили ее внутрь.

Прохладный кондиционированный воздух — настоящий рай.

Множество покупателей бродили по залу, рассматривали инструменты, листали ноты, и Ма постепенно расслабилась. Кое-кто даже садился за рояль, пробуя инструмент. Мне страстно захотелось такой вот чистой, усталой жизнью. Ма смотрела вокруг широко распахнув глаза, как маленькая девочка. Потом принялась увлеченно листать сборник Моцарта и полностью ушла в это занятие.

Мы с Мэттом слонялись в сторонке.

— Я и не знал, что твоя мама так любит музыку, — удивился Мэтт.

— Она преподавала музыку, давно, дома. А твои родители? Чем они интересуются?

— Ма так много работает, что успевает только заботиться о Парке. А отца у нас нет. Так что за всеми должен присматривать я.

Я улыбнулась. Мэтт всегда так серьезно относился к своему статусу в семье. Но я впервые услышала от него об отце.

— Он что, куда-то уехал?

Мэтт, не глядя в глаза, кивнул и тут же заволновался:

— А где твоя мама?

Я обернулась — Ма стояла у рояля. Мы с Мэттом поспешили к ней.

— Красивый инструмент, правда? — Ма задумчиво перебирала листочки с нотами, забытые кем-то на крышке рояля. — Звучит, должно быть, чудесно.

— Попробуйте, — предложил Мэтт. — Можно ведь нажать несколько клавиш.

— О нет.

— Ну пожалуйста. — Мне очень хотелось, чтобы Ма поиграла для Мэтта, чтобы он увидел — мы нечто большее, чем простые фабричные работницы.

Ма медленно опустилась на табурет.

— Твой папа любил эту вещь, — тихо произнесла она, пробегая пальцами по клавиатуре, прежде чем заиграть Шопена, «Ноктюрн Ля-бемоль».

У Мэтта изумленно отвисла челюсть.

Прикрыв глаза, я слушала и вспоминала, как Ма играла дома на нашем пианино, как грациозно ее хрупкие пальцы порхали по клавишам. Она сыграла начало, остановилась. Но мы уже привлекли внимание продавца.

— Мадам прекрасно играет. У инструмента великолепный тон, не так ли?

Пока я прикидывала, как бы вежливее прогнать его, вмешался Мэтт.

— О да, — решительно сказал он по-английски. — Благодарю, но мы

просто смотрим.

Впервые кто-то снял ношу с моих плеч.

Потом мы бродили по Тай-Ам-Си Арене, глаза на небоскребы.

— Подумать только, у меня уже глаза на лоб вылезли, так хотела рассмотреть самую верхушку, — хохотала Ма перед особенно высоким зданием.

— Я его могу ладонями измерить. — Чуть отступив назад, Мэтт сделал вид, будто руками обмеряет здание.

Это мне кое о чем напомнило. Не хотелось портить настроение, но мне необходимо было знать.

— А что с мистером Паком? — спросила я Мэтта. Живя в Чайнатауне, Мэтт знал многих с нашей фабрики, был в курсе всех сплетен.

— На фабрику он не вернется. Ожог очень сильный, и его жена считает, что работать там слишком опасно.

— И что же он будет делать?

— Она работает на ювелирной фабрике, так что, готов спорить, он устроится туда к ней, когда поправится.

— А чем там занимаются?

— Делают четки и всякие украшения. Можно взять работу домой, но заработок хуже, чем у нас на фабрике. И руки нужны очень ловкие.

Я покосилась на Ма. Может, это выход для нас?

Она отрицательно помотала головой:

— Вспомни, как холодно у нас дома, А-Ким.

Да, в нашей нетопленной квартире мы никогда не смогли бы нанизывать бусы.

Наконец мы отправились к статуе Свободы. Ма хотела было заплатить за жетон метро для Мэтта, но тот успел проскользнуть самостоятельно.

— Так, мы не будем выходить к самой статуе Свободы, — объявил Мэтт. — На катере слишком дорого. А мы сядем на паром до Стейтен-Айленд, он стоит всего двадцать пять центов, и вид с него даже лучше.

— Отлично, — согласилась Ма.

Большой желтый паром напоминал мне паромы в заливе Коулун; Мэтт повел нас на верхнюю палубу. Ма посчитала, что там слишком ветрено, и вернулась вниз. А мы с Мэттом стояли у металлических поручней, и прохладный ветер дул в лицо. Перед нами расстилался океан.

— Скоро откроется первоклассный вид, — пообещал Мэтт и поспешил вниз позвать Ма. Удивительно, как он может быть таким грубым и в то же время внимательным и заботливым.

От вида на стацию Свободы захватывало дух. Так близко и такая

великолепная. Ма крепко стиснула мою ладонь.

— Как долго мы мечтали об этом, — прошептала она.

— Да, мы на самом деле в Америке.

— Она не напоминает вам Гуанинь? — размышлял вслух Мэтт.

Мы согласно кивнули.

Позже, когда мы уже вернулись домой, Ма сказала:

— Я ошибалась насчет этого мальчика, Ву. Он не просто симпатичный, у него еще и настоящее человеческое сердце. — Она хотела сказать, он способен сострадать и глубоко чувствовать.

Спрятав лицо в подушку, я промолчала, но думала только о Мэтте.

Девятый класс знаменовал собой переход в старшую школу. Большинство из нас учились здесь и в седьмом, и в восьмом, но в девятый класс пришло несколько новеньких. Учебный год начался с тестов по математике и естествознанию, чтобы распределить нас по группам. Все, особенно отличники, нервничали, потому что количество мест в специальных математических и естественнонаучных группах было ограничено, а все мечтали туда попасть. Хотя тесты всего лишь определяли способности, многие занимались с репетиторами. Прошел слух, что в некоторые колледжи будут принимать только тех, кто обучался по углубленной программе.

После пыльной и тяжелой физической работы на фабрике я окуналась в чистый логический рай науки, где чувствовала себя в полной безопасности. Исключительно ради удовольствия я начала читать книги о предметах, которые в школе мы изучали лишь обзорно, — аминокислоты, митоз, прокариоты, ДНК-тесты, кариотип, гибридизация, эндотермические реакции. Математика была единственным языком, который я по-настоящему понимала. В ней все ясно, четко, систематизировано и предсказуемо. Решение математических загадок доставляло невероятное удовлетворение, я забывала о своей подлинной жизни — убогой квартире и работе на фабрике. Наверное, я была единственной ученицей, которая с нетерпением предвкушала тестирование и с удовольствием выполнила все задания.

Результаты оказались невероятно высокими, даже для меня. Я была в восторге. Однако спустя несколько недель занятий математикой и естествознанием в продвинутой группе меня вызвала к себе в кабинет доктор Коупленд, заведующая кафедрой. Сердце колотилось где-то в горле, уж слишком мрачные у меня были воспоминания об этом месте.

— Кимберли, меня заинтересовали твои успехи, — начала она.

Я почти перестала дышать. Что не так на этот раз? До сих пор я получала почти идеальные оценки. В качестве дополнительного задания по биологии я разработала лабораторную методику, которая привела в восторг учителя, — использование сухого сока для определения растворов, растворителей, концентрации и симуляции активности энзимов.

— Какие-то проблемы с моими оценками?

— Откровенно говоря, они неестественно хороши. — Доктор Коупленд, прищурившись, наблюдала за моей реакцией.

Я все поняла — она не забыла прошлого инцидента с Тэмми. Страх сдавил мое горло, но я сумела выдавить:

— Я не списываю.

— Надеюсь. Все преподаватели убеждены в твоих интеллектуальных способностях, и я хотела бы им верить. Но ни один из учащихся твоего возраста никогда не добивался подобных результатов в установочных тестах. Ты учишься великолепно, между тем в средней школе твои отметки были менее убедительны. Известно тебе или нет, но бывает, образцы тестов похищают. — Она наклонилась ко мне, произнося так тихо, что я едва могла слышать: — Я тоже блестяще училась, но никогда — так быстро и так успешно, как рассказывают о тебе. Я буду рада, если ты сумеешь развеять мои подозрения. Это замечательно, что у нас такая великолепная ученица, — но... думаю, ты понимаешь, почему мы должны быть до конца уверены. Тебе предстоит еще один экзамен, на этот раз устный, подготовленный совместно кафедрами математики и естественных наук. Каждый из учителей подготовит вопросы.

Я молчала. Потерять все, ради чего трудились мы с Ма, было бы ужасно. Что, если я неправильно пойму вопрос по-английски? Что, если случайно допущу несколько ошибок и результат окажется чуть хуже, чем обычно? Они могут решить, что прежде я списывала, и выгнать из школы. Голова закружилась, лицо доктора Коупленд расплывалось перед моими глазами, превратившись в цветное пятно.

— Я не намерена пугать тебя, Кимберли. Если ты работала честно, беспокоиться не о чем.

Я медленно вышла из кабинета. Ну почему я не такая, как все?

— Ты в порядке? — Мимо проходил Курт под ручку с Шерил.

Шерил нахмурилась. Наверное, она, как и я, удивилась, что Курт заговорил со мной. Может, тоже вспомнила, при каких обстоятельствах я в прошлый раз оказалась около этого кабинета.

— В полном. Спасибо.

— Ну, пока.

Глава девятая

Между мной и остальными ребятами словно существовал невидимый барьер, на который мы наталкивались при случайных попытках общения. Как-то раз в школьной столовой я попросила у буфетчицы круассан с сыром, тщательно выговаривая все звуки, а оказавшаяся рядом снобистски настроенная Саманта поправила меня, с демонстративным французским акцентом:

— Нужно говорить «круассан». Очень некультурно произносить в конце «т».

Тэмми вообще делала вид, будто меня на свете нет.

Еще была повернутая на мальчиках Эмми, которая сказала однажды:

— Слушай, я вот что подумала. Давай наденем самые короткие юбки и прошвырнемся по магазинам! В прошлую пятницу парни прямо слюной исходили по мне!

Единственной настоящей подругой оставалась Аннет. В девятом классе она, как сама выражалась, пошла в политику. Начала носить значки и призывать подписывать всяческие петиции. Вместе с политикой в жизни появились и новые друзья. В основном те, кто работал над антирасистским журналом, который она создала, — стипендиаты из старших классов, швед, учившийся у нас по обмену, несколько ребят с панковскими прическами. Сейчас она хотела, чтобы я подписала петицию против апартеида в Южной Африке, и я согласилась, но участвовать в феминистском марше уже не могла. Аннет становилась все более радикальной, обсуждая в своем журнале проблему отсутствия цветных студентов в «Харрисон». И даже называла себя коммунисткой. Учитывая историю моей семьи, как я могла верить в коммунизм? И потом, я столько времени потратила, чтобы казаться обыкновенной девочкой, — мне хватало здравомыслия, чтобы не высовываться.

Прежняя Аннет легко отвлекалась, переполненная разнообразными, порой противоречивыми стремлениями, бросалась из одной крайности в другую. С той Аннет проще было иметь дело — она была поглощена только собой и своим уютным мирком. Нынешняя серьезная Аннет начала задавать неудобные вопросы.

— Как это получилось, что мы с тобой такие близкие подруги, — заговорила она как-то раз, — а я никогда не была у тебя в гостях?

— У нас очень маленькая квартира. Тебе будет неудобно.

— Это неважно.

— Но важно для моей мамы. Давай я спрошу, можно ли тебя пригласить, ладно?

Я надеялась, что такого объяснения достаточно, а со временем она вообще забудет о нашем разговоре. Лишь несколько лет спустя Аннет продемонстрировала, как я ошибалась. Она никогда ничего не забывала.

Но Аннет не понимала, как иногда выручает молчание. Я не могла позволить себе расплакаться в безвыходной ситуации. Разговор о проблемах, словно яркий дневной свет, обнаружил бы все несчастья моей жизни, и сразу стало бы ясно, что терпеть этот кошмар можно лишь в полумраке. Я не смела настолько раскрыться, даже перед ней.

С обретением телефона все стало еще хуже. Я работала в библиотеке, Аннет зашла поболтать, начала рассказывать о задании по обществоведению, которое в этом году у нас было общим. Она работала над докладом на тему «Маркс и Аристотель: природа морали». Я за свой еще не принималась — времени не хватало. И даже тему не выбрала.

— Я тебе вчера звонила. — Аннет рассеянно поправила волосы. — Почему тебя никогда нет дома?

— В каком смысле? — Я сделала вид, будто не понимаю, о чем она.

— Ты отвечаешь на звонки только поздно вечером. Чем ты занимаешься после школы?

— Ничем. Просто иногда долго добираюсь до дому.

— Кимберли, — поджала губы Аннет, — мы с тобой подруги или не подруги?

— Конечно, подруги, — обреченно выдохнула я.

— Я не дура.

— Знаю. — Я колебалась. — Дело в том, что я помогаю маме на работе.

— В Чайнатауне? Там что, магазины допоздна открыты?

Однажды я сказала Аннет, что Ма работает в Чайнатауне, и не мешала думать, будто она продавщица в магазине.

Я решила частично приоткрыть правду.

— Помнишь, я как-то говорила, что мы работаем на фабрике?

— Ну, что-то припоминаю... — И тут до нее дошло. — Ты что, всерьез? Но ты же еще подросток! Это же незаконно!

— Аннет, замолчи! — Я нервно оглянулась. В библиотеке, к счастью, оставался всего один посетитель, и тот сидел в дальнем конце комнаты. — Это не из разряда абстрактных идей, которыми забита твоя голова. Это моя жизнь. Если ты затеешь какие-нибудь демонстрации, мы потеряем

работу. — Я помолчала, потом решительно посмотрела прямо ей в глаза. — Нам очень нужна эта работа.

— Я не стану ничего делать, если ты не захочешь. Но у тебя все нормально?

— Да. Вообще-то все не так плохо, — соврала я. — Там есть автомат с газировкой.

— О, какое счастье, — саркастически заметила она. — Райское местечко, если уж там есть автомат с водой.

— Даже с холодным чаем, — рассмеялась я.

— Что ж, ты меня убедила. — Она тоже хихикнула, но тут же посерьезнела. — Спасибо, что рассказала. Ты можешь мне доверять.

Я внимательно посмотрела на подругу. Аннет стала выше ростом, веснушки ее поблекли, но она была все тем же надежным товарищем, который пришел мне на помощь в классе мистера Богарта.

— И еще кое-что.

Раньше я не рассказывала о том, что меня подозревали в списывании, — в основном потому, что панически боялась даже вспоминать об этой истории. Сейчас же я выложила все, начав с прошлогоднего инцидента с Тэмми и закончив предстоящим устным экзаменом.

— Кимберли, и ты до сих пор молчала! Почему ты не сказала, что шпаргалка принадлежала Тэмми?

— Видимо, я на самом деле не слишком умна.

— Нет, ты просто не «до-носи-чик», только и всего. Помнишь, как ты говорила раньше?

Мы расхохотались, но я тут же вспомнила, где нахожусь.

— Ты справишься, — убежденно заявила Аннет. — Ты запросто возьмешь любую подачу.

— Надеюсь. — Сама я не была настолько уверена. — Но они могут придумать очень трудные вопросы.

По вечерам, когда мы возвращались с фабрики, Ма готовила обед на следующий день, чтобы можно было захватить с собой на работу. Потом, если было не слишком холодно, она немножко играла на скрипке — любимая часть дня — и затем до изнеможения занималась английским. Ей предстоял экзамен на получение гражданства. Я делала уроки, Ма зубрила английский, потом, покончив с домашним заданием, я готовилась к собственному предстоящему экзамену.

В четырнадцать лет мне не нужно было самостоятельно проходить

процедуру получения гражданства. Мне давали его автоматически, если Ма сдаст все тесты. Это было важно для получения стипендии колледжа. Ма купила дешевый плеер и, прослушивая вопросы по многу раз, запоминала, что следует отвечать, — просто на слух. Я заглянула в ее записи, там были только фонетические значки, как ноты. Она наверняка понятия не имела, что означают выученные ею фразы. Мои объяснения она вежливо выслушивала, но я не видела ни тени понимания в глазах.

— Вы коммуни? — спрашивала сама себя Ма.

Учебник совершенно четко определял, что на этот вопрос существует только один правильный ответ — «Нет!».

Кем бы ни называла себя Аннет, я точно знала, что утвердительный ответ на подобный вопрос означает проблемы с получением американского гражданства. Мы-то, в отличие от нее, не родились в Америке. Нас запросто могут выдворить из страны.

После разговора с Аннет я решила, что Ма тоже должна знать обо всем. И перед сном рассказала ей всю историю от начала до конца.

Ма гордо вскинула голову, глаза ее блеснули.

— Моя дочь никогда не опустится до списывания.

— Но они все равно опасаются.

— Если ты прям, как стрела, приходится молить о жизни, — вздохнула Ма, процитировав кантонскую поговорку об опасности чрезмерной честности. — Хочешь, я поговорю с учительницей?

— Нет, Ма. — И отказалась я вовсе не из-за языкового барьера. — Никто, кроме меня, не сможет убедить их в моей невиновности. Я должна сдать экзамен.

Примерно за неделю до экзамена Аннет решила, что мне необходимо расслабиться, и, несмотря на протесты и уверения, что нужно заниматься, потащила меня в «Мэйсис». Мы с Ма заходили туда несколько раз купить белье для меня, но всегда чувствовали себя настолько неловко, что спешили убраться как можно скорее. Так что я не представляла, каким образом подобное мероприятие может способствовать расслаблению, но, как всегда, доверилась Аннет.

Если мы с Аннет куда-то выбирались, приходилось лгать Ма, которая считала любые дела, кроме учебы, неважными и вдобавок волновалась, что со мной может случиться что-нибудь ужасное, окажись я вне дома. И наконец, узнай она о наших похождениях, обязательно почувствовала бы себя обязанной Аннет.

В магазине я держалась чуть позади подружки. Она уверенно

подходила к дамам, предлагавшим попробовать духи, и протягивала запястье. Я повторила за ней. Брызги духов приятно охладили кожу. Потом мы долго и тщательно обнюхивали свои руки, хотя такой крепкий запах можно было, наверное, учуять и сквозь стену.

Опробовав духи, мы двинулись вдоль сияющих прилавков, брызгая на себя из каждого тестового пузырька, и скоро трудно было найти свободный участок кожи для очередного аромата. Мы начали с запястий, перешли на руки, затем обрызгали шеи, ключицы и грудь и хихикали как сумасшедшие, а когда уже прощались, я чувствовала себя настоящей красоткой с обложки глянцевого журнала.

Несколько часов спустя, на фабрике, Мэтт, выглянувший мне навстречу из-за парового пресса, замахал рукой перед носом и дико захохотал, сгибаясь пополам.

Я пришла в ужас — он учуял запах даже сквозь густые клубы пара.

Я бросилась в туалет и принялась судорожно отмывать все, до чего могла дотянуться, но избавиться от запаха не удавалось.

Ма испуганно воскликнула:

— А-Ким, что ты натворила?

— У Аннет был с собой пузырек с духами. Она разрешила мне попробовать.

— Попробовать! Да ты, должно быть, искупалась в них!

К счастью, развивать тему Ма не стала.

Но зато вечером, склонившись над книгами, я все еще чувствовала аромат духов, и казалось, что все вокруг пропитано, словно запахом, теплом дружбы Аннет, ее уверенностью во мне. А может, в этом и заключался ее тайный план.

Мистер Джамали выделил мне дополнительные часы для работы в библиотеке. И за это время мне платили, поскольку работала я гораздо больше, чем требовали условия получения стипендии. Я старалась использовать каждую свободную минуту, чтобы после школы оставалось больше времени для помощи Ма на фабрике. Я открыла банковский счет на имя Ма, и мы начали откладывать деньги на колледж.

Интерес к косметике я почти полностью утратила. Дело не в том, что мне безразлична собственная внешность, — конечно, не безразлична, — просто у меня не было стремления стать популярной в школе. Я не понимала, зачем это нужно. Сколько бы Аннет ни раскрашивала мое лицо, я всегда помнила, какая я на самом деле. Да и потом, я была слишком занята: библиотека, фабрика, школьные занятия, доклады, домашние

задания и тесты. Помимо страха перед предстоящим устным экзаменом, я постоянно волновалась, что могу столкнуться с чем-либо абсолютно непонятным. Если я не разберусь с какой-нибудь темой или заданием, Ма ничем не поможет. Сама она хорошо успевала только по музыке, а с учетом языковых проблем и разницы в методиках, она никак не могла быть мне полезна. Ма говорила, что Па блестяще учился, у него были исключительные способности к языкам и математике, так что, видимо, я унаследовала таланты от него. Меня это всегда обнадеживало и успокаивало, но сейчас я предпочла бы, чтобы он сам оказался рядом.

Я хотела вырваться из изнурительной круговерти нынешней жизни, сбежать от постоянных страхов: я боялась учителей, боялась каждого нового задания, боялась Тети Полы, боялась, что мы никогда не сможем выбраться из трущоб. Однажды я случайно взяла в библиотеке журнал «Автомобиль и водитель». Пролистывая фото роскошных кабриолетов, я вдруг поняла — вот оно. Вот то, что мне надо. Автомобильные журналы стали моим прибежищем. В мечтах я неслась по ночному городу за рулем «корвета», и мне не нужно было заполнять налоговые декларации для Ма и вообще отвечать за все, требующее знания английского. Я вечно опасалась ошибиться, боялась, что в дверях появится инспектор, требуя ответа на вопросы, которых я даже не понимаю.

Как-то раз я листала старый номер «Сайкл», подаренный мистером Джамали, внимание привлекла статья о мотоциклах. Сначала я не могла понять, с чего вдруг одна из моделей кажется странно знакомой, но потом различила рисунок с индейцем на бензобаке. Игрушечную копию этого мотоцикла я видела в руках у Парка.

За работой я посматривала в сторону малыша. Он опять сбежал от матери, но пока не доставлял никому проблем, люди его почти не замечали. Сейчас, к примеру, он стоял рядом с одной из швейных машин, замороженно следя за вращением колеса. И, как обычно, сжимал в руках игрушечный мотоцикл.

— Я его до смерти боюсь, — бросила соседке швея, не прерывая работы. — Пошел бы он на кого другого глазеть, что ли.

— Только не на меня, — рассмеялась та.

— Счастье, что он не мой ребенок.

Она назвала Парка умственно отсталым. Меня задело это замечание, но потом я призадумалась — а что, если проблема Парка и в самом деле гораздо глубже, чем обычная глухота?

Скорее из желания удивить женщин я окликнула малыша:

— Парк, у меня тут статья про твой мотоцикл.

Невероятно, но он тут же повернулся ко мне, явно заинтересованный. Обе швеи замерли.

— Вот, смотри.

Он схватил журнал, поднес к самому лицу и принялся вертеть перед глазами, разглядывая картинку с мотоциклом.

Я осторожно отобрала статью и прочла начало:

— «Индийский Вождь» выпуска 1934 года, настоящая классика, со знаменитым логотипом на бензобаке. Завод компании в Спрингфилде называли «Вигвам»...

Я умолкла, обе швеи и Парк не отрывали от меня глаз. Потом женщины что-то шепнули друг другу и вернулись к работе. Я протянула Парку журнал:

— Мэтт прочтет тебе остальное.

Очень медленно губы мальчика начали растягиваться в улыбке. Похоже, малыш не привык улыбаться. А он симпатичный. И очень похож на Мэтта.

Парк перехватил брата по дороге в туалет, демонстрируя журнал. Они вместе полистали его.

Примерно через час Мэтт заглянул ко мне:

— Спасибо. Где ты его раздобыла? Давай я заплачу.

— В школе. Не беспокойся, он достался мне бесплатно.

— Ух ты. Ты, должно быть, на хорошем счету.

Я уставилась в пол.

— Вообще-то нет.

— Как это?

— Они считают, что я мухлюю. То есть списываю на тестах.

— Ты? — удивился Мэтт. — Они что, не в своем уме?

Его вера в меня радовала.

— А откуда ты знаешь, что я безгрешна?

— Дурной человек не был бы так внимателен к Парку. — Мэтт бросил взгляд из-под пушистых ресниц.

Я покраснела. И, чтобы сменить тему, задала вопрос, мучивший меня весь день:

— А почему ты всех обманываешь, что он глухой?

— Не понимаю, о чем ты, Кимберли.

— Просто скрываешь?

— Что?

— Что он не говорит. Не умеет говорить, немой.

Мэтт помолчал, а потом печально произнес:

— Никогда не слышал, чтобы он говорил. Даже когда был маленьким. Только отдельные звуки. Лучше бы это был я. Я бы справился.

— В смысле, родился таким?

Он кивнул. Речь шла не только о глухоте и немоте. Проблема Парка определенно была глубже. Слова Мэтта меня растрогали. И я поняла, почему он пытается скрыть недостатки брата. В китайской культуре позорное пятно ложится на всю семью, будто они заразные.

— Ах, ты бы справился? Не думала, что ты такой непрошибаемый, — поддразнила я Мэтта, пытаясь вывести его из меланхолии.

— А что тогда говорить о тебе, — усмехнулся он.

С тех пор Мэтт изображал азбуку глухонемых только перед другими, но не со мной. Постепенно я выучила некоторые из знаков Парка и понимала большую часть того, что он хотел сказать. Со мной Мэтту уже не надо было напрягаться. Теперь, когда между нами завязались отношения, он уже не игнорировал меня, как остальных, а я была рада, что нашелся человек, разделяющий мои увлечения. Я могла сколько угодно болтать о двигателях и цилиндрах, а он кивал, хотя по-прежнему не смотрел в глаза. Я часто приносила на фабрику автомобильные журналы и показывала Парку, какие модели мне больше всего нравятся.

Накануне устного экзамена предстояла отправка очередной партии товара с фабрики, поэтому домой мы вернулись около двух часов ночи. Я до рассвета зубрила и вообще не спала. Натянув на себя сшитый Ма из игрушечного плюша балахон и завернувшись в несколько слоев тряпок, я все равно не могла уснуть. В темноте ночи, наполненной моим страхом, лишь мамина фигура на кровати давала ощущение покоя и надежности.

— Тебе не надо было ходить на фабрику со мной, — пробормотала сквозь сон Ма. — Я не должна была тебе позволять. У тебя завтра слишком важный экзамен.

— Ты бы без меня не справилась.

— Давай я заварю тебе чаю.

— Ма, мне нужно заниматься, спи.

Утром, стоя у доски, я вся дрожала. Первые два ряда занимали доктор Коупленд и преподаватели математического и естественно-научного отделений. Больше никого не было. Спинки пустых стульев образовывали круг недоверия. Я чувствовала себя огородным пугалом на ветру. Порыв чуть сильнее — и вот я падаю, рассыпая обрывки тряпок, из которых сделана, и ничего не остается от меня, от моего будущего, от того, кем я хотела бы стать. Недостаток сна, безусловно, повлияет на способность

сосредоточиться. Что, если я запутаюсь и они действительно решат, что я все это время жульничала?

Поднялся мужчина в голубой рубашке. Я знала, что он преподает химию в старших классах. Он молча, внимательно глядя сквозь очки, протянул мне листок с периодической таблицей.

Потом все же заговорил:

— Доброе утро, Кимберли. Не могла бы ты рассказать нам, как записать формулу ионных соединений, образованных следующими элементами: никель и сера, литий и кислород, висмут и фтор?

Я читала о том, как выводить подобного рода формулы, но сама никогда этого раньше не делала.

— Можно листок бумаги?

— Доска в твоём распоряжении.

Взяв в дрожащие пальцы кусочек мела, я принялась за работу.

Прошло много времени, прежде чем я закончила. В аудитории повисла гробовая тишина. А затем, сперва очень медленно, один за другим, учителя начали аплодировать. Испуганно вздрогнув, я замерла у доски, вся усыпанная мелом, а глава естественно-научной кафедры взволнованно бросилась ко мне.

— Боюсь, я недооценила тебя, Кимберли. — Она протянула мне руку и, широко улыбаясь, продолжила: — Спасибо за урок. Я счастлива, что у нас учится такая блестящая студентка.

В итоге я перескочила не через один год по естественным наукам, а через два.

— Мне нужно сегодня передать кое-что отцу. Хочешь посмотреть, где он работает? — Над горой кремowych сорочек появилась физиономия Мэтта.

— Конечно.

Я жутко удивилась. Разве Мэтт не говорил, что у него нет отца?

С работы я сбежала пораньше, объяснив Ма, что много домашних заданий. Не самое обычное для меня поведение, но желание побыть с Мэттом несколько часов было слишком велико.

— А как ты отпросишься?

Мэтту легче было уйти раньше. Теперь, когда он работал у парового пресса, его считали взрослым. Он мог приходить и уходить в удобное для себя время, если выполнял дневную норму. Зачастую при этом приходилось задерживаться допоздна, как и нам с Ма.

— Не переживай, я все устроил.

Видимо, это означало, что вечером он вернется на работу.

Мэтт ждал меня внизу, с велосипедом. К багажнику была прикреплена большая зеленая коробка, на которой замысловатыми буквами, струящимися от пышных усов нарисованного итальянского красавца, написано: «Пицца Антонио».

— Где ты это раздобыл?

— Моя вторая работа. А ты и не подозревала, сколько у меня талантов.

— Откуда у тебя время на такую работу? Еще ведь школа и все такое.

— А, школа не отнимает много времени. — Он отвел глаза, и я поняла, что Мэтт бросил школу ради этой работы. Его мама наверняка ничего не знает.

Он решительно перебросил ногу через раму.

— Давай, садись.

Я не очень поняла — куда именно, единственным местом оставалась коробка, туда я и залезла. Поерзала немного, устраивая ноги, чуть не ударив при этом Мэтта, и в завершение осторожно ухватилась за нижнюю часть сиденья. Мэтт нажал на педали, и, чуть покачиваясь, мы медленно двинулись вперед.

Но потом он прибавил скорости.

— Уверена, что не хочешь держаться за меня? — предложил он. — Так будет надежнее.

— Все нормально. — Мне ужасно хотелось обнять его сзади, но я и без того невероятно смущалась от близости его тела.

Толпа испуганно расступалась перед нами, образуя своеобразный тоннель, люди буквально отпрыгивали в стороны.

— Ты, налетчик! — прокричала вслед какая-то женщина. «Налетчик», как я знала, — гангстер, один из тех парней, что болтаются на улицах. Определенно не комплимент.

— А у тебя свиной пяточок, узкоглазая! — огрызнулся Мэтт через плечо.

Я виновато оглянулась, а он тем временем резко свернул, уворачиваясь от грузовика, велосипед перескочил бордюры, и мы понеслись по тротуару, потом вновь вернулись на мостовую. Мэтт притормозил у Китайско-Американского банка, и я подумала, что его отец там работает. Но оказалось, он просто засмотрелся на симпатичную девицу в узких джинсах. На миг я возненавидела их обоих. Вскоре мы выехали из Чайнатауна, движение стало менее плотным.

Мы приближались к Бауэри, я поправила волосы и начала успокаиваться. Сбывались заветные мечты о поездке на большой скорости.

Дома стремительно пронеслись мимо, ветер пронизывал насквозь, но я совсем не замерзла — Мэтт ведь был так близко. Закатное солнце золотило лицо. Впереди, над крышами домов, кружил голубь, устремляясь в небеса.

— Страшно? — на миг обернулся Мэтт.

— А ты старался меня напугать? — Счастье, заполнявшее меня, казалось, разливалось на весь мир.

— Не-а, ты же все равно не станешь за меня держаться. Есть у тебя один большой недостаток. — Он имел в виду, что я смелая.

Мы въехали в какой-то переулок. Я понимала, что мы все еще на Манхэттене, поскольку не переезжали через мост, но где конкретно — не представляла. Остановившись у пустого здания, Мэтт придержал велосипед, пока я слезала. Неподалеку, прямо на асфальте, устроился бездомный со своей тележкой. Все окна заколочены, но откуда-то сверху доносился детский плач. На пожарных лестницах сохло белье, за углом гомонили по-испански. Я старалась дышать через рот, уж очень воняло мочой и бензином, но в результате во рту появился омерзительный привкус. Все вокруг напоминало наш район.

Мы спустились на несколько ступенек к двери заброшенного здания. Похоже, это место служило мусорным баком. Мэтту пришлось отбросить с дороги пустую жестянку и грязный комок — по виду, туалетной бумаги, — расчищая подходы к двери. Стеклоанное окно было полностью заклеено пожелтевшими газетами. Приглядевшись, я разобрала китайские иероглифы.

Мэтт постучал — видимо, условным стуком. Здание казалось давно опустевшим, поэтому я удивилась, когда уголок газеты осторожно отогнули и в отверстии блеснули чьи-то глаза.

— Ву, это твой парень, — донесся мужской голос.

Дверь отперли. Мне было любопытно, но совсем не страшно: я же с Мэттом. Мужчина растворился в глубинах мрачного коридора, казавшегося еще теснее из-за коробок, громоздившихся с одной стороны. Непонятная лестница сбоку вела в никуда. На куче старых журналов валялось старое велосипедное колесо, все гнутое и покореженное.

— Это твой прошлый велик? — шепнула я Мэтту.

Он фыркнул, и мы вошли наконец в зал, полный людей. Кажется, раньше здесь был бар. В воздухе висели клубы дыма, кучки китайцев сгрудились вокруг стола, заваленного деньгами. Потрепанные купюры тщательно сложены в стопочки, а по центру стола — бесформенная куча наличных. Помещение постарались полностью скрыть от посторонних взглядов, но тоненькие лучи дневного света все же просачивались сквозь

щели в деревянных ставнях, выхватывая потускневшую бронзу на барной стойке.

В мутном желтом свете электрических ламп Мэтт смотрел на меня, словно спрашивая, правильно ли он поступил, приведя меня сюда. Признаваясь, в каком отвратительном месте проводит время его отец, он терял лицо, — значит, я была ему ближе всех остальных. Я коротко кивнула. Мэтт успокоенно отвернулся.

Мужчины заметили меня.

— Здесь не место для туристов, — бросил один.

— Она со мной. — Мэтт отыскал в углу стул, усадил меня, а сам встал рядом, закрывая от собравшихся.

На столе лежало столько денег, что я, кажется, даже почувствовала их кисловатый запах.

— Эй, глотните-ка, ребята! — Мужчина за стойкой подтолкнул нам пару открытых бутылок пива.

Я никогда раньше не пробовала спиртного. Осторожно пригубила — горько, чуть не расплакалась, но сумела скрыть отвращение. Потом я лишь чуть-чуть отхлебнула из бутылки, но Мэтт пил как ни в чем не бывало, будто для него это обычное дело.

Мужчины вернулись к игре. Мэтт подошел к тому, что сидел прямо перед нами, похлопал его по плечу. Должно быть, это отец Мэтта. Тот раздраженно обернулся, недовольный тем, что его прервали. Тогда Мэтт протянул тонкий конверт. Папаша открыл, удовлетворенно кивнул и тут же добавил содержимое к куче денег на столе. И просто махнул Мэтту, чтобы тот уходил, — ни благодарности, ни доброго слова.

Мэтт, понурившись, вернулся ко мне, стараясь не смотреть в глаза. Я подскочила и крепко сжала его руку. Пытаясь замаскировать импульсивность жеста, потянула его вниз, присесть на освободившийся стул.

— Посиди, я хочу посмотреть.

С этой выгодной позиции я могла рассмотреть карты, лежащие на столе. Голова слегка кружилась от алкоголя и табачного дыма, но меня увлекла эта китайская игра, совсем непохожая на западные. Мне даже показалось, что я начинаю видеть в ней определенную систему.

Зазвонил телефон.

— А-Ву, это тебя, — позвал бармен.

Отец Мэтта поднялся с места. Разговаривая, он ходил туда-сюда, и я впервые смогла рассмотреть его лицо. Ясно, в кого пошел Мэтт. Отец его был очень красив — густые брови придавали несколько демоническое

очарование лицу, без этой детали ставшему бы смазливym. А еще в нем была какая-то беспечность, безрассудство — он так небрежно размахивал руками, нимало не беспокоясь, кого или что может задеть. Костюм его когда-то очень дорого стоил, уж в этом-то я разбиралась, и туфли были до блеска начищены. Интересно, чему Мэтт мог научиться у такого человека. Уж точно ничему хорошему.

— Луиза, — говорил он в трубку, — я задерживаюсь. Не беспокойся, детка, я скоро буду. Нет, не играю, не волнуйся. — И подмигнул приятелям.

— Его подружка, — небрежно бросил Мэтт в ответ на мой вопрошающий взгляд. — Он с ней живет.

Ясно, что деньги, принесенные Мэттом, передала не его мать. Наверное, это заработок Мэтта от доставки пиццы, ради которого он бросил школу. Я все поняла — я бы тоже пошла на что угодно, чтобы защитить Ма, и простила бы ей любой грех. Наверное, по моим глазам легко было прочесть мысли, потому что Мэтт стремительно отвернулся, не в силах вынести мое сочувствие.

Возвращаясь на свое место за столом, папаша Мэтта, кажется, впервые заметил меня. Задержался, помахав картами перед моим носом:

— Как бы ты сыграла, крошка? Дамам везет.

Гомон за столом стих.

— Па, избавь ее от этого, — поднялся Мэтт.

— Все в порядке. — Я-то знала, что удача не имеет к этому никакого отношения. И запросто могла вычислить статистическую вероятность. Поэтому без колебаний ткнула пальцем в даму пик и семерку бубен.

— Вот как... — задумчиво пробормотал отец Мэтта. — Странно... но, может быть... если...

Он медленно вынул эти две карты и бросил их на стол. Раздался недовольный рев, несколько мужчин злобно покосились на меня. Когда возмущение улеглось, отец Мэтта сгреб со стола все деньги.

Улыбка от уха до уха демонстрировала золотую коронку на зубе. Отхлебнув из стакана, он подошел к нам. Потрепал меня по голове, как собачонку.

— Отличная девчонка. Она достойна сына старика Ву.

Слова пьяного игрока прозвучали для меня благословением. Мэтт тоже, казалось, гордился, хотя и переминался с ноги на ногу в нерешительности — сбежать нам сразу или чуть погодя.

Разумеется, тут же раздался хор голосов.

— Присядь-ка с нами, — орали мужчины. — Мы тоже хотим выиграть.

— Нет, она останется со мной. — Пятнадцатилетний Мэтт решительно встал между мной и кучей картежников.

Вот тут-то я готова была испугаться по-настоящему, но, к счастью, кто-то захохотал:

— Ладно, ладно. Но приводи ее еще. Нам всегда нужно немножко удачи.

Мэтт никогда больше не брал меня с собой. Думаю, он полагал, я увидела все, что он хотел мне показать. Он открыл позорную тайну, и я молча приняла ее. С этого момента наши отношения стали иными — в них появилась надежда на доверие и открытость и, может, даже на любовь.

Тогда еще речи не шло о другой девушке.

Глава десятая

К десятому классу, несмотря на постоянные проблемы с английским, я стала одной из лучших учениц. В отличие от остальных, результаты своих тестов я сразу же прятала и никогда их не обсуждала.

Источником информации для меня оставалась Аннет. Как-то вечером она по телефону рассказала:

— Ты не поверишь, какие слухи о тебе ходят. Я слышала, как Джулия Вильямс говорила, что ты никогда не спишь и никогда не учишь уроки.

Я и вправду мало спала, но откуда об этом могла знать Джулия Вильямс, девочка с золотистыми локонами? Уроки я делала только во время коротких перерывов на фабрике и еще в метро. Домой мы обычно возвращались после девяти. Покончив с домашними заданиями, я была уже настолько измучена, что падала на свой матрас и мгновенно засыпала.

Аннет замолчала, в трубке пощелкивало.

— *А правда*, как ты это делаешь?

— Делаю что?

— Учишься. К примеру, прошлый тест по истории — я ведь знаю, ты почти не учила. За день до теста ты даже не читала учебник.

— Сама не понимаю. Это вроде как родиться с дополнительной головой.

Но, если откровенно, сейчас, когда я свободно говорила по-английски, академические успехи не казались мне столь уж впечатляющими. Я просто выполняла задания максимально старательно, а на тестах выкладывала все, что выучила. Порой приходилось готовиться в последний момент, но готовилась я всегда. Школа была моим билетом в другую жизнь, а простого пребывания в привилегированном учебном заведении недостаточно; необходимо было заслужить стипендию престижного колледжа и быть там достаточно заметной, чтобы получить хорошую работу.

В десятом классе я записалась на курсы подготовки к колледжу, дававшие возможность получения стипендии, хотя они предназначались для выпускников. И в конце года получила на всех экзаменах высший балл. За подобные подвиги я заслужила уважение и легкую ревность одноклассников, но не то, о чем мечтала, — не дружбу. Если не считать Аннет, я была одинока. Хотелось быть частью школьного сообщества, но я не знала как.

Кожа моя очистилась, и Ма даже позволила отпустить длинные

волосы. Фигура у меня была идеального шестого размера, иногда я могла прихватить бракованные вещи с фабрики и одеться менее убого. Но обязательства перед Ма и фабрикой не оставляли пространства для социальных амбиций. И даже будь они, меня воспринимали — а может, я такой и была — как слишком серьезную девицу. Я никогда не ходила на танцы или вечеринки.

Если меня куда-то приглашали, я всегда находила предлог отказаться, даже не спрашивая позволения у Ма. Приходилось держаться на расстоянии от других девочек; я понимала, подружись мы — и меня тут же пригласят в гости, а я не смогу пойти. Я и так лукавила время от времени, чтобы повидаться с Аннет, а если появится еще кто-нибудь, мне не справиться.

В конце концов, у меня была Аннет, принимавшая мое поведение, хотя и не знала подробностей моей жизни. Частенько она заглядывала в библиотеку в мои рабочие часы и постепенно стала восторженной поклонницей мистера Джамали. Наедине она только и говорила, как он невероятно мудр да как он красив. Симпатии Аннет всегда были крайне пылки. А разочарования — мимолетны, они не наносили серьезных ран ее сердцу. Она влюбилась даже в Курта, после того как тот расстался с Шерил. Целых две недели Аннет бредила тем, какой он артистичный, какой творческий и свободный. В прошлом году Курт перестал носить стильную дизайнерскую одежду и теперь везде появлялся в поношенных джинсах и старой футболке под форменным школьным пиджаком. Но спустя некоторое время Аннет сочла, что он скучный, поскольку слишком много девчонок с ума сходили по нему. Все это, разумеется, происходило без всяких контактов с самим Куртом. Но для Аннет страстное увлечение означало больше, чем просто чувство; она приходила в восторг, когда я притворялась, что мне нравится тот же самый парень, — тогда мы могли вместе обсуждать его, как порой приятели обсуждают общие увлечения, вроде бейсбола.

Мне нравилась эта игра — казалось, что у меня тоже нормальная жизнь. Наши разговоры давали шанс воображать, что я богаче и лучше, чем на самом деле. Мне по-прежнему трудно было рассказать кому-то, в каких условиях мы живем, раз уж все равно не было шансов на изменение ситуации. Мы давным-давно оставили надежды на то, что Тетя Пола чем-нибудь поможет. Мы продолжали выплачивать долг, свободных денег почти не оставалось. С трудом могли позволить себе необходимое, вроде новых туфель, когда я вырастала из старых. Можно было только мечтать, что наш дом когда-нибудь действительно снесут и тетка вынуждена будет

переселить нас.

В другой своей жизни я испытывала постоянный восторг и волнение от присутствия рядом Мэтта — неважно, работал он у пресса или приходил к нам в перерыве. Казалось, всякий раз он появляется в облаке света — так много я думала о нем и так ему радовалась. Каждая деталь его лица, его руки, одежда отпечатались в моем сознании.

Однажды я даже опрометчиво заметила:

— На тебе штаны как-то не так сидят.

— В каком смысле?

— Не пойму, просто как-то необычно смотрятся. — Я запинаясь, ступив на зыбкую почву.

Он странно посмотрел на меня, а потом признался:

— Вообще-то, если хочешь знать, это, наверное, потому, что я сегодня не надел трусы.

Я деланно рассмеялась, как будто услышала забавную шутку, хотя обычно я легко смеялась над подобными вещами, но на самом деле я настолько хорошо изучила задницу Мэтта, что была уверена: он сказал правду. Я никогда не осмелилась бы спросить о причине, но тут же предположила, что просто кончилось чистое белье.

В редких случаях, когда у нас с Мэттом и Парком было свободное время, мы гуляли по городу. Как-то раз, встретившись с ребятами у выхода, я увидела, что Парк чинит цепь на велосипеде Мэтта, а старший брат только смотрит.

— Ну что тут скажешь, руки у меня не тем концом вставлены, — пожал плечами Мэтт. Но тут же поспешил добавить: — Зато остальное тело просто божественно.

Игривые намеки Мэтта волновали меня, но вместе с тем я чувствовала себя рядом с ним гораздо более неловко, чем раньше. Сделав вид, что не расслышала его замечания о достоинствах тела, я наклонилась к Парку. Он и в самом деле все мастерил очень сноровисто.

— Научишь меня как-нибудь? — попросила я, глядя, как он натягивает цепь.

Парк, как обычно, кивнул, не поднимая глаз. Я с улыбкой похлопала его по плечу.

— Когда вы, механики, закончите, — вмешался Мэтт, — можно мне получить обратно свой велик, пока пиццерия не закрылась? Итальянцам и так нелегко в Чайнатауне.

Во многих отношениях с Парком мне было проще, чем с Мэттом.

Внешне казалось, что мы с ним друзья, и я жила ожиданием моментов, когда можно поболтать и посмеяться вместе. Однако чувство было таким сильным, что, оказавшись рядом, я порой едва могла дышать. Но всегда старалась сохранять дистанцию между нами, словно Мэтт был для меня чем-то запретным. Стоило ему чуть коснуться меня, и я отстранялась всем телом, будто меня ужалили, а Мэтту, похоже, нравилось прикасаться ко мне, он часто клал мне руку на плечи. Наверное, я подсознательно опасалась, что стоит нам сократить дистанцию — и все, ради чего я трудилась, все, в чем моя суть, рухнет.

Какой же дуручкой я была. Нужно было хватать его, пока он принадлежал мне одной, хватать быстрее, как спелый плод манго на рынке. Но откуда мне было знать, что это и есть любовь?

Она поджидала Мэтта у ворот фабрики, и в ней было все, чего недоставало мне. Игривая юбочка, идеальный маникюр, томные глаза, говорящие: «Защити меня». Стоило ей качнуть головой, и воздух наполнялся ароматом диких цветов. Да, волосы у нее были коротко подстрижены, но это лишь подчеркивало изящную длинную шею. Даже сейчас я считаю ее женственной куколкой, манипулировавшей им при помощи своей слабости, но Вивиан всегда при встрече тепло улыбалась мне, в то время как остальные девицы неизменно насмехались над моей нищенской одеждой. Ну и если быть до конца откровенной, она обладала теми достоинствами, которые напрочь отсутствовали у меня. И даже большими.

Я решила выяснить, как они познакомились. Ходили слухи, что ее отец был одним из лучших портных в Сингапуре, а здесь, неподалеку от дома Мэтта, у него лавочка, специализировавшаяся на продаже дорогой одежды ручной работы. Вивиан помогала отцу и частенько видела Мэтта, проезжавшего мимо; однажды они встретились, разговорились и постепенно подружились. Я, конечно же, подозревала, что Вивиан не случайно вышла из магазина в нужный момент, но кто бы стал ее винить?

Сначала она была на пару дюймов выше Мэтта. Но с течением времени она словно становилась меньше, а он рос, пока не стал возвышаться над ней, покровительственно закрывая новым мужским телом и обнимая сильными руками ее хрупкие плечи. Со мной Мэтт был все так же добр, но в нем появилась некоторая отстраненность, словно часть его все время пребывала рядом с Вивиан. Я порой смотрела, как они идут по улице, удаляясь, и боль потери терзала меня.

В январе, катаясь на лыжах, Курт сломал ногу. Из-за операции он застрял в Австрии на несколько недель. Мне тогда как раз исполнилось шестнадцать. Мы с Куртом почти не общались после инцидента с Тэмми в восьмом классе, когда он защитил меня перед доктором Коупленд, но по-прежнему учились вместе. Курт был полностью поглощен самореализацией, исполняя обещание стать особенным. Его живописные работы и деревянные скульптуры вызывали бешеный восторг нашей кафедры искусств. В прошлом году он получил приз на Фестивале изобразительного искусства. И даже я вынуждена была признать — он очень симпатичный. Однажды я видела, как покраснела преподавательница латыни, разговаривая с ним.

И вот зимним вечером в нашей квартире зазвонил телефон. В половине десятого это могла быть только Аннет, и я спокойно сняла трубку, но оказалось, что звонил Курт. Я так удивилась, что даже забыла спросить, как его нога.

— Слушай, Кимберли, я вернулся в Штаты, но еще месяц мне нельзя вставать с постели. Честно говоря, я и так на пороге исключения, а если еще не буду ходить на занятия так долго, я погиб. Если ты мне не поможешь.

— Я не подозревала, что у тебя такие проблемы.

— Оценки на грани неудовлетворительных, да плюс еще несколько прошлых грешков. Помнишь пожарную тревогу накануне рождественских каникул?

— Так это ты? — Тогда было много шума: всех эвакуировали, понаехало пожарных машин в кампус, занятия отменили, мы несколько часов дрожали на холоде.

— Ага. Меня собирались выгнать, но родители использовали все рычаги. Пришлось принести письменные извинения и клятвенно пообещать, что отныне стану пай-мальчиком. Я честно старался, но сейчас чувствую, что вишу на волоске.

Я задала вопрос, который крутился на языке с первого мига, как услышала его голос в трубке:

— Но почему я? Любой был бы рад помочь тебе.

— Брось, Кимберли. Умнее тебя у нас в школе никого нет. А мне нужна серьезная помощь. Старики уже пригрозили отправить меня в пансион, если что.

Я согласилась передавать с его младшим братом конспекты уроков. Он будет копировать их и на следующий день возвращать. Другие ребята тоже отсылали Курту записи — наверное, по математике и естествознанию.

Иногда Курт звонил мне с вопросами. Причем всегда поздно вечером. Словно дожидался, пока я вернусь домой. Он никогда не спрашивал, где я провожу целые дни, за что я была крайне признательна. По математике и естествознанию я опережала его на несколько лет, но предыдущий материал помнила прекрасно, поэтому могла объяснять темы, которые он изучал сейчас.

Впрочем, он не стал скрывать наших отношений. Вернувшись наконец в школу на костылях, Курт демонстрировал особое внимание ко мне. При каждом удобном случае садился рядом, и я, некоторым образом, вошла в его ближний круг. Не знаю, делал он это из чувства искренней благодарности или просто был хорошо воспитан. Но в итоге меня начали считать своей самые популярные в школе персонажи, хотя по-прежнему не особенно любили. Девушки стремились находиться в моем обществе, воспринимая меня «особой, приближенной к...», но держались настороженно и холодно. Совсем не то что Аннет, которая, радуясь внезапному изменению моего статуса, оставалась единственной настоящей подругой.

С ростом псевдопопулярности пришло и внимание мальчиков. Не всех, разумеется. Многие все так же не замечали меня, но были и те, кто стремился познакомиться поближе. Мне почему-то было с ними легко. Мэтт, как романтический герой, исчез из моей жизни, и, казалось, вся робость и стеснительность достались ему, а с остальными существами мужского пола я чувствовала себя свободно.

Девушки скептически оглядывали мои дешевые наряды, и их комплименты были далеки от искренности, но каждый выходной, стоило вернуться с фабрики, раздавался телефонный звонок — очередной парень. Привалившись к обшарпанной стене, поигрывая телефонным шнуром — намотать на палец, размотать, опять намотать, — я вела долгие беседы, а когда оставляла в покое шнур и вешала трубку, телефон звонил вновь. Ма приходила в неистовство от всего этого, особенно потому, что болтала я поздним вечером. Разговоры по телефону с мальчиками вообще неприличны, а уж в темное время суток — просто выходит за всякие рамки.

Сама Ма обычно коротко отвечала: «Кимберли нет дом» — и тут же вешала трубку. Если же мне удавалось добежать до телефона первой, Ма все время вертелась рядом, периодически восклицая: «Обедать! Обедать!» — новое английское слово, которое она выучила. Ма нервничала еще и потому, что не понимала, о чем это я говорю с мальчиками, но волноваться не было оснований. Речь обычно шла о всяких пустяках —

домашние задания, мотоциклы, противные учителя.

Я не считала себя симпатичной. На китайский вкус я выросла слишком костлявой и долговязой, а сложности макияжа и искусства одеваться оставались для меня тайной за семью печатями, несмотря на все старания Аннет. Я не была ни красавицей, ни забавной, ни хорошим товарищем или особенно внимательным слушателем. Во мне не было ничего, за что мальчишки влюбляются в девчонок. Обычно, говоря по телефону, я прикрывала глаза и слушала тихое гудение телефонной линии на фоне нашей беседы. Зато я понимала, чего хотят эти парни, — свободы. Свободы от родителей, от собственной банальности, от груза возлагаемых на них надежд. Понимала, потому что сама хотела того же. Парни были моими соучастниками в разработке плана побега. Тайна моей привлекательности состояла в способности понимать и принимать их.

В перерывах между занятиями я прогуливалась под ручку с мальчиками. Именно от этого предостерегала меня Ма, что делало прогулки еще более увлекательными. Мне приходилось подчиняться столь многому и многим, что я не могла отказать себе в удовольствии распорядиться хотя бы своим телом. Я готова была зайти довольно далеко в романтических экспериментах — насколько это возможно за пятьдесят минут на территории школы, — но парни явно не имели в виду ничего серьезного.

— Не понимаю, как тебе удается сохранить хладнокровие, — говорила Аннет. — Ты что, ни разу не влюблялась?

Но дело в том, что парни никогда не интересовали меня в том смысле, какой имели в виду другие девчонки. Меня не интересовали вопросы вроде «позвонит — не позвонит», пригласят ли меня на танцы, в кино или на вечеринку. Несмотря на неожиданный доступ к популярным в школе фигурам, мне было безразлично, насколько известен мальчик, хороший ли он спортсмен. Мне, разумеется, больше нравились привлекательные, порой даже красивые парни, но вполне могли покорить и застенчивая улыбка, и форма рук. Юноши «Харрисон» все равно оставались для меня лишь мечтой — восхитительно сладостной, но призрачной. Отрезвляющей реальностью был оглушительный грохот швейных машин, обжигающий холод нетопленной квартиры. И Мэтт. Невзирая на Вивиан, Мэтт оставался реальным.

Хотя Курт и вернулся в школу, мы с ним продолжали заниматься раз в неделю. В основном математикой, приводившей его в ужас. В школе это считалось моей официальной работой, что поначалу даже радовало. Но, как

только для Курта миновала угроза отчисления, он принялся за старое. Порой даже являлся на наши занятия с косячком в зубах. И независимо от того, под кайфом или нет, никогда не упускал возможности пофлиртовать со мной. Я не принимала его всерьез, поскольку точно так же он вел себя со всеми девушками. Видимо, просто тренировался, чтобы не терять форму.

Томный взгляд голубых глаз, возможно, и таил в себе нечто загадочное, но мне казался слишком пустым, чтобы очаровать. Он не интересовался ни математикой, ни вообще точными науками и почти не готовился к занятиям, что ужасно меня раздражало. Несколько раз он опаздывал или вообще не приходил.

Я знала, что, работая над скульптурой, он забывал о времени. У него был свой угол в большой мастерской, и там он хранил деревянные блоки, из которых постоянно что-то вырезал.

Однажды я, не выдержав, спросила:

— Зачем тебе эти занятия, Курт?

— А ты не догадываешься? — игриво приподнял он бровь.

— Может, тебе лучше подыскать другого учителя, поостроже? — Мне казалось, я попусту теряю время.

Он явно встревожился.

— Нет, нет. Ты мне нравишься. Иногда я даже понимаю материал после твоих объяснений.

— Это должно происходить не иногда, а постоянно. Ты невнимательно слушаешь.

— Точно. Но для меня и иногда — хороший результат.

— Ты постоянно заигрываешь со мной. Мне было бы гораздо приятнее, если бы ты просто выполнял домашние задания.

— Ладно, прости. Дурная привычка. А у тебя такие красивые ноги.

Я гневно сверкнула глазами, и он поспешил исправиться:

— Упс, ошибочка вышла. Но дай мне шанс, а?

После того разговора Курт действительно исправился. Перестал приходить обкуренный и почти не опаздывал. Домашние задания он по-прежнему почти не делал, но явно старался быть внимательнее на занятиях. Я поняла, что парень далеко не глуп, просто его совершенно не интересовала учеба. Полная противоположность мне.

Обнаружив, что на своем рабочем месте он чувствует себя увереннее, я старалась почаще встречаться с ним там. Курт вытачивал из дерева абстрактные фигуры, клеивал, а затем полировал. Я рассматривала скульптуру, похожую на упрощенное изображение китайского иероглифа

«вода», — вертикаль с двумя горизонтальными чертами по бокам.

— Это, конечно, красиво, но почему ты никогда не изобразишь что-нибудь более жизненное? — поинтересовалась я.

— Если согласишься позировать, может, и сделаю.

В ответ на мое раздражение он вздохнул:

— Хочешь верь, хочешь нет, но некоторым девушкам нравится, когда я так говорю. — И заговорил уже серьезно: — Понимаешь, если изображение абстрактно, оно становится выражением того, что ты хочешь сказать. Как слово или символ. Или ваза, которую можно наполнить чем хочешь.

Мне не понравилась идея множественности выбора.

— Но значит, сама по себе она пуста.

— В этом и есть красота. Не должно быть никакого определенного значения.

— Я не могу жить без цели.

— Ты ведь имеешь в виду не разные глупости, верно?

— Например?

— Деньги, одежда.

Я невольно рассмеялась.

— И это тоже. Мне это необходимо.

— Все нет, неправда. Я наблюдал за тобой — тебе безразлично то, что заботит остальных девчонок.

— Ты говоришь так, потому что я одеваюсь иначе. Но это лишь оттого, что я многого не понимаю. — Каким облегчением было признаться хоть кому-то. — Я бы так хотела быть такой же, как они! — Образ красотки Вивиан мелькнул перед глазами. — Но не знаю как!

— Потому что тебе на самом деле все равно. Вот скажи — если бы у тебя была такая возможность, торчала бы ты перед зеркалом все свободное время, стараясь, чтобы ресницы выглядели подлиннее?

Я молчала. А он продолжал:

— Нет, ты бы наверняка изобретала что-нибудь, что спасет мир.

— Знаешь, то, что я соображаю в математике лучше, чем ты, не делает меня воплощением добродетели.

— Вот об этом я и говорю.

— О чем?

— Откуда это в тебе — в смысле, где ты слышала выражение «воплощение добродетели», дома?

— Встречала в книгах.

— Ну и..

— А у тебя дома так говорят?

— Вообще-то да. Я сын двух редакторов — мои родители выражаются подобным образом постоянно, господи прости.

— А почему ты решил, что у нас дома так не разговаривают?

— А что, разговаривают?

— Нет. — Я смущенно отвернулась и тут же заговорила о скульптуре, меняя тему: — Но мне правда интересно, можешь ли ты изобразить что-нибудь из реального мира. Это ведь очень трудно.

Курт не ответил, но на следующей неделе сделал маленькую фигурку ласточки. Я сразу же заметила ее среди других скульптур.

— Какая прелесть.

— Нравится? — Глаза его обрадованно сияли. — Возьми себе, если хочешь.

— Нет, нет, — поспешно отказалась я. Ма учила меня никому не быть обязанной. — Когда-нибудь она будет стоить кучу денег. Я не могу себе это позволить.

Свет в его глазах погас, но нам все равно пора было приниматься за математику.

На одиннадцатом году учебы Аннет влюбилась в театр. Все началось, когда она зашла ко мне в библиотеку, поговорить о Симоне де Бовуар.

— Она пишет, как женщин не допускали в определенные сферы жизни, считая их «иными», с мистической точки зрения, и как это привело к формированию общества, где доминирует мужское начало. Людей других рас и национальностей тоже ведь можно классифицировать подобным образом, что и делают правящие круги на протяжении истории человечества, — размахивала руками Аннет, как делала всегда, увлекаясь предметом.

— Взгляните-ка на нее, — возник за моей спиной мистер Джамали, — какая жестикуляция — эффектно, драматично. Вам стоит попробовать себя на сцене.

— Правда? — притихла Аннет. — Никогда об этом не думала.

— Через две недели прослушивание. Сможете исследовать взаимоотношения «я» и «не-я» в процессе работы над ролью.

Этого было достаточно, чтобы Аннет загорелась. Она начала с маленьких ролей, но мистер Джамали оказался прав: у нее действительно обнаружился дар. Пышная шевелюра, страстность, природная любознательность — все вкуче делало ее неотразимой в свете ramпы. Мистер Джамали говорил, что у Аннет выдающийся талант, но его

необходимо направлять и оттачивать.

— Очень хорошо, почти прекрасно, — приговаривал он, появляясь на сцене в своей расшитой тунике. — А теперь давайте попробуем то же самое, но чуть более сдержанно, вместе с тем не теряя глубины?

Я раздувалась от гордости, сидя в темном зале и наблюдая за репетициями Аннет. На сами спектакли, проходившие по вечерам, я все равно никогда не успевала.

Нельсон в своей школе стал членом команды по ведению дебатов, и, поскольку был уверен в своем успехе, нас пригласили разделить восторги родителей. Всей компанией мы втиснулись в дядин минивэн. Мы с Ма устроились на задних сиденьях, но слышали все, что происходит впереди.

— Это моя лучшая рубашка, — говорил Дядя Боб. Речь шла о парадной шелковой сорочке. — Я привез ее из Китая. Я хотел, чтобы...

— Ты опозоришь меня перед друзьями, — возмущался Нельсон.

— Ага. — встрял Годфри, которому уже исполнилось тринадцать. — Дурацкая рубашка.

— Ты похож на гомика, — не унимался Нельсон. — Выглядишь как сутенер.

В конце концов мы вернулись домой, чтобы Дядя Боб переоделся. Нельсон заставил и Тетю Полу снять ее золотые украшения, заявив, что золото — это вульгарно, особенно китайское, в двадцать четыре карата.

— У деток развивается вкус, — умилялась Тетя Пола. — А ты, Кимберли? У тебя, должно быть, тоже много внеклассных занятий?

— У меня времени нет.

— Очень жаль. Это важно для поступления в колледж.

Тетя Пола была уверена, что я учусь так же неважно, как в самом начале. Мы с Ма предпочитали не разубеждать ее, потому что так тетюшка гораздо меньше злилась и завидовала.

— А как результаты тестов?

— Нормально. — У меня все было хорошо, но Ма, как, впрочем, и ожидалось, провалила экзамен на гражданство.

На выходе из дома Нельсон окинул критическим взором одежду Ма. И открыл было рот.

Я загородила Ма и решительно произнесла по-английски:

— Даже не думай, Нельсон.

— Что?

— Что слышал.

И он промолчал.

Частная школа на Стейтен-Айленд была гораздо меньше «Харрисон». Нельсон, оказавшись на сцене, превратился в маленького стеснительного мальчика. Его команда проиграла.

Совершенно очевидно, что никакая плита не смогла бы работать ночи напролет каждую зиму, но мы все равно пережили потрясение, когда она сломалась. Холод проник в дом, полы застыли, вода в туалете замерзала, на окнах образовался толстый слой льда. Мы с Ма забрались вдвоем в ее постель, набросав сверху все, что смогли отыскать.

Ма вызвала мастера, которого посоветовала одна из швей. Берет за работу якобы недорого, работает нелегально, но у него есть китайский сертификат, — то есть, как я поняла, никаких здешних документов нет.

Пришел мужик в грязной рубаше, явно с чужого плеча, если не ворованной. Брякнул на пол ящик с инструментами. Я с содроганием смотрела, как он колотит молотком по предохранительному клапану. Я-то знала, что это хрупкая и очень ценная вещь. Погрохотав железками — видимо, чтобы убедить нас в непомерном старании, — он вылез из-за плиты и сообщил, что плита не подлежит ремонту, а за визит мастера мы должны сто долларов.

— У меня нет дома такой суммы, — испуганно пролепетала Ма.

Но тут я не выдержала:

— Вы сделали еще хуже, чем было! А теперь выкручиваете нам руки! — Плита и в самом деле была изуродована, а часть деталей теперь валялась в кухонной раковине.

Мужик грозно навис надо мной.

— Я потратил время и хочу получить свои деньги, — с североазиатским акцентом проревел он.

— Я разберусь, Кимберли, — попыталась отодвинуть меня в сторону Ма.

— Да, отвали, малявка.

Я боялась, что Ма уступит и все же заплатит ему. В свои шестнадцать я была подростком, который уже давно вынужден вести взрослую жизнь. Я знала недостаточно, чтобы испугаться, но вполне достаточно, чтобы не отдавать так запросто деньги, заработанные с огромным трудом. Сто долларов — это же десять тысяч юбок, целое состояние.

— Если хотите получить деньги, покажите документы.

— Какие еще документы?

— Ваш паспорт, пожалуйста.

Почуввав угрозу, он раздулся, как рыба диодон.

— Ты хочешь проверить мои документы?!

Я стояла рядом с телефонным аппаратом, оставалось только снять трубку и начать набирать номер Аннет.

— Куда это ты звонишь?

— В полицию.

Он замер, прикидывая, что делать дальше. В трубке послышался голос младшего братишки Аннет.

— Алло, — сказала я по-английски. — Не могли бы вы прислать кого-нибудь по адресу...

Не дожидаясь продолжения, мужик подхватил свое барахло и бросился вниз по лестнице, не забыв злобно оглянуться напоследок. Ма в изнеможении рухнула на стул.

— Я ошиблась номером, — быстро проговорила я и повесила трубку, надеясь, что малыш не узнал мой голос.

— У тебя мозги настоящего жулика, — простонала Ма.

— Сердце волка и легкие собаки. — Имелось в виду, что я злая и лукавая. Однако на самом деле сердце прыгало, как испуганная лягушка.

Но зато он ушел. А плита по-прежнему не работала, и в ближайшие дни ожидалось понижение температуры.

Глава одиннадцатая

Я позвонила в «Бруклин Юнион газ», и они прислали мастера. Грузный афроамериканец в синем форменном комбинезоне. Ремень глубоко врезался в основательный живот. Войдя в дверь, мастер с жалостью оглядел помещение, глаза у него были добрые, как у плюшевого медвежонка.

— Ладно, друзья, сделаю, что смогу. Но много не обещаю. Этот ваш прошлый мастер порядком наломал.

— Пожалуйста, — взмолилась я, стараясь не впадать в панику. — Постарайтесь, пожалуйста.

Изо рта вырывались белые облачка пара. Я боялась, что мы не переживем предстоящую ночь, если плиту не починят. В квартире с каждым днем становилось все холоднее. На улице стемнело, слышно было, как завывает ветер.

— Понимаю, малышка, — вздохнул мастер. — Вы с мамой успокойтесь, я постараюсь разобраться с этим делом.

И разобрался. Ловко поставил на место все детали, и плита ожила — вспыхнуло голубое пламя. Ма радостно захлопала в ладоши.

Она пыталась всучить мастеру чаевые, всего доллар, но он мягким движением вложил купюру ей обратно в ладонь и ласково произнес:

— Не надо, оставьте себе. Купите что-нибудь приятное.

Как здорово было бы иметь такого отца.

Мэтт окончательно бросил школу, чтобы работать полный день. Теперь он часто заканчивал смену и уходил раньше нас. Мне же позволили посещать занятия для первокурсников в Политехническом университете Бруклина. Лекции там заканчивались ближе к вечеру, и, являясь на фабрику, я иногда встречала у входа Вивиан.

Весенним вечером Вивиан, как обычно, ждала Мэтта. Несколько подростков-китайцев толпились вокруг нее, один из ребят держал в руках большое, свисающее вниз домашнее растение. Листья коснулись ее стильных башмаков, Вивиан что-то тихо сказала прыщавому парнишке с цветком, и тот поспешно приподнял растение повыше. Цветок, вероятно, принадлежал Вивиан, а парень просто помогал держать.

Ребята изо всех сил старались произвести впечатление на Вивиан, не обращая на меня ни малейшего внимания. Они даже говорили по-

английски, чтобы казаться круче.

— Привет, Кимберли, — окликнула меня Вивиан и помахала рукой.

— Привет.

Несколько парней повернулись ко мне.

Дверь позади отворилась, на улицу вышел Парк. Он, как всегда, смотрел себе под ноги и, не заметив, наткнулся на меня сзади. Парни грубо захохотали. На Парке были ярко-оранжевые штаны, клетчатая рубашка криво застегнута, складками собравшись под подбородком.

— Ты в порядке? — забеспокоилась Вивиан.

Парк молча попытался протиснуться мимо. Парень с красной банданой на голове заступил ему дорогу. Изображая гангстера из плохого фильма, с сильным акцентом он проговорил:

— Дама задала вопрос. — И перешел на китайский: — Эй, тебе говорят, больной.

— Не смей его так называть, — возмутилась я.

— А тебе какое дело?

— Успокойся, все нормально. — Вивиан с застывшей улыбкой неуверенно попыталась урегулировать ситуацию.

Парень опять толкнул Парка, явно рассчитывая поднять свой статус в глазах Вивиан.

— Ну, не молчи, болван.

— Прекрати!

— Дама задала вопрос, — не унимался парень, — ты должен ответить. А ну, отвечай. — Каждое слово сопровождалось очередным тычком.

Глаза Парка растерянно заметались, он смутился и занервничал.

А Вивиан ничего не предпринимала.

— Прекрати! — Подскочив к Красной Бандане, я сорвала тряпку с его головы. Волосы повисли спутанными лохмами. — Он, по крайней мере, не похож на уродливую обезьяну.

Его приятели громко заржали.

Парень покраснел от злости.

— Отдай!

Я сунула бандану прямо ему в лицо, схватила Парка за руку:

— Бежим!

Красная Бандана бросился за нами, я испуганно оглянулась и увидела, как кто-то грубо дернул его за шею, останавливая. Резко обернувшись, парень оказался лицом к лицу с Мэттом.

— С чего это ты цепляешься к моему брату, когда у самого даже дырки в заднице нет?

Мэтт, грозно стиснувший кулаки, стал, кажется, даже раза в два больше. Он без малейшего усилия швырнул Красную Бандану на землю.

— Это твой брат? Прости, Мэтт, я не знал.

Мэтт резко поднял парня за грудки:

— Все ты знал. Ты, человеческое отребье.

Остальные хором попытались вступиться:

— Успокойся, Мэтт, он просто шутил, это игра такая.

Мэтт явно хотел продолжить, но, чуть поколебавшись, просто отшвырнул парня:

— Да ладно, неохота руки марать.

Красная Бандана торопливо поднялся, и вся компания рванула прочь. Вивиан стояла, виновато опустив глаза. Мы с Парком подошли ближе.

— Вы в порядке? — Мэтт поднял с земли мой берет и аккуратнo надел мне на голову. Кажется, рука задержалась на миг дольше, чем требовалось. На Вивиан он смотрел довольно прохладно. Та едва не плакала.

— Вивиан тоже пыталась их остановить, — не выдержала я.

— Ну да, — буркнул Мэтт. Глянул на цветок, так и оставшийся на тротуаре. — Твои ухажеры сбежали, забыв про цветочки.

— Мэтт... — взмолилась Вивиан.

— Ладно, проехали. — Он поднял цветок, взял Вивиан под руку. — Пойдем, — бросил он Парку, и все трое удалились.

Сквозь высокое окно я смотрела, как весенний дождь умывает деревья. Занятия с Куртом продолжались. Большинство одноклассников переживали по поводу предстоящих в конце одиннадцатого класса тестов, записывались на различные подготовительные курсы. Родители Курта заставляли его сделать то же самое, но он убедил их, что эффективнее всего заниматься со мной, в стенах школы. Сама я готовилась, выполняя образцы заданий из информационных брошюр, у меня не было возможности приобрести нормальный сборник тестовых задач.

Мы с Куртом встречались в художественной студии, где он проводил так много времени, что ему даже позволяли хранить там свои работы. Сегодня я пришла на урок пораньше и бродила по студии, размышляя о грядущих экзаменах. Приходилось быть осторожной, чтобы не наступить на электролобзик или пескоструйный аппарат, которые Курт часто бросал прямо на заляпанном краской полу, даже не выдернув из розетки. В студии пахло дождем, деревом и обойным клеем.

Курт склеивал деревянные детали очередной скульптуры, рассуждая о паре ботинок, которые он нашел на помойке и теперь с восторгом носил.

— Это доказывает, что провидение существует. Они появились ровно в тот момент, когда я так в них нуждался, — разглагольствовал он, закрепляя струбциной кусочки дерева.

Я покосилась на ботинки, торчавшие из-под вытертых джинсов. Коричневые рабочие башмаки со сбитыми каблуками.

— Ты их хоть почистил сперва?

— Не-а.

— Быть бедным не так забавно, как тебе кажется.

— Я пытаюсь выбраться из ловушки бездарной жизни.

— А что в ней бездарного? То, что родители создали тебе безопасный и уютный мир?

— Они оба уже родились обеспеченными. Дитя с трастовым фондом вступило в брак с другим трастовым фондом.

— Я всегда считала редакторов людьми умными и образованными.

— Вовсе нет. Ну, если только отчасти. А твои старики?

— Они поженились по любви.

Рассеянно бродя по мастерской, я обратила внимание на пиджак, небрежно брошенный на мольберт. Рукав свисал прямо на грязный пол. Я подняла пиджак — ткань на ощупь очень хорошая и дорогая: провела рукой по подкладке — натуральный шелк. Повесила повыше, чтобы вещь не пачкалась.

Курт ничего не заметил. Он мыл руки в маленькой раковине в углу, потом вытер их прямо об рубашку.

— Кстати, благодаря моим умным и образованным родителям я устраиваю вечеринку. Придешь?

— Вряд ли. — Я ответила автоматически, как всегда на подобные приглашения. Когда мальчишки, с которыми я целовалась, приглашали куда-нибудь, я неизменно говорила одно и то же. — Я очень занята.

— Послушай, но эта вечеринка устраивается ради тебя. Родители просто счастливы, что я больше не числюсь в отстающих. Праздник должен способствовать позитивному психологическому настрою перед экзаменами.

— Ну, не знаю...

— Без тебя я бы вылетел из школы. Это твой праздник. Можешь считать его продолжением наших занятий.

Я, не выдержав, рассмеялась. Никогда не была на вечеринке, а тут появилось достойное оправдание. Крайне соблазнительное предложение.

— Я должна подумать.

Аннет я разыскала в театре. Помимо актерской работы она выполняла еще и функции ассистента режиссера. Сейчас она с палкой в руках измеряла диван, стоявший на сцене. Пышные волосы Аннет связала голубой лентой.

— Нужен подлиннее, — крикнула она кому-то за сцену.

— Аннет! — Пришлось подойти поближе, и я ужасно неловко чувствовала себя в ярком свете софитов.

— Привет! — Подруга опустила на коленки у края сцены, чтоб мы могли поговорить.

— Курт пригласил меня на вечеринку. Что делать?

Брови изумленно взлетели вверх.

— Ты собираешься пойти? Почему? Ты же никогда никуда не ходишь!

— Ну да... — Я принялась застенчиво крутить пуговицу на жакете. — Но я могла бы... Только один разочек...

— Ага, он тебе нравится!

— Тсс! Ничего подобного! Мы просто друзья. Да, пожалуй, это плохая идея.

— Вовсе нет! Я считаю, это просто здорово, что ты пойдешь на вечеринку! Тебе нужно выходить в свет. — Тут она нахмурилась. — Но ко мне ты никогда не приходила, ни на спектакли, ни на праздники.

— Знаю, — печально вздохнула я.

Со мной нелегко было дружить. Я потому и отказывалась всегда от приглашений, что понимала: стоит один раз сказать «да» — и потом невозможно будет объяснить, почему не могу постоянно ходить на вечеринки. Возможно, один раз Ма меня и отпустила бы, но не более того. Я и на предложение Курта согласилась неожиданно для самой себя. Наверное, потому, что он сказал, будто праздник имеет отношение лично ко мне.

— А ко мне ты когда-нибудь все же придешь?

— Обещаю.

Мы с Аннет разработали план. Ма ни за что не пустила бы меня на вечеринку к мальчику. Я скажу Ма, будто остаюсь ночевать у Аннет, и мы с Аннет пойдем туда вместе. Никто не станет возражать, если я заявлюсь с подружкой. Оставалось только уговорить Ма.

— С чего это ты вдруг хочешь ночевать в доме Аннет? — нахмурилась Ма.

— Ма, я всегда хотела. Другие ребята все так делают, ты просто не знаешь. Я у тебя не отпрашивалась, потому что ты всегда против.

Ма молчала.

— Мы же давным-давно знакомы с Аннет. Ты даже встречалась с ее родителями.

— Верно. — Неважно, что с тех пор прошло несколько лет, для Ма имел значение сам факт. Аннет уже не первый год существовала для нее только по телефону. — Хорошо, но только один раз. Иначе она тоже захочет...

— Она тоже захочет прийти к нам, — радостно закончила я за нее. Я получила право на ночь свободы.

— Инспекторы! Инспекторы пришли!

Никогда не видела Тетю Полу в таком волнении. Они с Дядей Бобом метались по фабрике, словно попали в самое сердце урагана. Сметали груды тряпья со столов, орудовали метлами, но самое главное — согнав всех детишек в кучу, маленьким покорным стадом гнали их перед собой, рассовывая по укромным закоулкам.

— Все, кому нет восемнадцати, — с глаз долой!

Тетя Пола ухватила меня сзади за рубашку и буквально втокнула в мужской туалет. За спиной захлопнулась дверь, и я налетела на чье-то крепкое плечо. Мы отпрянули друг от друга, и тут я поняла, что это Мэтт.

— Привет. Как ты?

Не успела я ответить, как дверь распахнулась вновь и к нам затолкали трех малышей.

Один из мальчиков воткнулся головой мне в подмышку. В туалете было грязно и тесно, один унитаз и раковина. Свет включать нельзя. Мэтт втиснулся между стеной и раковиной. Остальные старались держаться подальше от грязного унитаза, даже не прикрытого крышкой. Я боялась оказаться слишком близко к Мэтту, поэтому подтащила поближе лопухого пацана, поставив его между нами.

Но все равно Мэтт стоял чересчур близко. Он почти касался меня, но, к счастью, рядом были дети. Один из мальчиков не сводил глаз с унитаза.

— Даже не думай, — грозно прошипел у меня над головой Мэтт. — Терпи.

Мальш испуганно стиснул ножки. Одежда его была в фабричной пыли. Я потянулась погладить бедняжку по голове.

— Все будет хорошо. Опомнись не успеешь, как все закончится.

Третий мальчишка, что повыше ростом, прошептал:

— В раковине таракан!

Мы с Мэттом отпрыгнули на целую милю. Я хихикнула, поняв, что он

боится насекомых не меньше моего. Он отшатнулся от раковины настолько резко — видимо, из инстинктивного стремления выскочить за дверь, — что маленький мальчишка оказался прижат к раковине, а я — к Мэтту. Презрительно глянув на нас, малыш извлек из кармана клочок бумаги и раздавил таракана.

Я выдохнула с облегчением и прикрыла глаза. От Мэтта пахло потом и лосьоном после бритья, грудь его была твердой и сильной. Мне даже слышно было, как стучит его сердце. Его, наверное, только что оттащили от парового пресса. У меня не было выхода — только стоять, прижавшись к нему. И я почувствовала, как успокаиваюсь и расслабляюсь.

Внезапно Мэтт сдавленно вскрикнул. Противный мальчишка с улыбкой маньяка помахивал бумажкой прямо перед нами. Мне почудилось, что я вижу, как шевелятся тараканьи усы. Я испуганно взвизгнула. Несмотря на множество тараканов у нас дома, никак не могла к ним привыкнуть и, кажется, боялась даже больше, чем раньше.

В дверь тут же постучали, голос Дяди Боба произнес:
— Эй, вы там, заткнитесь! Они уже рядом!

Все замерли. Из-за двери доносились подобострастные голоса хозяев, и даже машины, казалось, шумели тише обычного. Говорили по-английски, но слов было не разобрать. Мы почти не дышали из страха быть обнаруженными. Все знали, как делаются дела в Чайнатауне. Деньги уже, наверное, перешли из рук в руки, гарантируя положительный результат инспекции, но мы все равно боялись, как и наши хозяева. Если фабрику закроют, кто положит рис в наши миски?

Мое сердце колотилось так же сильно, как и у Мэтта. Вокруг ерзали ребяташки, но я могла думать только о его теплом дыхании на моих волосах. Прямо перед глазами — контраст грубой ткани его майки и нежной кожи плеча.

Английская речь звучала за дверью целую вечность, но вот ее сменили обычные фабричные шумы. Дверь отворилась, малыши пулей выскочили наружу.

Я нехотя отодвинулась от Мэтта, но он удержал меня, обняв за талию:
— Погоди.

Другой рукой прикрыл дверь, потом притянул меня ближе, голова моя опустилась ему на грудь. Прежняя боль в сердце отступила, на смену ей пришло странное чувство — как будто наконец делаешь выдох, не подозревая, что до сих пор задерживал дыхание. Его пальцы запутались в моих волосах, я ощущала их тепло, потом решила взглянуть на него. Луч света, падающий из маленького окошка над дверью, пронзил шевелюру

Мэтта. Золотистые глаза сияли в полумраке. И вот мы уже растворяемся в пылающей нежности поцелуя, и буйное полуденное солнце меркнет на фоне желания — Мэтт и только Мэтт.

Поцелуй иссяк, но тут же начался следующий, а за ним еще, и еще. Через какое-то время Мэтт отстранился, хриплым, совершенно незнакомым голосом пробормотав:

— Меня, наверное, ищут.

— Меня тоже, — выдохнула я.

Мы целовались снова и снова, пока я не напомнила себе, что у него есть девушка и эта девушка — не я. Мне немедленно захотелось все это прекратить, я отодвинулась.

— Ну ладно, все, пока, увидимся.

Взгляд его сфокусировался не сразу.

— Ага, увидимся. — Он уже положил ладонь на ручку двери, но, помедлив, произнес: — Кимберли, я не могу взобраться на твою высоту. — И, понурившись, вышел.

Я осталась в одиночестве в мужском туалете, опершись дрожащей рукой о край раковины. Он думает, что недостаточно хорош для меня, когда на самом деле именно я его недостойна.

После работы Вивиан ждала его на обычном месте. Стыдно признаться, но я подглядывала и видела, как он поцеловал ее в губы. Потом коротко обернулся, на лице мелькнуло виноватое выражение — он был уверен, что я наблюдаю за ними.

Вроде ничего особенного — несколько поцелуев в темноте, — но вполне достаточно, чтобы в сердце моем образовалась огромная кровоточащая рана.

У меня не осталось ничего, кроме гордости. С Парком я была добра, как всегда, но зато начала демонстративно флиртовать с другими парнями с фабрики, особенно когда Мэтт мог это заметить. С самим Мэттом я держалась дружески-прохладно. Воображала, что я окружена толстой стеной льда, которую ему ни за что не преодолеть. Возможно, мне лишь казалось, но порой я ловила его внимательный взгляд и понимала, что Мэтт наблюдает за мной. Он чаще обычного появлялся в поле зрения и всячески выпендривался: падал на пол, отжимался на одной руке и тому подобные штуки. Но, что бы он ни делал, неизменным оставалось одно: он выбрал не меня, а Вивиан, и ни один из его трюков не мог перевесить этот единственный факт.

Я помнила, кто ждет его по окончании рабочего дня. К счастью, из-за

скользящего графика я не слишком часто встречалась с ней, но мне и малого было достаточно. Хуже того — она мне нравилась. Вивиан была доброй и неглупой девушкой. Она же не виновата, что родилась такой эффектной. Множество картин хранилось в моей памяти: Мэтт с пакетиком сладостей — засахаренные семена лотоса — для нее; обнявшись, они входят в аптечную лавку: однажды я даже видела их в храме, они зажгли благовония от лампы и вместе опустили на колени для молитвы. Как много изощренных пыток готовит нам любовь...

В конце концов я во всем призналась Аннет, своему верному советнику, и та сказала:

— Со стороны отношения могут выглядеть совершенно иначе, чем они есть на самом деле. Можно гораздо сильнее любить кого-то недоступного, чем человека, с которым встречаешься каждый день.

Аннет единственная знала о моих страданиях, но, похоже, и она не подозревала об их истинной глубине. Сама она всегда влюблялась совершенно безнадежно и безответно. Но ее слова пробудили во мне надежду, чего я, собственно, и добивалась.

Перед вечеринкой у Курта я пришла к Аннет пораньше. Меня, конечно, огорчало, что Ма осталась на фабрике одна, но так хотелось разочек повеселиться, как все нормальные ребята моего возраста.

— Рада видеть тебя снова. — Миссис Эйвери поцеловала меня в щеку. Она мне очень нравилась, хотя мы редко встречались.

Аннет одолжила мне одежду, из которой сама выросла. Кремовое платье сидело на мне отлично, но оказалось короче любого из моих нарядов. Я чувствовала себя невероятно отважной, прислушиваясь к шуршанию ткани над голыми коленками. Размер обуви у нас был одинаковым, так что удалось позаимствовать и пару босоножек. Потом Аннет накрасила меня. Со времен нашего первого похода в кино она стала опытным визажистом. А уж когда она привела в порядок мою прическу, я с трудом узнала себя в зеркале.

— Потрясающе выглядишь, — констатировала подруга.

— Ты лучше всех! — бросилась я ей на шею.

Аннет нарядилась в обтягивающее платье с разноцветным принтом, прихватила кожаную сумочку своей мамы.

— Ты тоже великолепно выглядишь. — Я осторожно поправила прядь, упавшую ей на лоб.

До дома Курта, в районе Семидесятых улиц, нас подбросила миссис Эйвери. Швейцар открыл дверь машины. В холле за стойкой портье

сообщил, как найти квартиру Курта.

Я изо всех сил старалась не таращиться по сторонам, зато Аннет шествовала как ни в чем не бывало, гордо вскинув голову и небрежно помахивая сумочкой, — настоящая леди. Перед огромными букетами цветов около лифта я онемела, осторожно коснулась лепестков — настоящие.

— А что будет, когда цветы завянут? — спросила я у Аннет.

— Поставят свежие, разумеется.

Представляю, во что это обходится.

Дверь квартиры открыл сам Курт. Грохочущая музыка почти заглушала слова.

— Привет, ты все-таки пришла. — Он присмотрелся. — Вот это да.

Непохоже на обычный игривый намек. Так он глядел на любимые скульптуры.

— Спасибо. Это заслуга Аннет.

Подруга за моей спиной хихикнула.

— Заходите. Все лишнее можете бросить в родительской спальне.

Вечеринка уже была в разгаре. Верхний свет погашен. Но даже в полумраке угадывались размеры помещения — окна оказались так далеко от входа, что стало ясно: гостиная просто огромная. Далеко внизу я различила огни города и маяки на Ист-ривер.

В одном из углов гостиной с потолка свисал блестящий шар, как на дискотеке, и несколько человек танцевали в мерцающих бликах. Маленькие лампы, расставленные тут и там, давали приглушенный свет. Я-то думала, что родители Курта для начала произнесут небольшую речь о нем и его успехах, но, похоже, их — да и вообще взрослых — не было дома.

— Ой, там, кажется, ребята из театральной студии, — показала в сторону танцующих Аннет.

— Иди к ним. Давай свою сумочку, я отнесу.

Аннет мгновенно растворилась среди гостей, а я направилась к спальне родителей. Спокойно открыла дверь, щелкнула выключателем. На кровати красного дерева — гора одежды и сумочек. Вдруг что-то зашевелилось. Я едва не вскрикнула от ужаса, но тут же поняла, что это просто мой одноклассник с какой-то девицей. Они страстно целовались, явно готовясь раздеться.

На миг оторвавшись от ее губ, он обернулся:

— Не возражаешь?

— Ой, простите. — Я поспешно выключила свет, бросила сумочку Аннет на кровать и выскочила за дверь.

Аннет у барной стойки болтала с каким-то парнем из школьной газеты. Она сделала мне джин с тоником — почти один тоник вообще-то. Музыка грохотала, как машины на фабрике. Аннет вытащила меня на танцпол. Я впервые пробовала танцевать под такую музыку, но это оказалось совсем просто. Вокруг было много других ребят из школы, я кружилась под вращающимся шаром и чувствовала себя обыкновенным американским подростком.

Чья-то рука легла на плечо. Курт. Наверное, он давно наблюдал за мной. Взяв за руку, повел куда-то.

— Хочу показать тебе кое-что, — сказал он. Скорее всего, это была его спальня. Он открыл дверь, и нас окутало облако сладковатого дыма. Несколько ребят кружком сидели на полу, в центре стояли горящие свечи. Здесь было гораздо тише.

— Ребят, надо бы открыть окно, — заметил Курт.

— Оно открыто, — отозвалась Шерил. Думаю, она, как и все остальные, удивилась, увидев меня, но никто не сказал ни слова.

Мы с Куртом присели на пол. Одного из парней я узнала — мы с ним как-то раз целовались. Он явно обрадовался мне, но Курт это заметил и решительно устроился прямо между нами.

По кругу передавали китайский кальян размером около двух футов. Мне пришлось бы удерживать его двумя руками. Судя по запаху, курили вовсе не табак.

В дверь просунулась голова Аннет:

— Кимберли, ты тут?

— Ага.

Аннет поняла, что происходит.

— Ты в порядке?

— Все хорошо. Зайдешь? — Безрассудный восторг и любопытство переполняли меня. У остальных была возможность выбирать — поддаться искушениям нынешнего вечера или подождать другого раза. Для меня иного шанса не будет. Если не попробую сейчас, второго случая может и не представиться.

— Нет, спасибо, — скривилась Аннет. — Я тебя подожду. — И прикрыла дверь.

— Это китайский кальян, — шепнула я Курту.

— Знаю.

— Откуда он у тебя?

— Стажил из отцовского кабинета. Один из его китайских авторов прислал в подарок. Бедняга, поди, не знал, как мы тут используем

сувениры. У отца столько всякого барахла — думаю, он и не заметит его отсутствия.

Подошла моя очередь, я провела пальцем по замысловатым изгибам трубки. Все внимательно наблюдали за мной, видимо ожидая, что я сейчас закашляюсь и вообще растеряюсь. Но я много раз видела, как курят мужчины в кафе в Гонконге.

Плотно прижав губы к широкому раструбу, чтобы воздух не проникал, я поднесла зажигалку к маленькому металлическому резервуару и глубоко вдохнула. Вода забурлила, и, пройдя сквозь нее, дым оказался у меня во рту. Я была готова и легко удержала затяжку в легких, передавая кальян Курту.

— Да у тебя это в крови! — рассмеялся он. — Тебе стоит бросить зубрежку и начать покуривать травку — вот как я.

Трубка обошла круг несколько раз, я вдыхала и выдыхала, пока не почувствовала, как воспоминания о Мэтте начинают гаснуть. Голова кружилась, я легла прямо на пол. Не знаю, ушли остальные или так же лежали рядом. Я ощущала лишь невероятно приятную колкость ковра под головой.

— Пока не поцелуешься под кайфом, не знаешь, что такое настоящий поцелуй.

— Ладно. — Я не возражала, хотя и так уже было забавно наблюдать, как все вокруг вращается в зыбком воздухе.

Курт медленно опустил свеху, моя голова оказалась в его ладонях. Вместо того чтобы просто чмокнуть в губы, он неспешно покрывал поцелуями шею, подбородок, за ушком. Во всем мире остались лишь прикосновения его губ и запах его волос. Нежно лаская, он захватил губами мочку уха.

— М-м, — пробормотала я. — Это и называется «целоваться»?

Вместо ответа он наконец поцеловал меня в губы — не торопясь, словно наслаждаясь каждым мгновением. Мягкий, глубокий поцелуй, подобно хрупкой бабочке, трепетал перед закрытой дверью моего сердца — и замер.

Год от года больная нога все больше беспокоила Дядю Боба, он все реже появлялся на фабрике. Его обязанности постепенно перешли к Тете Поле. Для мужчины важно считаться кормильцем в семье. Тетя Пола должна была сохранить лицо и поэтому всем рассказывала, что дядя управляет фабрикой из дома. Но на самом деле его кабинет поступил в полное распоряжение тетушки.

Наша почта по-прежнему проходила через руки Тети Полы, поскольку для школы ее адрес оставался официальным. Когда она впервые принесла табель с моими оценками, я поняла, как она надеется, что результаты окажутся низкими.

— Уверена, все хорошо, ты же такая умная девочка, — подчеркнуто дружелюбно начала тетя. — Почему ты не открываешь?

К счастью, Ма как раз вышла в туалет и я могла оправдаться:

— Хочу подождать Ма, потом открою.

Умирая от желания немедленно распечатать конверт, я все же отвернулась и даже успела упаковать несколько блузок; тетка с недовольным видом удалилась. Вместе с Ма я торопливо разорвала конверт, извлекая на свет заветный листок.

— Ну, что ты получила?

Странно, но я не могла отыскать результат. Поднесла листок поближе к свету.

— Ничего не понимаю. Наверное, какая-то ошибка. Здесь только максимально возможный результат теста.

Внезапно из-за спины раздался голос Тети Полы:

— Это просто смешно. Дай сюда.

Она выхватила листок, уставилась на него, и шея ее медленно начала розоветь.

— Глупая девчонка, это И ЕСТЬ твои оценки!

До меня постепенно доходило — должно быть я получила максимальный результат, и оказалось что мои оценки соответствуют приведенному здесь же образцу.

— Простите, что заставила ваши глаза краснеть от гнева, Тетя Пола, — совершенно искренне произнесла я.

— Да ты что! — визгливо хохотнула тетка. — Как я могу завидовать, если моя племянница так замечательно учится? Да за кого ты меня принимаешь?

— Я не это хотела сказать, я, э-э... — Да уж, грубый просчет, надо срочно спасать ситуацию.

— Дурочка, я же горжусь тобой! — Она до боли стиснула меня в объятиях.

— Мы обе гордимся, — просияла Ма.

Глава двенадцатая

С началом выпускного класса мы с Куртом все чаще появлялись вместе на людях. За нашими спинами перешептывались. Чем больше мы твердили, что всего лишь друзья, тем больше ходило разных слухов. Мне нравилось, что обо мне сплетничают.

Шерил однажды прошипела вслед:

— Да что он в ней нашел? Взгляните, как она одета!

Теперь-то я была гораздо увереннее в себе, поэтому с улыбкой обернулась. Бедняжка замерла на месте, поняв, что ее услышали.

— Невероятной красоты мозги! — добила я соперницу.

Курт стал моей вакциной против Мэтта. Удовольствия, которым обучал меня Курт, помогали бедному сердцу выдерживать ежедневную боль встреч с Мэттом и Вивиан.

Чудесным осенним днем мы с Куртом сидели в обнимку под трибунами школьного стадиона. После того первого опыта я никогда больше не пробовала наркотики — в обычной жизни помутнение рассудка мне совершенно не нравилось.

Курт накрыл нас обоих своим теплым кашемировым пальто, я тихонько поглаживала пальцем его нижнюю губу. Между короткими поцелуями он спросил — небрежно, как обычно:

— Как это ты в меня не влюбилась?

— Курт, почти все девчонки в школе в тебя влюблены.

Он захватил губами кончик моего пальца и тихонько посасывал его. Контраст прохладного воздуха и теплых губ невероятно возбуждал.

— Все, кроме тебя.

— Верно, — вздохнула я, прикрывая глаза.

— Это из-за прошлого?

— В каком смысле?

— Потому что мы с Грегом дразнили тебя в седьмом классе? Помнишь?

— Да уж, это было неприятно.

— Знаю. Я был маленьким поганцем. Прости.

— Это было давно. Люди меняются.

— Так ты не держишь на меня зла?

— Нисколько. И потом, ты заступился за меня в истории с Тэмми.

— Но тогда почему?

Образ Мэтта возник было перед глазами, но я усилием воли отогнала его.

— Думаю, я влюблена только в твоё тело.

Курт громко расхохотался.

— Что ж, пожалуй, этого пока достаточно.

Больше мы к этой теме не возвращались.

Доктор Вестон, советник по профессиональной ориентации и психолог школы, вызвала меня в свой кабинет.

— Где вы намерены продолжать образование?

— В Йеле, — без колебаний ответила я.

Мы с Аннет много говорили о колледжах. Она, в отличие от меня, заказала кучу каталогов и справочников и в конце концов остановила выбор на «Веслейан». Мой выбор был скорее случайным. Я знала, что Йель — один из лучших университетов, и мне понравились фотографии в каталоге Аннет.

— Отлично. Дайте мне посмотреть заявление, прежде чем отправлять, я постараюсь помочь советом.

— Как вы думаете, у меня есть шанс?

Доктор Вестон пристально посмотрела мне в глаза.

— Кимберли Чанг, кому, как не вам, учиться в таком университете, как Йель?

Заявление я напечатала на библиотечной машинке, и доктор Вестон практически ничего не пришлось исправлять. Я поинтересовалась, можно ли избежать уплаты пошлины. Доктор Вестон попросила копию нашей налоговой декларации. Достаточно было короткого взгляда на документ, и она тут же подписала освобождение от пошлины.

Ма, узнав об этом, пришла в ужас:

— Почему ты не стала платить пошлину?

— Это куча денег, Ма.

В том месяце мы все же окончательно выплатили долг Тете Поле. Никогда ещё наше финансовое положение не было таким устойчивым, к тому же я продолжала работать в школьной библиотеке, а это означало прибавку к нашим доходам. Но если мы собирались когда-нибудь изменить жизнь к лучшему, переехать в приличное жильё, мы должны были, как прежде, экономить каждый цент. Даже без уплаты долгов наши доходы оставались мизерными.

— А вдруг они не станут рассматривать твоё заявление! Зачем читать лишнее, если ты им за это не платишь?

Назавтра Ма притащила домой целую стопку дешевых тарелок.

— Давай, швырни их об пол, — приказала она.

— Зачем?

— Разбитый фарфор приносит удачу. Это поможет поступить в колледж.

Я не верила в приметы, но послушно расколотила тарелки. Или меня примут в колледж бесплатно, или я не попаду туда вообще. Мы не могли заплатить даже за государственное образование.

Узнав, как остальные готовятся к поступлению, я запаниковала. Джулии Вильямс родители обустроили специальную студию со звукоизоляцией, где она по пять часов в день репетировала на своем «Стейнвее». Джулия с шестнадцати лет участвовала в международных музыкальных конкурсах. Челси Браун пела в юношеском отделении «Метрополитен опера».

О спортсменах вообще отдельный разговор. Стремительный Спенсер на своих длиннющих ногах побеждал во всех соревнованиях, а команда по хоккею на траве завоевала титул чемпиона штата. Алисию Коллинз взяли в юношескую олимпийскую сборную по гимнастике. Как-то наши футболисты в шутку вызвали ее на поединок, так она спокойно улеглась на пол и отжималась на одной руке, наперегонки с ними, пока парни не рухнули в изнеможении. Так что даже наши «качки» относились к делу не менее серьезно, чем я.

У нас многие занимались музыкой или танцами с детства. Если результаты тестов чуть снижались, родители сразу нанимали частных преподавателей. Мои одноклассники могли писать вступительные эссе в колледж о том, как они собирали виноград в Италии, катались на велосипеде в Голландии, делали зарисовки в Лувре. Зачастую их родители были выпускниками тех учебных заведений, куда ребята собирались поступать.

Что могла противопоставить этому я — нищая китаянка, чьим единственным дополнительным достоинством являлось умение очень быстро упаковывать юбки? Уверенность доктора Вестон, конечно, внушала надежды, но не слишком большие. Я хорошо училась, но большинство моих ровесников с самого рождения готовили к поступлению в правильный колледж. И неважно, насколько блестяще я отвечала на экзаменах и сумела ли проникнуть в круг популярных студентов, — я все равно знала, что не стану одной из них. И в глубине души считала, что администрация университета каким-то образом почувствует это и захлопнет передо мной двери.

Мистер Джамали решил, что Аннет готова для роли Эмили в «Нашем городе».

— Невероятно! — Аннет никак не могла успокоиться, все подпрыгивала от восторга. — Ты должна прийти на премьеру!

— Обязательно!

— Клянешься?

— Да. Что бы ни случилось — приду.

Но, сверившись позже со своим расписанием, я обнаружила проблему.

— Аннет, — сообщила я ей за обедом, — у меня в тот день назначен экзамен на гражданство.

— Но ты же обещала!

— Знаю. Прости. Но если я не получу американское гражданство, то не смогу претендовать на стипендию.

— А на другое время перенести нельзя?

— Мне исполнилось восемнадцать, это моя первая попытка, раньше было невозможно. А если перенести — я не смогу указать в заявлении в колледж, что являюсь гражданкой Америки. Но на следующий спектакль я обязательно приду.

— Понятно. — Аннет не поднимала глаз.

— Тогда в чем дело?

— Кимберли, — она пристально посмотрела на меня, — это правда или одна из твоих обычных отговорок?

За эти годы я столько раз обманывала ее, придумывая причины своего отсутствия, что не могла винить подругу за сомнения.

— Конечно, правда.

Больше Аннет ни о чем не спрашивала.

После каждого письма с моими оценками Тетя Пола обязательно критиковала нашу с Ма работу. Как ни старались мы скрыть мои успехи, тетка, видимо, все равно догадывалась. И мстила как могла. Если в работе обнаруживался хоть малейший изъян, нужно было переделывать все с самого начала. Если предстояла отправка товара, она уже за несколько дней начинала изводить нас напоминаниями о сроках.

— Если вы опоздаете, я не отвечаю за последствия, — заявила она однажды.

— Мы всегда успевали вовремя, — робко ответила Ма, но в глазах ее сквозила откровенная печаль по поводу поведения старшей сестры.

Тетя Пола недовольно фыркнула и удалилась, по пути толкнув Мэтта,

работавшего у парового пресса.

Он подошел ко мне. Волосы намokли от пара и пота и свисали сосульками.

— Какая муха ее укусила?

— Зависть.

— С чего вдруг?

— Похоже, я учусь лучше, чем ее сынок.

Мэтт кивнул и уже готов был вернуться к работе, но я, в стремлении задержать его еще хоть на миг, спросила:

— А где твоя мама и Парк? Что-то я их давно не видела.

— Ма неважно себя чувствует, а когда она дома, Парк остается с ней. Моего заработка хватает на всех. — Он гордился, что может быть кормильцем в семье.

Сердце мое разрывалось на части.

— Ты такой молодец, Мэтт.

Он помолчал, пристально глядя мне в глаза, и вдруг сказал:

— Я скучаю по тебе.

Я отвернулась, чтобы он не заметил выражения моего лица.

— У тебя есть Вивиан.

Когда я решилась вновь взглянуть на него, рядом уже никого не было.

Иногда Курт рассказывал истории, после которых становилось ясно, насколько мы разные. Например, про то, как он с приятелями обедал в итальянском ресторане.

— Мы подождали, а этот наглый официант все не приносил счет, поэтому мы просто взяли и ушли. Я в дверях оглянулся — видела бы ты его рожу! Как будто ему самому придется платить за нас.

— Вероятно, так оно и было.

— Правда? Что ж, послужит ему уроком. — Курт явно смутился.

Я не стала развивать эту тему, но подумала о братьях и отцах некоторых ребяташек с фабрики, которые тоже работали официантами, «стояли у столов», как это у нас называлось. Что, если им пришлось бы оплачивать такой дорогой заказ из собственных чаевых? Многие ведь работали только за чаевые, без зарплаты. Да, Мэтт никогда бы так не поступил. Курт понятия не имел, что означает принадлежать к рабочему классу.

Но порой он бывал удивительно мил.

Мы сидели в художественной мастерской, и он вдруг сказал:

— В прошлые выходные я побывал на свалке. Там можно отыскать

множество невероятных вещей. Я принес тебе кое-что.

— Я, э-э, мне хватает хлама. — Достаточно вспомнить, где я живу.

Из пластикового пакета Курт вытащил скелет зонта, но умелые руки согнули и завернули металлические стержни, так что получился причудливый цветок. Отполированный до блеска.

— Как красиво. — Я погладила прохладный лепесток.

— Убежден, это никогда не будет стоить кучу денег. Так что смело можешь принять его в подарок.

— Отныне это мой любимый хлам.

Экзамен на гражданство пришелся на середину января. Я была дома, когда неожиданно раздался стук в дверь. Подъезд в последнее время плохо закрывался, а сегодня я очень спешила и, видимо, не защелкнула замок. Ма в этом году вновь провалила свой экзамен, но теперь мне исполнилось восемнадцать, и я могла сдать его самостоятельно. Проблем не ожидалось, но я все же хотела еще разок просмотреть материал, перед тем как бежать в управление натурализации.

Я распахнула дверь — Аннет, в теплой куртке и тяжелых непромокаемых башмаках. Она смотрела куда-то мне за спину — обшарпанные стены, раскрытая духовка, — затем взгляд остановился на моем плюшевом наряде. Она открыла рот и, заметив белые морозные облачка от своего дыхания, недоуменно фыркнула.

В лице ее читалась вовсе не жалость или смущение, а откровенная ярость.

— Ты должна была мне рассказать, — резко бросила она.

Я не сразу нашлась с ответом.

— Не знала как.

Аннет, казалось, готова была расплакаться.

— Я знала, что у вас мало денег, но это — это просто дико. В Америке никто так не живет.

— Еще как живет.

Но ее было уже не остановить.

— Я никогда в жизни не оказывалась в таком идиотском положении. Годами я пыталась понять, почему ты не позволяешь зайти к тебе домой. Я убеждала себя, что не следует настаивать, раз тебе неприятно. Придумывала одну причину за другой: что ты прячешь своего отца, что существуют какие-то особые китайские обычаи, что твоя мать тяжело больна и ты ухаживаешь за ней. Сегодняшний спектакль отменили, и я подумала — не обманула ли ты меня и насчет экзамена, и почему бы мне не

зайти в гости, вот и решилась все же прийти.

Я указала на экзаменационные материалы на столе.

Аннет кивнула.

— Я просто не могла больше этого вынести. И если бы я не пришла, ты так никогда и не рассказала бы мне. Все эти годы ты жила в таких кошмарных условиях и ни разу не попросила меня о помощи.

А я и не предполагала, что подруга готова мне помочь, — не выдержав, я крепко обняла ее. Аннет не оттолкнула меня.

— Смысла не было рассказывать. А теперь, когда я выросла, я сама вытащу нас отсюда.

— Ты не должна ни дня здесь оставаться. Я не позволю. — Еще разок коротко стиснув меня в объятиях, Аннет отправилась осматривать квартиру. От кухонного стола она испуганно отскочила. — Соевый соус почти замерз! И его пьет таракан!

Я как раз убирала со стола, когда она постучала. Пришлось стукнуть по столу, отпугивая таракана, и поскорей убрать блюдо в раковину. Пока я мыла посуду, чтобы не привлекать новых паразитов, Аннет продолжала экскурсию по апартаментам.

— А почему спектакль отменили? — поинтересовалась я.

— Какие-то проблемы с электричеством. Вчера на репетиции все лампочки перегорели, до сих пор не могут починить. Хорошо, что ты такая умная, — бросила она через плечо.

— Мне просто везет.

— Я бы так не сказала. — Она поморщилась. — Нужно пожаловаться на домовладельца. Это незаконно — содержать жилье в таком состоянии.

— Не могу. Все чересчур сложно.

— В любом случае — здесь нельзя оставаться. Я поговорю с мамой.

— Нет, я не хочу, чтобы кто-нибудь узнал. Аннет, пожалуйста, не надо.

— Кимберли, ты забыла — моя мама агент по недвижимости. Она наверняка сможет вам помочь.

— У нас нет денег. — Теперь, когда правда вышла наружу, я могла произнести это вслух.

— Пожалуйста, позволь мне просто спросить, не возьмется ли она за эту проблему.

— Я не хочу, чтобы она узнала, как мы живем. — Мне вдруг стало невыносимо стыдно.

— Я не стану посвящать ее в подробности. Просто скажу, что вы ищете что-нибудь омерзительно дешевое. — И, заметив мой испуганный взгляд, уточнила: — В смысле, не очень дорогое.

— Поверь, Кимберли, жизнь в пригороде — настоящий ад на земле.

Мы с Куртом сделали небольшой перерыв в уроке. Он развалился прямо на полу, опираясь на локоть, разложил вокруг учебники математики. Еще несколько книжек живописно разбросал вокруг.

Настоящий ад — это жизнь нашей фабрики, подумала я, но вслух сказала:

— А по мне, так звучит неплохо.

— Ты так говоришь, потому что никогда там не бывала.

— Откуда ты знаешь?

— А что, бывала?

— Нет. А ты-то когда там успел пожить?

— Вообще-то, никогда. Но кроме этого, — он похлопал по обложке «Кролик, беги» Джона Апдайка, — я смотрел кино и теперь достаточно разбираюсь в проблеме. Собственный дом, работа с девяти до пяти, мир и покой — нет, это не жизнь.

— Чего же ты хочешь?

Он помолчал, потом перекатился на спину. Золотистая грива волос рассыпалась по темному ковру.

— Величия. Грандиозного. Прославиться. И быть свободным. — Он резко сел, впился в меня своими сапфировыми глазами. — В пригороде невозможно прожить экстраординарную жизнь.

— Мне не нужна такая выдающаяся судьба.

— Ты никогда не была ординарной. Поэтому мне и нравишься. — Он нежно поцеловал меня.

Пришлось чуть отодвинуться, чтобы ответить.

— А я бы хотела. Это моя мечта: успешная карьера, хороший муж, уютный дом, ребенок или даже двое. Достижение подобного результата для меня уже достаточно экстраординарно.

— Тогда я приеду в гости к тебе в пригород.

Через месяц миссис Эйвери, мама Аннет, пригласила меня в свой офис. Стеклянная дверь закрылась, и я почувствовала себя крайне неудобно в своем дешевом пиджачке. Миссис Эйвери сидела за столом, перед ней — дама в бежевом костюме. Миссис Эйвери заметила меня, улыбнулась, жестом предложила присесть в кресло и подождать.

Подошла моя очередь. Миссис Эйвери поднялась навстречу, пожала мне руку, как взрослой. Она не спросила, где моя мама.

— Итак, похоже, у меня есть кое-что для вас. В Квинсе, в зеленом

районе.

Сердце забилося чуть быстрее. Большинство китайских иммигрантов в Нью-Йорке жили в Чайнатауне, некоторые в Бруклине, как мы, например, но те, кто добился успеха, переезжали в Квинс. Этот район считался даже лучше Стейтен-Айленда, где жила Тетя Пола.

А миссис Эйвери продолжила:

— Обычно я не занимаюсь жильем по такой цене, но, хочу быть с тобой откровенной, квартиру довольно долго сдавали, и сейчас она не в лучшем состоянии.

Я заволновалась.

— Там есть тепло?

— Ты имеешь в виду центральное отопление? — недоуменно переспросила она.

— Да. Батареи, которые работают?

— Ну разумеется. То есть я хотела сказать — не беспокойся, отопление отлично работает. Квартира полностью меблирована, со всей обычной техникой: стиральная машина, сушилка, холодильник, духовка — ну, ты сама все знаешь.

Стиральная машина и сушилка в квартире! Нам не придется больше стирать вручную и сушить белье на веревке. Теплое жилище само по себе казалось мне воплощением рая, но еще и техника! Я понимала, что своими вопросами произвожу странное впечатление, но должна была уточнить, чтобы не разочароваться вновь.

— А насекомые там есть?

На этот раз она даже не вздрогнула. Видимо, была готова.

— Ты имеешь в виду — муравьи или тараканы? Нет.

— Крысы?

— Нет.

— Тогда почему вы сказали, что квартира не в лучшем состоянии?

— Ну, она совсем небольшая. Краска на стенах в некоторых местах облупилась — совсем чуть-чуть, пойми правильно, — и ковровое покрытие вытерто. Подобного рода дефекты.

— Это нормально. — Невозможно было поверить в такую удачу, я старалась держать себя в руках и готовилась к неприятностям. Итак, основной вопрос. — Сколько стоит аренда?

Она написала цифру на листочке и придвинула мне. Удивительно, но сумма оказалась немногим больше того, что мы уже платили, с учетом ежемесячных отчислений тетке за наши визы и билеты на самолет плюс проценты. Наверное, ликование на моем лице было слишком явным,

потому что миссис Эйвери предупреждающе подняла палец:

— Погоди, Кимберли. Все не так просто. Хозяева хотят быть уверенны, что новые съемщики — надежные люди. Они просят предоплату и некоторые документы. Необходимо предоставить справку о зарплате или письмо от работодателя и рекомендации.

Сердце екнуло. Впервые у нас с Ма стало полегче с деньгами, особенно с учетом моей дополнительной работы в библиотеке. Мы смогли бы внести предоплату, будь у нас немного больше времени. Но где взять рекомендации?

Миссис Эйвери словно читала мои мысли.

— Возможно, рекомендательное письмо может написать кто-нибудь из школьных учителей?

— Они не знакомы с моей мамой.

— Верно. Я должна подумать, но не сомневаюсь, что эту проблему мы решим.

— У нас есть небольшие сбережения, но было бы проще, если бы нам дали несколько недель, чтобы собрать недостающую сумму для предоплаты. Что касается справки о зарплате... по правде говоря, она не слишком велика...

— Это не страшно. Главное, убедить их, что твоя мама работает. Ты могла бы приложить справку о своей занятости в школьной библиотеке. Хозяева должны быть уверены, что вы надежные, ответственные люди.

— А если кто-нибудь другой займет эту квартиру раньше нас?

— Я поговорю с хозяевами, сообщу, что нашла очень достойный вариант.

— Я постараюсь как можно скорее предоставить документы, чтобы они убедились в серьезности наших планов.

Ма, узнав обо всем, просияла:

— А-Ким, мы сможем переехать!

Мы столько лет провели в западне нашей практически нежилой квартиры, что и мечтать перестали о возможности побега. Но бегство по-прежнему зависело от шанса получить рекомендации для Ма.

Наступил март, мы с Куртом, не скрываясь, везде появлялись в обнимку. Мне с ним было спокойно, я знала — он не станет ничего от меня требовать. Не могу предположить, до чего бы дошло у нас дело — продвинулись бы мы по дороге любви или расстались в конце концов, — если бы события развивались иначе.

Мы как раз вышли вместе из Милтон-Холл. Курт стащил у меня ручку,

и я, пытаясь отобрать, шутливо колотила его по плечу, как вдруг заметила высокую фигуру около живой изгороди.

— Мэтт...

Невозможно, его не должно быть здесь, в «Харрисон». Одет он был бедно, как всегда, — рабочие штаны, тоненькая помятая куртка, — но девчонки на него оборачивались, а он стоял совершенно невозмутимо — гордый молодой дракон.

Мэтт видел нас, и потрясение в его глазах заслонили боль и ревность. Он помотал головой, словно отгоняя болезненное видение, а потом двинулся прочь. Сначала мне стало его ужасно жаль, а потом я разозлилась — уж я-то прекрасно знала, каково это, я каждый день страдала от такой же боли.

Курт застыл на месте.

— Теперь я все понял.

— Я должна идти. — Не оглядываясь, я бросилась за Мэттом.

Я бежала под проливным дождем, поскользываясь на мокром тротуаре. Мэтт уже почти скрылся в дождевой пелене, но вдруг размытый силуэт стал постепенно приближаться. Я поняла, что он развернулся и направляется ко мне.

Мэтт крепко ухватил меня за локоть.

— Это и есть твой дружок? — рявкнул он.

— А что с твоей подружкой? — заорала я в ответ. По лицу и волосам струилась вода.

Он остановился, весь как-то сник, отпустил меня.

— Да, знаю. Прости. Я дурак.

И тут я заметила, что глаза у него опухшие и воспаленные — он плакал.

— Вы с Вивиан расстались? — чуть мягче спросила я.

— Мама умерла. — Он как-то растерянно и неуклюже пожал плечами.

И я взяла его за руку, привлекла к себе, обняла. Склонив голову, он зарыдал — всхлипывая и вздрагивая всем телом. А я крепко обнимала его, прямо перед кампусом школы «Харрисон», и дождь поливал нас обоих.

А потом мы спустились в метро, и я повезла его к себе домой.

По дороге мы не обменялись и парой слов. От избытка эмоций мыслей практически не осталось. Он скользнул взглядом по мусорным пакетам на окнах, заметил тараканов на столе и отвалившуюся штукатурку. Сейчас квартира была в худшем состоянии, чем в момент нашего переезда, — все-таки с тех пор прошло семь лет. Несмотря на весенний дождь за окном,

здесь было по-зимнему холодно. Наша одежда промокла насквозь, я принесла из ванной пару полотенец.

Протянула полотенце Мэтту, но он, взяв его, принялся нежно вытирать мое лицо, шею, бережно приподнимая волосы. Я не шевелилась. Потом Мэтт расстегнул на мне куртку, уронил на пол.

Я не видела ничего, кроме его губ, но внезапно отстранилась и заметалась по кухне.

— Надо найти еще полотенце, — бормотала я, хотя никаких других полотенец у нас и в помине не было.

Мэтт ухватил меня за рукав, притянул к себе. Я прикрыла глаза. Его руки обвили меня, и, прежде чем я опомнилась, они уже проникли под блузку, мучительно лаская. Он поцеловал меня, и дыхание остановилось. Столько желания было в этом поцелуе, что он не в силах был себя контролировать.

— Пожалуйста, — прошептала я. — Подожди.

Он уже успел снять с меня блузку. Мы рухнули на кучу плюшевых одеял. Всем телом Мэтт прижал меня к матрасу; так сладко было ощущать тяжесть его тела, и то, как его губы скользят по моим, искушая и соблазняя, и как его небритая щека касается моего виска, и его мягкие волосы. Даже сквозь влажную одежду чувствовалось, как пылает его тело. Сейчас передо мной был мужчина, охваченный одновременно горем и желанием.

Я сумела все же выговорить:

— Нам нужен презерватив.

Несколько смущенный, он постарался взять себя в руки, судорожно вздохнув, произнес.

— У меня есть парочка в бумажнике.

— Давай лучше два, — предложила я. — Для надежности.

— О'кей.

Он вновь начал целовать меня, вкус и запах его губ, тела сводили с ума, я, обезумев, срывала с него одежду. Все происходило будто во сне, я могла думать лишь об одном: *это Мэтт, теперь он мой, только мой*. Он казался сейчас еще красивее, чем я помнила, — чуть подрагивающие ресницы, тонкий белый шрам над ключицей, ямка на шее. Несмотря на многочисленные игривые эксперименты, я никогда не видела обнаженного мужчину, а кожа у Мэтта была такая теплая и плотная. В какой-то момент он, видимо, все же натянул презерватив и вдруг оказался прямо внутри меня. Я вскрикнула, но боль оказалась совсем не такой острой, как я себе представляла, а потом я уже ни о чем не думала.

Когда все закончилось, Мэтт вновь разрыдался. Мы лежали рядом,

тяжело дыша, постепенно приходили в себя, и я нежно обнимала его.

— Теперь я должен заботиться о Парке, — говорил Мэтт. — Впереди все в сплошном тумане. — Он хотел сказать, что будущее абсолютно непредсказуемо.

— Все будет хорошо, — утешала я. Взяв его ладонь в свои, крепко сжала. — А что твой отец? Он собирается...

— Нет.

— Где он?

— Понятия не имею. — И горько рассмеялся. — Мне так больно, что просто кровь горлом идет. А он, как обычно, исчез с очередной подружкой. Его никогда не было рядом, он ни разу не помог маме. Вся свою жизнь я был мужчиной в семье — для Парка, для Ма. Знаешь, — голос его дрогнул, — я никогда не стану таким, как он. Всегда буду рядом со своей женой и детьми.

Я тут же вспомнила о других его обязательствах. Как ни ранило это мои чувства, я все же спросила с деланным равнодушием:

— А что Вивиан?

— Я ей даже не рассказывал, что у меня есть отец.

— Нет, я имею в виду — что у вас с Вивиан?

— Нет больше никакой Вивиан. — Он ласково коснулся моих волос. — Когда у мамы случился инфаркт, я сразу понял, что мне никто не нужен кроме тебя. Должен был немедленно тебя увидеть. Для меня всегда существовала только ты.

Я не смогла сдержать негодования:

— Довольно долго казалось, что существует только Вивиан!

Он демонстративно уставился в потолок.

— А ты думаешь, очень приятно, когда с тобой обращаются, как с больным ветрянкой.

— Только потому, что ты мне нравился, — сухо произнесла я.

— Правда? — Краем глаза я заметила, как радостно он улыбается. — Иногда я даже позволял себе в это поверить. Но потом, после того, как... ну, ты знаешь, в туалете, когда... ты вообще перестала меня замечать.

— У тебя, между прочим, в то время была подружка, не помнишь?

— Да я тогда совсем запутался. Я же не такой, как ты, Кимберли. Я обыкновенный бестолковый парень. И вовсе не мастер кунг-фу, герой из боевика, который пришел, чтобы спасти твою жизнь.

— Не надо меня спасать. Я сама намерена вытащить нас с Ма из этой дыры.

— Уверен, у тебя получится. Слушай, а что это за поплавок с тобой

был? (Китайцы так называют плейбоя — того, кто беззаботно резвится в волнах.) — На этих словах ноздри его начали гневно раздуваться. — Если он посмеет еще хоть раз тебя коснуться, я ему башку откручу.

— Давай не будем все усложнять, — улыбнулась я. — Отныне только ты и я.

После ухода Мэтта я бросилась убирать следы нашего свидания, чтобы Ма ничего не заподозрила. И замерла, испуганно прижав ладонь ко рту. Презервативы. Я должна была догадаться. Две резинки терлись друг об друга, и обе порвались. Какая идиотская была идея. И ни он, ни я ничего не заметили.

Глава тринадцатая

Со дня на день должен был прийти ответ из колледжа, поэтому мы с Ма не удивились, когда Тетя Пола вызвала нас к себе в кабинет. Застывшее бледное лицо под слоем крема и пудры. На столе — два пухлых конверта из Йеля. Дыхание замирает — письмо с отказом было бы тоненьким. Большой белый официальный конверт, должно быть, с документами, и еще один, желтый, тоже со штампом Йеля.

— Как это получилось? — очень тихо спросила тетя.

— Что? — хором удивились мы с Ма.

— Что Кимберли подала документы в Йе-лу без моего ведома и разрешения? — Слово «Йель» она произнесла с кантонским акцентом.

— Вашего разрешения? — недоуменно переспросила я.

— Я подписала официальные бумаги, гарантируя, что отвечаю за вас, когда вызывала в Америку. Я несу ответственность, вы живете в квартире, принадлежащей мне, работаете на моей фабрике. И не должны ничего предпринимать, не сообщив мне.

Как ни старалась я сохранить самообладание, но тут мгновенно пришла в ярость.

— Вы хотите сказать, что помогли бы, узнай о моих планах? Как помогли бы и с «Харрисон»?

— Ну разумеется! Все, что я делаю, — ради вашего блага.

— Старшая сестра, — попыталась вмешаться Ма, — мы ведь даже не знаем, поступила Кимберли или нет. Давай не будем так нервничать.

— Открой письмо, — приказала тетка.

В других обстоятельствах я бы отказалась, но сейчас сторала от желания узнать, что там, внутри. Начала я с белого конверта. Несколько бланков и сопроводительное письмо. Письмо я прочла вслух, одновременно переводя на китайский для Ма. Голос дрожал.

— Поздравляем. Вы приняты...

Ма рухнула на стул.

— Ты не можешь учиться в Йе-лу! Я не позволяю! — взвизгнула Тетя Пола.

Не обращая внимания, я распечатала второй конверт. Финансовые документы. Меня принимали бесплатно, предоставляя полную стипендию.

Притиснув оба конверта к груди, с пылающим лицом я обернулась к Ма. Она еле сдерживала смех и слезы радости. Потом вскочила и крепко

обняла меня. А я все подпрыгивала от восторга, не в силах сдержаться.

— Ты сделала это! — ликовала Ма, сжимая меня в объятиях. — Я всегда говорила, что ты особенная девочка.

— Люди увидят эту сентиментальную сцену и просто оцепенеют. — Голос Тети Пола вернул нас к реальности. Тетка намекала, что неприлично вести себя подобным образом.

Ма обернулась к ней:

— А-Ким имеет право учиться, где захочет. Она заслужила это.

Тетя Пола явно не ожидала такого ответа и, запнувшись на миг, заявила:

— У вас нет корней. — В смысле — мы неблагодарные. И вдруг, к моему изумлению, разрыдалась. — Я стала падшей женщиной, чтобы открыть вам дорогу в Америку.

Ма, обойдя вокруг стола, ласково положила руку тетке на плечо. Та лишь раздраженно стряхнула ее. Лицо ее, по-прежнему залитое слезами, стало злобным.

— Ты всегда стремилась жить счастливо. Счастье! Много ли зарабатываешь счастием? Вышла замуж за этого своего директора, увильнула от своих обязанностей. Мне пришлось тащить на себе это бремя! Я вышла замуж за Боба!

— Я никогда не просила тебя об этом, — мягко проговорила Ма. — Я думала, он тебе нравится.

— Откуда я могла знать? Я была совсем юной девчонкой. — И слезы хлынули с новой силой. — Ты не представляешь, сколько лишений мне пришлось испытать, чтобы добиться нынешнего положения.

— Но это не дает вам права так обращаться с нами, — спокойно сказала я. Да, я сочувствовала Тете Поле, но, пока она оплакивала свою тяжелую судьбу, во мне вскипала и поднималась волна ледяного гнева.

Ма тихо ахнула, но я больше ей не подчинялась. Буря эмоций, охватившая меня после известия о поступлении в университет, закружила и несла все дальше и дальше. Я нашла нам новую квартиру, все бумаги, кроме рекомендации для Ма, были готовы. Я знала, что настал миг, когда мы можем порвать с Тетей Полой, и это знание помогло выложить вслух всю правду.

Тетя вытерла рукавом лицо, размазав по щекам тушь.

— У тебя острые зубы и острый язык.

— Все, чем вы нам помогли, — поддельная доброта и фальшивая любезность.

— Как ты смеешь так разговаривать со мной? Где приличия?

— Приличия или не приличия — в Америке это не имеет значения. Важно лишь, кто ты есть на самом деле.

— Америка! Не вытаски я вас сюда, так и сидели бы в своем Гонконге. А я даже дала свой адрес, чтобы ты могла поступить в приличную школу.

— Вы сделали это, потому что незаконно поселили нас в том доме.

У тетки от изумления отвисла челюсть. Она не подозревала, что мне многое известно о реальном положении дел.

— Старшая сестра, — Ма не оставляла надежды урегулировать конфликт, — ты нам очень помогла, но, возможно, настало время нам стать самостоятельнее.

Но я продолжала, не обращая внимания на вмешательство Ма:

— Точно так же незаконно оплачивать нашу работу на фабрике сдельно.

— И ты так разговариваешь со мной, после всего, что я для вас сделала. Словно у тебя не человеческое сердце, а собачье... — Но тон стал скорее заискивающим, чем злобным, тетка явно испугалась.

Я выпрямилась в полный рост — почти вровень с Тетей Полой и гораздо выше Ма.

— Вам должно быть стыдно за то, что продержали нас в таком страшном жилище все эти годы. И заставляли работать в таких чудовищных условиях. Мы словно упали в колодец, а вы еще завалили нас сверху камнями.

Ма медленно кивала, соглашаясь.

— Старшая сестра, я не понимаю, почему ты так обходилась с нами.

— Я дала вам работу и кров! — взвизгнула тетка. — А вы так платите за мою доброту! Я привезла вас сюда! С этим долгом вам и за всю жизнь не расплатиться!

— Подумайте о своих долгах, перед богами и совестью, — парировала я.

И тут Тетя Пола выложила на стол последнюю козырную карту.

— Не хочу навязываться. Если вы считаете, что с вами дурно обошлись, можете проваливать. Прочь с фабрики! И освободите квартиру, — припечатала она, рассчитывая, видимо, что мы одумаемся.

У Ма задрожали руки, но она сумела совладать с собой и улыбнуться.

— Вообще-то, А-Ким уже нашла для нас другую квартиру, в Квинсе.

Тетя Пола вытаращила глаза.

— А долг мы тебе выплатили.

Услышав эти слова, я осознала, что мы свободны — навеки свободны от Тети Полы.

— А если вы попытаетесь нам помешать, — предупредила я тетку, — я тут же сообщу о вас властям.

И мы вышли, оставив тетку с широко разинутым ртом стоять посреди кабинета.

Краем глаза я заметила, как провожали нас взглядами остальные работники; они наблюдали, как мы собираем свои вещи и направляемся к выходу. Мэтт успел ухватить меня за руку, и я торопливо прошептала:

— Все в порядке, зайди к нам попозже.

Мы вышли на улицу, поспешили к метро. Прохладный ветерок развеивал мои волосы.

— Ты в порядке, Ма?

Я давно была готова к такому повороту. Ради этого я и работала все годы. Но Ма фактически потеряла сейчас всю свою семью, у нее осталась только я.

— Да, — вздохнула она. — Стыдно признаться, но мне стало легче. Даже искупайся Тетя Пола в грейпфрутовом соке, это не смоет с нее вины за содеянное. Пора нам идти своим путем.

— Мама и детеныш.

Дома я сразу же позвонила миссис Эйвери и сообщила, что у нас возникли разногласия с тетей — после того, как меня приняли в Йель с предоставлением стипендии. И теперь нам нужно как можно скорее освободить квартиру.

Миссис Эйвери некоторое время молчала.

— Во-первых, от всей души поздравляю, Кимберли! — проговорила она затем. — Убеждена, владельцы квартиры охотно сдадут ее человеку с таким блестящим будущим, а рекомендательные письма вам обеим я напишу сама.

Теперь осталось решить главную проблему: как и чем мы будем зарабатывать на свой рис до моего окончания учебы. Если не удастся вовремя найти новый источник доходов, мы потеряем квартиру.

Ближе к вечеру в дверь постучали.

— Кто бы это мог быть? — удивилась Ма, а я бросилась открывать.

Мы с Мэттом появились на пороге, и удивленное «О» превратилось в понимающую улыбку.

На этот раз Мэтт гораздо более внимательно осмотрел нашу квартиру. Без жалостливого выражения, но по-деловому. Покровительственно положив руку мне на плечо, предложил:

— Я мог бы помочь вам вставить стекла.

— Спасибо. Но мы все равно скоро переедем, я тебе потом расскажу.

За чашкой чая Мэтт беседовал с Ма. Стараясь держаться подальше от мест, откуда могли выползти тараканы, он тем не менее чувствовал себя как дома. Я даже размечталась, как чудесно было бы, живи Мэтт здесь с нами; в его присутствии даже наша убогая кухня казалась уютной.

Поболтав несколько минут, Мэтт спросил у Ма:

— Вы не будете возражать, если я приглашу Кимберли в Чайнатаун на миску вонтон-супа? Обещаю, я присмотрю за ней.

Я открыла рот, чтобы возразить — мол, за мной не нужно присматривать, но Ма уже ласково улыбалась.

— Ступайте, позагорайте под луной, — пошутила она; так у нас говорили про влюбленных, подолгу гуляющих ночами.

— Ма... — смутилась я, не поднимая глаз на Мэтта.

— Надеюсь, вы оба будете вести себя благоразумно. И возвращайтесь не слишком поздно.

Быть не может — я иду на свидание с Мэттом и не должна обманывать Ма.

Едва мы оказались на улице, Мэтт страстно поцеловал меня. Проходившие мимо парни одобрительно засвистели.

Мэтт с трудом отодвинулся, глаза его потемнели от желания.

— Ты меня с ума сводишь. Рядом с тобой меня будто в водовороте кружит.

Радостно вздохнув, я прижалась щекой к его плечу.

По пути в Чайнатаун я успела рассказать, что произошло у нас с Тетей Полой, и историю про новую квартиру. О поступлении в университет я решила сообщить позже, когда мы сядем наконец где-нибудь в тихом местечке.

В кафе было битком — одни китайцы. В те времена туристы еще не добрались до лучших ресторанов, и, если белый случайно оказывался здесь, официант, отдавая заказ в кухню, обычно кричал: «Рыжая борода, голубые глаза», чтобы повар адаптировал блюдо к европейскому вкусу.

Мы встали в длинную очередь. Вдоль стены шел прилавок, за которым толпились люди, ожидавшие заказ на вынос. Несколько девушек упаковывали заказы в пластиковые контейнеры.

— А-Мэтт, что это ты тут жмешься? — Маленький лысый официант хлопнул Мэтта по плечу, ослепительно улыбаясь. — Пойдем-ка со мной.

Игнорируя недовольные взгляды других клиентов, он потащил нас к небольшому столику в дальнем углу ресторана. Еще один официант

окликнул Мэтта по имени, потом быстро прибрал пустые тарелки с нашего столика.

— Спасибо, А-Хо, — улыбнулся Мэтт. — Привет, А-Гонг, смотри не разбей тарелки.

Официант, конечно, заметил, что с Мэттом сегодня не Вивиан, но вежливо промолчал. Порции вонтон-супа оказались большими, домашняя лапша вкусной, а мясные шарики вонтонов обернуты в нежнейшее тесто.

Сверху плавали стрелки зеленого лука, я выловила их ложкой, втянула в рот.

— Целую вечность такого не ела.

— Лучший суп в Чайнатауне, — гордо заявил Мэтт.

— Часто сюда заходишь? — Я невольно представила, как Мэтт с Вивиан приходят сюда каждый вечер.

— Да нет, почти никогда. А с ребятами знаком, потому что мыл здесь посуду раньше.

— Когда это?

— Давно, надо было заработать пару лишних центов.

— А почему не стоял у столов?

— Слишком молодо выглядел. А потом нашел работу у итальянцев, с доставкой пиццы.

Я поймала свое отражение в зеркале за спиной Мэтта — сияющее от счастья. Я сидела рядом с Мэттом, слушала рассказы о его жизни, и он принадлежал мне. Перевела взгляд на его руки, спокойно лежавшие на столе, тяжелые, с покрасневшими костяшками — руки работяги, самое удивительное, что я видела в жизни. Я взяла его ладонь в свои и на миг прижала к щеке.

Он прикрыл глаза.

— Иногда, когда я гулял с... не с тобой, вспоминал вдруг твое лицо или слова, что ты говорила. Я думал, что не нравлюсь тебе. Ты была такая отстраненная, холодная, ходила в свою роскошную частную школу. Я же понимал, что ты другого поля ягода, не обычный глупый фабричный ребенок. Вроде меня.

— И поэтому ты выбрал Вивиан?

— Да я и помыслить не мог, что ты на меня обратишь внимание, а то бы обязательно тебя добивался. Вив, она во всем зависела от меня. А тебе, похоже, вообще никто не нужен.

Сердце сжалось. Я с трудом выдавила:

— Мне нужен ты.

— Правда?

— Рядом с тобой я сыта одной водой. Но почему ты все же пришел ко мне?

— Когда мы целовались в туалете на фабрике, я впервые подумал, что у меня есть шанс. Но потом ты опять не обращала на меня внимания, и я вообще перестал что-либо понимать. Я убедил себя, что то была минутная слабость, что твое сердце не здесь. Но когда... — Он не хотел произносить вслух страшные слова о маминой смерти. — Мне тогда было все равно, нравлюсь я тебе или нет. Мне было очень плохо, но Вивиан стала совершенно безразлична. Я должен был увидеть тебя.

— А раньше говорил, что тебе не забраться так высоко.

— Верно. — Он не смел поднять глаза. — Мне с тобой не сравниться.

— А я поняла, что ты просто не хочешь быть со мной, что ты решил остаться с Вивиан.

— Ты что, вправду так подумала?

— Ну да.

— Мне нужно было время, чтоб разобраться во всем. А рядом с тобой я вообще ни о чем думать не могу, особенно после того, как поцеловал тебя. Но и Вивиан жалко. Не хочу быть таким же, как мой отец. И ты действительно слишком хороша для меня.

Я не могла дольше терпеть.

— Меня приняли в Йе-лу!

— Ух ты! — Он чуть не задохнулся от восторга. — Правда? Поздравляю.

Мэтт, конечно, обрадовался, но в то же время выглядел озабоченным.

— Так это что значит — ты уедешь из Нью-Йорка?

Меня словно прорвало, слова полились стремительным потоком:

— Если хочешь, вы с Парком можете поехать со мной. Это займет, наверное, какое-то время, но однажды я обязательно вытащу вас из всего этого.

— А если я не хочу никуда бежать? — тихо спросил он.

— Хочешь всю жизнь прожить в Чайнатауне?

— Почему бы и нет? Мне здесь нравится — отличная еда, дешевое жилье...

— Большие тараканы...

— Ага. Но знаешь, чтобы любить, деньги не нужны, и не нужно делать успешную карьеру, чтобы иметь детей и жить вместе. Разве это не в счет?

— Мне только восемнадцать! С чего мне сейчас думать о детях?

— Ты будешь замечательной мамой.

— Я буду замечательным хирургом.

— Ну да. — Он как-то небрежно откинулся на спинку стула. — И это тоже. Вот об этом я и толкую. Вопрос времени — когда ты бросишь меня ради лучшей жизни.

— Никогда. — Наклонившись над столом, я решительно притянула его к себе и крепко поцеловала.

— Я пойду за тобой куда угодно, Кимберли. Но я хочу заботиться о тебе и быть в семье главным.

Следующие несколько недель были самыми счастливыми в моей жизни. Миссис Эйвери устроила все так, что мы могли переехать в новую квартиру уже в начале мая. Ма обратилась на ювелирную фабрику в Чайнатауне, о которой рассказывал Мэтт, и вернулась домой с мешком бусин, проволочек и инструментов. За работу платили мало, но до конца учебного года я еще работала в школьной библиотеке, так что нам хватало. Впрочем, понятно было, что одним ювелирным ремеслом не прожить.

— Благодарение богам, мы переезжаем, — радовалась Ма. — В нашей квартире зимой такой работой не займешься — руки застынут.

— После выпускного у меня будет больше времени, я смогу заработать, — успокаивала я. Я научилась быстро печатать и надеялась, что найду работу в каком-нибудь офисе.

— Ты думай о своей учебе. Долги Тете Поле выплачены, теперь будет легче, мы справимся.

Зачисления в колледж вызвали бурное оживление в «Харрисон». Я оказалась среди счастливиц, попавших в лучшие учебные заведения. Даже доктор Коупленд, случайно встретив в коридоре, лично поздравила меня. Многие оборачивались вслед, когда я проходила мимо. Аннет приняли в «Веслейн», Курта — в Род-Айлендскую школу дизайна.

— Я тоже буду учиться в Коннектикуте! — Аннет чуть не задушила меня на радостях. — Мы сможем часто встречаться!

После того как Курт столкнулся с Мэттом, я сказала лишь, что мы не сможем с ним продолжить занятия.

— Я же говорил, я все понял, — буркнул он, глядя в сторону. Одежда его была в беспорядке, взгляд погасший. С тех пор мы не виделись.

Каждый миг жизни отныне заполнял Мэтт. По воскресеньям он приходил к нам помогать собирать бусы. Забавно было наблюдать, как здоровенный парень перебирает своими неловкими загрубевшими пальцами дамские безделушки. Он старался изо всех сил, приводя Ма в умиление. Но при каждом удобном случае мы спешили улизнуть домой к Мэтту, где можно было остаться наедине. Не представляю, как они втроем,

с Парком и мамой, помещались в той каморке. Матрасы, на которых они спали, приходилось днем убирать в шкаф, иначе по квартире невозможно было передвигаться. Мы с Мэттом настолько неистово хотели друг друга, что с трудом успевали эти матрасы вытащить.

Мэтт ушел с фабрики и работал в транспортно-грузовой компании. Ему всегда нравилась работа, помогавшая поддерживать физическую форму. Зарплата была неплохой, и, главное, каждый месяц он точно знал, сколько получит.

— Тебе не стоило уходить из-за меня с фабрики, — как-то раз заметила я.

— Я все равно давно собирался оттуда литься. Держался, только чтобы помогать маме и присматривать за Парком.

После смерти матери Парк почти полностью погрузился в себя. Регресс оказался настолько сильным, что я даже не надеялась когда-нибудь вновь наладить с ним контакт. Он начал мочиться в штаны, как младенец, ни на что не реагировал — ни на слова, ни на жесты. Мэтту приходилось почти насильно кормить его, но все равно Парк страшно исхудал. Он целыми днями оставался дома один или под присмотром пожилой соседки, которая с давних пор помогала их семье. Иногда Парк сидел неподалеку от гаража, где работал Мэтт.

— Ребята там нормальные, — рассказывал Мэтт. — Они не против, чтобы Парк приходил, знают, что он ничего дурного не сделает.

Мэтта любили, как и прежде на фабрике, и мирились с Парком, потому что он брат Мэтта.

У Мэтта были друзья повсюду в Чайнатауне. Нам никогда не приходилось стоять в очередях. Однажды мы покупали продукты по просьбе Ма. Торговец рыбой, едва завидев Мэтта, обслужил нас первыми, оставив на время остальных покупателей.

— А здесь что, ты когда-то чистил рыбу? — прошептала я.

— Да нет, — смутился он, — просто я давно живу в Чайнатауне, хочешь не хочешь, со всеми познакомишься.

Ма потом говорила, что никогда не пробовала такого свежего морского окуня.

Проходя мимо газетчика, Мэтт, бывало, окликал его:

— Эй, передохнуть не хочешь? Могу постоять тут за тебя чуток.

— Нет, Мэтт, спасибо.

— Может, принести тебе чашечку кофе? — Мэтт косился на меня: — Не возражаешь? Бедняга торчит тут дни напролет.

Я никогда не возражала. И любила его еще больше.

Я хотела, чтобы Аннет познакомилась с Мэттом, и она пришла к нам в Чайнатаун на чашечку чая. В кафе она оказалась единственной белой и категорически настаивала, чтобы ей подали что-нибудь китайское-прекитайское. Мы выбрали то, что я больше всего любила, — вареную красную фасоль, смешанную с мелко колотым льдом и сладким сгущенным молоком.

— Мне подадут по-настоящему, по-китайски? — волновалась Аннет. — Официант не скажет повару, что это для белого посетителя?

С тех пор как я рассказала подружке про особенности работы китайских ресторанов, она все переживала относительно аутентичности еды.

— Я попросил, чтобы нам всем подали, как китайцам, — заверил Мэтт. Странно было слышать, как он говорит по-английски с легким китайским акцентом. Прядь волос упала ему на глаза, он поправил прическу удивительно изящным движением.

— Спасибо. — Аннет лукаво улыбнулась мне: — Теперь я понимаю, почему ты не влюбилась ни в одного из тех парней в «Харрисон».

Я наступила ей на ногу под столом, но было уже поздно.

— Каких парней? — насторожился Мэтт.

— Да так, ерунда, — небрежно отмахнулась я.

— Кимберли, — хихикнула Аннет, — обещаю, что в следующем году мы будем часто встречаться.

— Не знаю, захочу ли я общаться с такой несдержанной особой, — шутливо поморщилась я.

— Нельзя ли все же подробнее насчет парней, — не отставал Мэтт.

— О, смотрите, вот и наш заказ, — с облегчением сменила я тему.

Однажды, когда мы с Мэттом гуляли вместе, в окне цветочного магазина я увидела Вивиан. Она, кажется, еще больше похорошела, если это вообще возможно, но печаль в глазах такая, будто мир рухнул. Вдруг она повернулась и заметила нас. Казалось, сердце ее разорвалось, горе заполнило ее, не оставляя места гневу. И я подумала: «Не хочу никогда никого полюбить так же сильно, даже Мэтта, — так, что в душе не останется места для меня самой, так, что я не смогу жить, если он оставит меня».

Мы валялись на матрасе в комнатухе Мэтта.

— Давай останемся вместе здесь, в Чайнатауне, — сказал он.

— Как это? В смысле — не учиться в Йе-лу?

— Образование не так уж важно. Все и так замечательно. Мы

счастливы. Остайся со мной. Я хорошо зарабатываю. Постепенно, шаг за шагом, мы построим свою жизнь.

Да, я, безусловно, хотела прожить с Мэттом до конца своих дней. Я всей душой стремилась к нему, если его не было рядом. Но вместе с тем все было не так просто. После зачисления Аннет подарила мне справочник про Йель, и я часами разглядывала фотографии университетских лабораторий. У них даже обсерватория была, которой мог воспользоваться любой, просто предъявив студенческий билет Йеля. Среди профессоров — лучшие умы нашего времени. В таком месте можно было добиться чего угодно!

— Мэтт, я не могу отказаться от Йеля. Поехали со мной. Можем снять квартиру рядом с университетом. Уверена, ты запросто найдешь там работу. А потом, когда я стану врачом или ученым, мы вместе сможем прожить восхитительную жизнь. Путешествовать. Переживать приключения. Со временем, возможно, ты даже перестанешь работать.

Он помрачнел. Похоже, я перестаралась.

— Это я хочу заботиться о тебе, Кимберли, — медленно проговорил Мэтт, разглядывая собственные руки, — а не наоборот. Мужчина должен быть главой семьи.

— Так было раньше! Какая разница, кто больше зарабатывает? Ты же сам говорил, важнее всего — вместе строить общую жизнь.

— Наверное, меня просто бесит мысль, что ты будешь учиться рядом с такими попрыгунчиками, как тот твой, школьный, и все они будут клеиться к тебе.

— Что? — Такая мысль никогда не приходила мне в голову, я рассмеялась. — Мы будем учиться. Никто даже не обратит на меня внимания.

— Ты не понимаешь, а я знаю мужчин, поверь.

— Ты хуже, чем Ма. Но даже если и так, у меня же есть ты.

Мэтт крепко обнял меня, поцеловал.

— Знаешь, не могу не ревновать тебя к любому парню, который появляется поблизости. Никогда таким не был. Не представлял, что могу испытывать такие чувства.

В те дни хотелось верить, что любовь — это нечто реальное и постоянное, как талисман удачи, который всегда носишь на шее. Сейчас я понимаю, что она больше похожа на струйку дыма от ароматической палочки: остается лишь воспоминание, едва заметный след аромата.

Я знала с того самого момента, как увидела порванные презервативы. И, как ни странно, первым, кому рассказала, был Курт. Он, должно быть,

понял, что случилось нечто серьезное, когда я предложила встретиться. Он ждал на нашем старом месте, под трибунами.

— Все в порядке?

Я молчала, а потом просто расплакалась. Курт тут же обнял меня за плечи, прижал к себе. Так мы и сидели, голова к голове, пока я рыдала. Наконец успокоилась, вытерла глаза рукавом.

— Это тот козел? — осторожно спросил Курт.

Я запротестовала:

— Он не...

— Ладно, ладно... — После паузы Курт продолжил: — Одно из трех. Первое: он тебя бросил. Второе: ты его бросила. Третье: ты залетела.

На этих словах слезы хлынули вновь.

— Кимберли! — Курт наклонился, потрясенно заглядывая мне в глаза. — Ты шутишь...

Я спрятала лицо в ладонях.

— Я совсем запуталась. Со мной никогда такого не было. Все мои надежды, планы, все, о чем я мечтала, — все пропало.

— Хочешь, я на тебе женюсь? — участливо предложил Курт.

Несмотря на печальные обстоятельства, я не смогла сдержать смех.

— Нет, серьезно. Я был бы не прочь. И вообще мы подходим друг другу.

Меня больше поразила легкость, с которой Курт относится к браку, чем его готовность жениться на мне.

— А как же твои страхи перед пригородами и стабильной жизнью?

— Ну, это совсем не обязательно. Кимберли, с тобой я буду чувствовать себя свободным. — Он смущенно отвернулся. — Я скучал по тебе, когда ты была... занята.

Опущенные ресницы, такие же светлые, как его волосы, — он говорил очень серьезно.

— Мы могли бы начать сначала, с чистого листа.

— Курт, я люблю тебя. Но не так. И ты тоже любишь меня иначе. Мы ведь просто друзья. Друзья, которые просто валяли дурака.

Он печально вздохнул:

— Пожалуй. Хочешь, я дам тебе денег?

— Ты самый милый на свете. — Я погладила его по небритой щеке. — Не то чтобы мне не нужны были деньги, но от тебя я их принять не могу.

— Брось, Кимберли. Ну, хочешь, возьми в долг, отдашь, когда сможешь. Дети, знаешь ли, требуют много расходов.

Усилием воли я поборолла новый приступ паники. Даже сумела

выдавить улыбку.

— Достаточно того, что я использовала тебя. Остановимся на этом, не будем использовать еще и твои деньги.

— Как можно возвышенно рассуждать в таких обстоятельствах? — Он даже присвистнул.

— Возвышенно... Если бы ты знал, о чем я иногда думаю... Ох, Курт, что мне делать?

— Ты уже рассказала этому козлу?

— Он не... Нет.

— А собираешься сказать?

— Не знаю.

На прощанье Курт наклонился поцеловать меня. Держа его лицо в ладонях, я чуть повернула голову, и поцелуй пришелся на щеку, чуть задев краешек губ.

— Спасибо, что выслушал.

— Повезло твоему козлу.

С Аннет я поговорила на перемене. Я уже выплакалась с Куртом, так что с ней мне удалось сохранить самообладание.

Впервые в жизни Аннет промолчала. А потом изо всех сил стиснула мою руку:

— Я с тобой.

— Что скажешь? — выдохнула я.

— Нужно рассказать ему.

— Я не могу.

— Почему? Он имеет право знать.

— Да. Но если я расскажу, он никогда не позволит мне... ну, ты понимаешь. Он захочет его сохранить и пожениться. Захочет, чтобы мы остались навеки в Чайнатауне.

— Знаешь, есть вещи и похуже, чем слишком рано стать матерью и прожить всю жизнь с необразованным красавчиком.

— Я не хочу вынуждать его остаться со мной. И не уверена, что смогу сделать его счастливым. Ну что я за жена? Нищая, истеричная, вся в комплексах. — Я в сердцах вцепилась в собственные волосы.

— Прекрати, ты сделаешь себе больно. Ты же понимаешь — легче всего избавиться от проблемы, продолжать быть вместе с ним, так никогда и не сказав правды. Но ты так не сможешь. Возможно, лучше всего было бы расстаться.

Наверное, у меня был совершенно потерянный вид, потому что Аннет

поспешно добавила:

— Прости. Если у тебя будет ребенок, жизнь, конечно, станет труднее, гораздо труднее, но она на этом не закончится.

— Если повезет.

— У тебя есть нечто гораздо большее, чем везение, — ты выдающийся человек.

— Мне бы твою уверенность.

Возвращения Ма с работы я ждала с нетерпением маленького ребенка. После того, как я все рассказала Курту и Аннет, словно рухнула плотина, сдерживавшая мои эмоции. Дверь отворилась, и я, как в детстве, бросилась к Ма.

— А-Ким! Что такое? Что с тобой, доченька? — Ма обняла меня, хотя ее голова теперь едва доставала мне до плеча, усадила на стул.

Я же все время конвульсивно подскакивала на месте.

Ма помолчала, внимательно наблюдая за мной.

— У тебя большой живот. — По-китайски это означает беременность.

Я молчала.

Прикрыв глаза, Ма тихо спросила:

— Что он сказал?

— Я ему не говорила.

— Ты же не собираешься изгонять плод. — Она твердо посмотрела мне в глаза.

— А что еще мне остается? — Голос звучал совершенно безжизненно. — Как я смогу заботиться о тебе, Парке, Мэтте, да еще и ребенке?

— Мы справимся.

Я раздраженно стряхнула ее руку с плеча:

— Как справлялись до сих пор?

Оглядывая нашу грязную лачугу, я подумала о женщине с малышом, что жили напротив, в доме мистера Эла.

— Я обещала, что устрою твою жизнь, Ма. Прости, я оказалась такой дурой.

— Девочка моя, — голос Ма дрогнул, — ты сделала для нас все, что могла. Это я перед тобой виновата, виновата, что не могла тебе помочь. — И она прижала меня к груди.

— Ма, ты ведь хотела выйти замуж за Па?

— Выбрав твоего отца, я не думала, что Тетя Пола когда-нибудь пригласит нас в Америку. Уезжая из Гонконга, она пожелала мне там и

умереть. Я понимала, выходя замуж, что отказываюсь от своего будущего. Но, выбери я Дядю Боба, жалела бы всю оставшуюся жизнь. Я всегда любила твоего отца и люблю сейчас, хотя его уже много лет нет с нами.

— Но Па по собственной воле принял решение жить с тобой до конца дней. Я мечтала, как мы с Мэттом постепенно, шаг за шагом, будем становиться ближе. И не хочу привязывать его к себе ребенком.

— Тебе придется слегка изменить свои представления. Послушай, родная моя, тому, что произошло между тобой и Мэттом, никто не в силах противостоять. Много лет я знала, что вы любите друг друга. Когда ты была маленькой, я не разрешала тебе играть с фабричными детишками. Боялась, что они собьют тебя с верной дороги. Но потом поняла, что тебя не собьешь. Я горжусь тобой. Просто иногда наша истинная судьба отличается от той, что мы себе вообразили.

ДВЕНАДЦАТЬ ЛЕТ СПУСТЯ

Глава четырнадцатая

Шестилетний Пит спрятался под маленьким синим столиком и, вцепившись в одну из ножек, категорически отказывался вылезать.

— Я думал, у него просто высокое давление. Не понимаю, зачем нужна операция. Может, он просто какие-нибудь таблетки попринимает? — Маленький лысый мужчина, с брюшком, нависшим над ремнем, был напуган.

— Мистер Хо, боюсь, дело гораздо серьезнее. У Пита коарктация аорты, врожденный порок сердца. — Я потянулась за пластиковой моделью сердца, которую специально держала на столе. Малыш внимательно наблюдал за нами снизу.

Мистер Хо растерянно моргал. Хоть и говорили мы по-китайски, держу пари, мальчик не понял ни слова.

— Пит с этим родился. Видите? — я показала на аорту. — Это главная артерия, которая разносит кровь от сердца по всему телу. Вот здесь она недостаточно широкая. — Я достала эхокардиограмму, улыбнулась мальчику: — Пит, хочешь посмотреть фотографию своего сердца?

Он медленно выполз из-под стола и забрался на колени к отцу. Я повернула листок, чтобы им было лучше видно.

— У тебя очень хорошее сердце, но из-за того, что в этом месте узко, все сердце вынуждено слишком сильно работать. И вот здесь, в левой камере, возникает чересчур большое давление. Со временем это может повредить мышцы сердца и привести к множеству других проблем.

— Например? — заволновался мистер Хо.

— Высокое кровяное давление или остановка сердца.

Он побледнел. Понятное дело, он надеялся, что можно обойтись без операции.

— У малыша курабельный случай, — успокоила я. — Это означает, что все можно исправить. Разумеется, при правильном лечении и последующей программе реабилитации.

Оба определенно повеселели.

— Эта красивая тетя будет рядом, когда мне операцию сделают, Па? — покосившись на меня, спросил Пит.

— Она будет главной, — пообещал тот.

— Правда? — поразился малыш.

— Я твой хирург, твой лечащий врач, — заверила я его. — И все время буду рядом с тобой.

Мистер Хо напоминал мне кого-то из прошлого. Где я могла раньше слышать это имя? Неожиданная мысль пришла в голову, и я не сумела удержаться от вопроса.

— Скажите, вам не знаком Мэтт Ву?

— А-Мэтт? — удивился мужчина. — Ну конечно. А вы что, его знаете? Вот не подумал бы, что наш А-Мэтт знаком с такими важными людьми!

— Вы, наверное, не помните. Мы с Мэттом иногда заходили поест вонтон-супа. — Воспоминания заставили улыбнуться. Это тот самый официант, что всегда обслуживал нас без очереди.

— А-а... — Он посмотрел внимательнее, явно стараясь припомнить. — Ну да, конечно. — Мистер Хо смущенно кивнул, и я поняла, что он помнит только Вивиан.

— Вы с ним все еще видите? — как можно небрежнее поинтересовалась я.

— Разумеется, очень часто.

Вот он, мой шанс. Я протянула визитку:

— Не могли бы вы передать ему это? (Маленький Пит взял карточку, прижал к щеке.)

— Скажите ему...

Мистер Хо ждал продолжения.

— Передайте ему привет.

— Обязательно. — Вынув карточку из рук сына, он аккуратно убрал ее в бумажник.

За эти годы я сотни раз представляла свою встречу с Мэттом: в автобусе, в банке, в Кембридже; я воображала его пациентом больницы, готова была столкнуться с ним в школе, в университете — где угодно. Отчасти из-за этого, наверное, я стала работать в больнице неподалеку от Чайнатауна. Я воображала, как однажды он появится в дверях, но, конечно, это было невозможно — не в отделении же детской кардиохирургии. Я даже разыскивала его в Чайнатауне. Мне известны были его любимые места, и я придумывала объяснения своим частым там появлениям. Табличка с именем на дверях его старого дома исчезла, значит, он переехал. Но я все равно не решилась бы встретиться с ним лицом к лицу — после того, что сделала, — и поэтому старалась, чтобы соседи меня не заметили.

Однажды поздно вечером я все же увидела его. Его фигура мелькнула

в толпе, а потом он зашел в магазин для новобрачных. Я видела его всего секунду и со спины, но была уверена, что это именно он. Я поспешила следом. Услышала радостный женский голос, отступила к окну. Там-то я и заметила девчушку лет пяти, устроившуюся под манекеном. Его дочь? Я прекрасно помнила, по какой причине солгала Мэтту много лет назад. Солгала, чтобы нашего ребенка не постигла судьба этой очаровательной малютки. Впрочем, кто я такая, чтобы судить, — а вдруг она тоже возьмет будущее в свои собственные руки? Вивиан сделала выбор, посвятив каждый день собственной жизни одному лишь Мэтту...

А потом он сам появился в дверях. Девчушка подпрыгнула, побежала к нему, с радостным смехом он подхватил ее. Я отскочила от окна — в страхе, что не успею сбежать на мгновенно ослабевших ногах. Я так и не посмела вернуться и разрушить его счастливую жизнь.

Ранним субботним утром я забежала в больницу только на минутку, даже переодеваться не стала, — просто хотела проверить, как дела у моей маленькой пациентки, новорожденной, которой накануне я сделала сложную операцию. Коротко переговорила с родителями, дожидавшимися в палате интенсивной терапии.

Даже спустя годы я испытываю благоговейный страх, держа в руках скальпель. Зачастую мои пациенты совсем крошки, нескольких дней от роду, но уже оказываются на операционном столе. И всякий раз я прихожу в ужас, потому что от моего умения зависит их жизнь. Я стараюсь довериться судьбе. После неудачных операций пытаюсь убедить себя, что есть ситуации, в которых никто ничего не сумел бы сделать. В такие ночи я, лежа одна в постели, вспоминаю ход операции, размышляя, почему именно этот ребенок должен был умереть, не свершился ли роковой выбор в результате моей ошибки. Подобная работа требует стремления к совершенству; наверное, поэтому я ее и выбрала — дабы зов совершенства заглушил голос моего собственного сердца.

— У вас есть минутка, док? — донесся из коридора голос Мэтта.

Обычные джинсы, майка, все те же золотистые глаза, о которых я так долго грезил, — при виде Мэтта во плоти сердце забилося с такой силой, что я могла умереть от радости прямо на месте.

Он, не таясь, рассматривал меня. Лицо постепенно светлело, расплываясь в улыбке.

— Кимберли.

Волна счастья от сердца поднялась к лицу, мне пришлось опустить голову, чтобы скрыть внезапно вспыхнувшие щеки. Я смущенно

переложила мотоциклетный шлем в другую руку, украдкой покосилась на Мэтта. А он постарел. Передо мной стоял не юноша, которого я помнила, но зрелый мужчина. Крепкие руки, широкие плечи — результат физической работы, уверенный взгляд человека, знающего себе цену.

— Не надеялся застать тебя сегодня, — заговорил он по-китайски.

— Вообще-то я сегодня и не работаю. Зашла взглянуть на пациента. Ну, пойдём ко мне.

По пути в кабинет я не знала, что сказать, все время боялась случайно коснуться его, но не могла сдержать улыбки, приходя в щенячий восторг от самого факта — Мэтт здесь, рядом со мной.

В кабинете Мэтт медленно прошёлся вдоль стены, разглядывая мои дипломы и награды.

— Да, высоко ты забралась, девчонка со швейной фабрики.

Я словно невзначай подошла к столу, незаметно перевернула единственное фото, стоявшее там.

— Спасибо.

Но он все, конечно, заметил.

— Не стоит беспокоиться. Я все равно не хочу видеть любовь всей твоей жизни.

— Как Парк? И Вивиан?

Он не удивился, что я знаю о них с Вивиан.

— Оба хорошо. Он помогает в почтовой компании, где я работаю, возится в гараже. Вивиан работает в магазине для новобрачных.

Значит, Мэтт теперь почтовый курьер.

— А что произошло с бизнесом ее отца?

— Закрылся. Трудные времена. Она и сама неплохо справляется, босс говорит, со временем станет управляющим.

— Отлично. — Думаю, Мэтт и сам не верил своим словам. — Кажется, несколько лет назад я видела ее фото в журнале.

— Да, наверное, это была она. Что-то там рекламировала, но потом уволилась.

— Почему?

— Муж у нее слишком ревнивый. — Он смущенно взъерошил волосы. — Глупый парень, да?

Он как будто ударил меня. Он любил ее, конечно, любил. Много лет они любили друг друга и заботились друг о друге. После нашего разрыва он довольно скоро вернулся к ней. Получается, я стала лишь коротким эпизодом между Вивиан и Вивиан.

— А ты сам как? — сумела я все же спросить.

Окинув взглядом мой кабинет, он пожал плечами и проговорил, словно защищаясь:

— Я хорошо живу.

— Ясно.

Я больше не могла сдерживаться. Медленно подошла, коснулась его щеки. Как бы я хотела заботиться о нем до конца жизни. Глубоко вздохнула.

— Мэтт, мне нужно сказать тебе...

— Я знаю.

— Нет, не знаешь.

— Я не так глуп, как кажется. Я ведь тоже там был, помнишь, когда мы сделали ребенка?

Я онемела.

— Когда ты меня бросила, — голос дрогнул, — мое сердце разбилось. Сначала я думал, это оттого, что мы такие разные. «Бамбуку нужен бамбук, а металлу нужен металл». Никогда не забуду этих слов. Я всегда знал, что ты лучше меня, но все равно не мог понять, как можно так внезапно стать такой холодной. А потом подсчитал и все понял.

Я обняла его, и он не сопротивлялся. От него пахло все тем же лосьоном после бритья и сандаловым мылом. Прижавшись щекой к его плечу, я прошептала:

— Прости.

— Поэтому я никогда не искал тебя. Поэтому вернулся к Вивиан.

— Ты уже тогда знал? — Я не узнавала собственный голос. — Вернулся к ней, потому что ненавидал меня?

— Это убило меня, Кимберли. Ты даже не посоветовалась со мной. Не дала мне шанса. Мы могли бы справиться. Может, и без этих твоих дипломов, но мы были бы вместе, и у нас был бы ребенок. — В глазах его стояли невыплаканные слезы.

— Ты не представляешь, как я сожалею о том, что сделала. Я никогда не была лучше, чем ты, и сейчас не лучше. В то время наше финансовое положение было таким шатким, мне казалось, что мы висим на тоненькой ниточке, которая готова оборваться под нашим общим весом. Ты, я, Парк, Ма, ребенок. Я не смела связывать тебя. И думала, что не смогу сделать тебя счастливым.

— Что?

— Да, в тот момент мы были счастливы. Но я считала нечестным привязывать тебя посредством ребенка. Смог бы ты так жить? Имея жену — детского кардиохирурга? Я иногда работаю по восемьдесят часов в

неделю. Это разные вещи — по собственной воле выбрать жизнь со мной или не иметь такого выбора из-за ребенка.

— Но ты не обязательно должна была стать хирургом. Ты могла бы сидеть дома. Что, теперь ты счастлива? Я бы заботился о тебе, содержал семью.

— У меня были обязательства перед мамой, — тихо заметила я. — И перед собой. Я не могла изменить собственной натуры. Хотя иногда мне хочется. Но я не была бы счастлива в той жизни, о которой мечтал ты, а ты не был бы счастлив в моей.

— И заплатил за это наш ребенок. — Глаза его пылали. — Ты не понимаешь, что значит любить ребенка.

Я разлепила губы, готовая изменить все прямо сейчас, но вдруг он резко бросил:

— Вивиан опять беременна.

Глаза заволокла пелена так долго сдерживаемых слез. Я поняла, что вопреки всякой логике, несмотря на то, что мы никогда вместе не жили, все же надеялась, что после того, как Мэтт узнает всю историю, наша судьба изменится. Отвернувшись, я смахнула слезы. Он обнял меня, прошептал куда-то в макушку:

— Для меня всегда была только ты, Кимберли, от носика до хвостика. Но Вивиан я необходим.

— Знаю. Ты нужен своей семье, Мэтт. Почему ты пришел сюда?

— Потому же, почему ты передала мне свою визитку. Попрощаться.

Я прикрыла глаза.

— Я отвезу тебя домой.

При виде «дукагти» Мэтт восхищенно присвистнул. Мощный и блестящий — именно о таком мотоцикле я всегда мечтала.

Никогда не забуду эту поездку. Руки Мэтта, обнимающие меня, запах кожи, безумие скорости, смазанные очертания Нью-Йорка. Мы словно проникали сквозь петли времени, возвращаясь к тому дню, когда Мэтт работал разносчиком пиццы. Я мечтала вернуть и тот день, и все годы, что мы тосковали друг без друга. Он плотнее приник ко мне, мои волосы обвивались вокруг его шеи. Я бы все отдала, чтобы наша поездка длилась вечно.

Мотоцикл замер. Он медленно, словно не желая отпускать меня, разомкнул объятия. Я припарковала «дукагти» неподалеку от его нынешнего дома. Они жили по соседству с федеральным шоссе. Рев автострады наверняка не давал покоя ни днем ни ночью, а земля под

ногами слегка подрагивала. Я остановилась за углом, не хотела, чтобы нас видели вместе.

— Ну вот. Вот и все. Приехали.

Он молча смотрел на меня. Таких печальных глаз я никогда ни у кого не видела.

На шее, из-под выреза футболки, блеснуло золото. Потянувшись, я коснулась пальцем:

— Я помню.

Ухватившись за цепочку, я привлекла Мэтта к себе. Очень медленно губы наши сомкнулись. Все эти годы я жила в ожидании такого поцелуя — мягкости его губ, его восхитительного запаха. И готова была отдать что угодно, лишь бы войти сейчас вместе с ним в наш дом, прожить нашу общую жизнь с нашими детьми. Правильно ли я поступила? Может, следовало выбрать жизнь, которой хотел он? Но на самом-то деле выбора у меня не было — я просто такая, какая есть.

А потом он долго смотрел на меня своими невероятными золотистыми глазами. Я набрала побольше воздуха, но он прижал палец к моим губам:

— Пожалуйста, Кимберли, не говори ничего.

Он снял цепочку с изображением Гуанинь и вложил мне в ладонь, как когда-то давным-давно на фабрике.

— Держи. Храни ее. А она сохранит тебя.

— А что ты скажешь Вивиан?

— Совру. Скажу, что потерял.

Я должна была отказаться, вернуть амулет, но не смогла.

— Я тоскую по тебе, Мэтт. И всегда буду тосковать.

Он покачал головой, криво ухмыльнувшись:

— Что я знаю точно, Кимберли Чанг, так это то, что все у тебя будет хорошо.

— До свидания, Мэтт.

Не оглядываясь, он вошел в дом.

Не знаю, сколько еще я стояла рядом с мотоциклом, разглядывая дом, где жил Мэтт, всем существом ощущая его присутствие там, внутри. Уже отъезжая, я не смогла удержаться — сердце мое и разум полны были им и только им — и, обернувшись, бросила еще один, последний взгляд.

Балконная дверь на верхнем этаже отворилась. Похоже, кого-то из жильцов тоже замучили мысли и он вышел на пожарную лестницу. Мэтт. Да, это его квартира. Много цветов и зелени: крошечная площадка пожарной лестницы вся уставлена живыми растениями — тихий протест против грохота автострады и большого города.

Вивиан подошел бы мой сад. Меня лично его размеры подавляли. Садам занималась Ма, неустанно засаживая его тыквами и кабачками, как будто нам грозил голод. А потом с корзинкой овощей обходила растерянных соседей.

«Это вам» — все, что говорила Ма, так и не выучившая английский.

Поначалу соседи отказывались или пытались заплатить, пока не поняли, что эта странная дама живет в одном из самых красивых домов на нашей улице.

«Эксцентричная», — решили все в конце концов.

Мэтт все стоял, облокотившись на перила. Ничего прекраснее я в жизни не видела.

А потом появилась она.

Все такие же длинные волосы, все так же развеваются на ветру. Плечи и руки казались еще более хрупкими на фоне раздувшегося живота. Стоило ей коснуться его плеча, и, какими бы мрачными ни были его мысли, они мгновенно рассеялись — и вот он вновь с нею, любимой женой и матерью его детей. Он нежно обнял ее, они стояли рядом, глядя в их общее будущее.

Начался дождь, капли отбивали похоронную дробь на мотоциклетном шлеме. Для меня это было чересчур. Я почти забыла Мэтта. Мучительно болезненной оказалась реанимация мечты. Мечты о ночах в общей постели, о нашей семье. Призрачные образы колыхались в свете фар, отражались в мокром асфальте и исчезали как дым.

Амулет я положила в перчатку и крепко сжимала его всю дорогу до дома, которая на этот раз показалась слишком долгой. Я все еще ощущала Мэтта, его запах, его вкус. Сумею ли я вновь забыть его? Но постепенно эмоции утихли сами собой, и, сворачивая к дому, я знала, что когда-нибудь сумею спокойно принять случившееся. Мне было горько и радостно, что сумела подарить ему безоблачное счастье с Вивиан.

Уже идя к дому, я окончательно взяла себя в руки. Навстречу выскочил мой двенадцатилетний сын со спортивной сумкой через плечо.

— Привет, куда это ты? — окликнула я по-китайски.

— У меня тренировка, бейсбол! Мам, я уже опаздываю! — Его китайский был практически безупречен. Джейсон невероятно похож на отца, Мэтт мгновенно узнал бы его на фотографии в моем кабинете: золотистые глаза, густые брови, даже прядь волос, постоянно падающая на лицо.

Он уже садился на велик, но я остановила его:

— Джейсон.

— Мне пора.

— Ты забыл попрощаться.

Помедлив, он повернулся ко мне:

— Я уже слишком взрослый для таких глупостей.

— Да ладно тебе. — Я сняла шлем, перчатки, спрятала амулет Мэтта в карман.

Он крепко обнял меня, поцеловал в щеку. Уже отъезжая, махнул рукой:

— Наше вам с кисточкой!

В нашей просторной гостиной Ма протирала пианино. Пылинки кружились в солнечном свете. Ма уже за пятьдесят, но она прекрасно выглядит. Не оборачиваясь, она произнесла:

— Звериный доктор опять звонил. Беспокоится о кошке. Но кошка, кажется, совершенно здорова.

Вопросительно приподняв бровь, она ждала моих объяснений. А серый полосатый кот, предмет обсуждения, сидел на подоконнике, деловито вылизывая свои белые лапки.

Я предпочла не отвечать. Конечно, мило, что к последнему счету Тим, наш ветеринар, присовокупил приглашение на открытие художественной выставки. С тех пор мы несколько раз встречались, и он мне нравится — такой терпеливый и интеллигентный. Но я прекратила рассказывать Ма о мужчинах, потому что она постоянно хочет выдать меня замуж.

— Я устала, пойду прилягу.

Ма поняла: что-то произошло.

— У тебя все хорошо?

— Да, конечно.

В спальне наверху я задернула шторы и поставила диск с «Нормой» Беллини. Рухнула на кровать, сжимая в руке амулет Мэтта, и отдалась чувствам.

Ма и Аннет пошли вместе со мной на аборт, сидели и ждали, пока меня готовили. Доктору нужно было сделать ультразвуковое обследование для уточнения срока беременности. Простая формальность, думала я. Мне намазали живот гелем, вся кожа покрылась мурашками от холода.

Я ожидала увидеть комок клеток, прилипший к стенке матки. Но внезапно на экране появилось изображение плода, и я вскрикнула от неожиданности. Подскочила так резко, что чуть не уронила сканирующее устройство. Врач строго посмотрела, но я уже не обращала внимания на приказание лежать спокойно. Я буквально прилипла к экрану.

Он занимался гимнастикой. Маленький головастик, он отталкивался от

стенки матки, ворочался с боку на бок, радостно плавал, откровенно наслаждаясь жизнью. Он был таким забавным, свободным и игривым, что я не могла сдержать смех. Представила, как он тоже смеется. В тот миг я полюбила его, ребенка Мэтта. И моего, навеки.

Будь его отцом кто-то другой, наверное, я смогла бы через это пройти. Но это был Мэтт. Увидев малыша, я лишила себя выбора, хотя впоследствии мне пришлось нелегко. Не будь у меня таланта к обучению, мы все пропали бы.

Не решившись на аборт, я думала, что смогу восстановить отношения с Мэттом. Даже разыскивала его, но увидела их вместе с Вивиан. Как же было больно. Я ведь не знала, что он уже выяснил, что я натворила, точнее, что собиралась натворить. Я понимала, что запросто сумею разрушить их отношения, но боль утраты отрезвила меня — ребенок ничего не изменил. Как ни страшно, но пришлось признать очевидный факт: Мэтт был бы несчастен со мной.

Джейсона воспитывали двое родителей — я и Ма. Он очень сильно любил меня, хотя я редко бывала дома. С самого детства он замечал те редкие подарки, что я делала себе. «Мамочка красавица», — говорил он в таких случаях, восторженно глядя на меня круглыми глазенками. И я действительно чувствовала себя прекрасной. Он горько плакал всякий раз, когда я должна была уйти, хотя бабушка, моя Ма, всегда была рядом. Я возвращалась домой глубокой ночью, а они спали вдвоем в кресле у самых дверей, — значит, он ждал меня до последнего, пока не сморил сон.

Сначала мы жили в Квинсе, и это был истинный рай после квартиры в Бруклине, которой Джейсон так никогда и не увидел. Помню, как Ма все трогала мебель, стены, кухонные приборы, не веря происходящему. А я радовалась, что стены и пол чистые, что если мы все сидим в гостиной, то остаются еще свободные комнаты. А главное — нет никаких насекомых.

Из-за беременности учебу в Йеле пришлось отложить на год. Это было самое тяжелое время, мы с Ма работали на дому, но едва сводили концы с концами. Вскоре после рождения Джейсона я пошла ночами сортировать почту, чтобы днем быть с малышом. К началу следующего учебного года мы переехали в Нью-Хейвен, в маленькую квартирку рядом с университетом. С финансовой поддержкой Йеля стало немного легче.

Мы жили на стипендию и кредиты. Студенткой я работала в четырех местах одновременно, но все-таки закончила с отличием и поступила в Медицинскую школу Гарварда. В те годы бесконечной выплаты бесконечных долгов мне пришлось максимально использовать все природные таланты, чтобы стать первоклассным хирургом.

Да, я подарила Мэтту его жизнь с Вивиан, его простое семейное счастье. В то же время лишив его жизни с нами. Я в огромном долгу перед Джейсоном, который никогда не смогу оплатить. Отказавшись от Мэтта, я вынудила Джейсона сделать то же самое. Сын заплатил за мои благородные устремления. Пока он еще мал и не задает вопросов, на которые мне не хотелось бы отвечать, — вопросов о своем отце. Но придет время, когда он пожелает узнать правду. Что я скажу ему? Откуда мне знать, в чем была эта правда много лет назад, когда я сама ничего не понимала?

Звуки *Sola, furtive al tempio* наполнили комнату.

Я разрываю священные узы.
Живи и будь счастлив
Со своей единственной любовью.

Глубоко вдохнув, я встала с кровати и распахнула дверь.

notes

Примечания

1

Роман Даниэля Дефо.

Table of Contents

[Джин Квок Девушка в переводе](#)

[Пролог](#)

[Глава первая](#)

[Глава вторая](#)

[Глава третья](#)

[Глава четвертая](#)

[Глава пятая](#)

[Глава шестая](#)

[Глава седьмая](#)

[Глава восьмая](#)

[Глава девятая](#)

[Глава десятая](#)

[Глава одиннадцатая](#)

[Глава двенадцатая](#)

[Глава тринадцатая](#)

[ДВЕНАДЦАТЬ ЛЕТ СПУСТЯ Глава четырнадцатая](#)

[Примечания](#)

1